Ц-33

Библіотека Н. К. МИХАЙЛОВСКАГО
шкафъ XVII полка 2 № 2

283

45-33

Почетной Редакции „Русского богатства" от автора

ПОЛОЖЕНІЕ И ПРАВА
ЖЕНЩИНЫ ВЪ СЕМЬѢ И ОБЩЕСТВѢ
ВЪ ДРЕВНОСТИ, СРЕДНІЕ ВѢКА И НОВОЕ ВРЕМЯ.

ИСТОРИКО-ЮРИДИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ
(двѣ публичныхъ лекціи)

Ординарнаго Профессора Демидовскаго Юридическаго Лицея

В. Г. Щеглова.

9488

БИБЛІОТЕКА
О-ва для достав. сред.
В. Ж. КУРСАМЪ

ЯРОСЛАВЛЬ.
Типографія Э. Г. Фалькъ.
1898.

Лен. Гос. Ун-т
НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
им. Горького

XI. 1.

Печатано по опредѣленію Совѣта Демидовскаго Юридическаго Лицея.
Директоръ *С. Шпилевскій.*

Принципъ, которымъ управляются общественныя отношенія между обоими полами, т.-е., легальная подчиненность одного пола другому, по самой сущности своей, ложенъ и составляетъ нынѣ одно изъ главныхъ препятствій къ прогрессу человѣчества; его слѣдуетъ замѣнить принципомъ полнаго равенства, недопускающимъ ни власти, ни преимуществъ съ одной стороны, ни воспрещеній съ другой.

Джонъ Стюартъ Милль: „Подчиненность женщины".

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ПЕРВАЯ ГЛАВА.

(1—29 стр.).

Противники идеи женской самостоятельности въ семьѣ и обществѣ изъ числа выдающихся ученыхъ XIX вѣка (О Контъ, Шопенгауэръ, Бишофъ, Крживицкій, Летурно, Прудонъ, Феллинъ, Лаура Маргольмъ, гр. Л. Н. Толстой, Ф. Нитцше, Максъ Нордау). Защитники мысли о необходимости улучшенія положенія женщины, сравненія ея правъ съ правами мужчинъ,—извѣстные писатели и дѣятели XVIII (Кондорсе) и XIX в. (миссъ Вульстонкрафтъ, Роланъ, Сталь, Жоржъ Зандъ, Легувэ, Джонъ Стюартъ Милль, Гербертъ Спенсеръ, Е. Дюрингъ, Луи Франкъ, Гевлокъ Эллисъ).

ВТОРАЯ ГЛАВА.

(30—49 стр.).

Равенство женщины съ мужчиной въ первобытномъ обществѣ. Ея преобладаніе въ матріархальной семьѣ и безусловное подчиненіе мужчинѣ въ семьѣ патріархальной. Обычаи похищенія и покупки невѣсты ея женихомъ. Возникновеніе приданаго. Развитіе патріархальной семьи на Востокѣ и рабское положеніе женщины у восточныхъ народовъ. Восточныя женщины—жрицы, правительницы, пророчицы. Женщина въ античномъ мірѣ (древней Греціи и Римѣ). Первоначальное равенство здѣсь обоихъ половъ, замѣнившееся полнымъ господствомъ мужчины надъ женщиной въ патріархальной семьѣ, греческой и римской. Представленія о женщинѣ греческихъ философовъ Платона и Аристотеля. Греческія и римскія гетеры. Борьба римской женщины за свою свободу съ мужчиной, сравненіе ея правъ съ правами мужчины въ семьѣ и имущественной жизни. Роскошный, привольный и развратный образъ жизни римскихъ женщинъ, особенно римскихъ императрицъ. Чистота нравовъ у древнихъ германцевъ, уваженіе ихъ къ женщинѣ и высокое ея положеніе въ германской и галльской семьѣ и обществѣ.

II

ТРЕТЬЯ ГЛАВА.

(50—74 стр.),

Вліяніе христіанства на возвышеніе женщины въ семьѣ и обществѣ. Женщина въ византійской имперіи. Женщина въ средневѣковомъ, феодальномъ обществѣ, высшихъ его классахъ. Женскіе католическіе монастыри. Женщина по средневѣковому, католическому міровоззрѣнію. Средневѣковые процессы вѣдьмъ. Культъ св. Дѣвы Маріи. Поклоненіе женщинѣ рыцарей. Участіе ея въ движеніи гуманистовъ. Вліяніе реформаціи на развитіе патріархальныхъ началъ въ среднихъ и низшихъ классахъ западно-европейскаго населенія. Женщина въ произведеніяхъ Шекспира, Шиллера, Гёте. Мысли о необходимости образованія женщинъ Даніэля Дефо и Мери Астелль (XVII в.). Паденіе патріархальныхъ нравовъ въ высшемъ обществѣ въ XVIII в. Женщина у Мольера Бомарше и Ж. Ж. Руссо. Образованныя женщины XVIII вѣка. Женщины—правительницы. Французскія женщины въ салонахъ XVIII в. (Сталь, Роланъ). Освободительныя идеи XVIII в. въ взглядахъ на женщину у фонъ-Гиппеля. Яковъ Барри—первая въ Европѣ начала XIX в. женщина—военный врачъ. Попытки сравненія правъ женщинъ съ правами мужчинъ во Франціи (XVIII стол.). Положеніе женщины въ низшихъ классахъ западно-европейскаго населенія въ XV—XVIII в.

ЧЕТВЕРТАЯ ГЛАВА.

(75—101 стр.).

Самостоятельность древне-славянской женщины (по былинамъ, лѣтописямъ и древне-русскому праву). Княгиня Ольга („матерая вдова"). Вліяніе христіанства и византійскихъ идей на положеніе женщины въ русскомъ допетровскомъ обществѣ. Женщина въ патріархальной русской семьѣ до Петра I. Жизнь и дѣятельность женщины въ терему по „Домострою" (XVI—XVII ст.). Вліяніе на нравы въ русскомъ допетровскомъ обществѣ унизительнаго положенія въ немъ женщины. Типы энергичныхъ русскихъ женщинъ въ допетровскомъ обществѣ (Марѳа Борецкая, боярыня Морозова, царевна Софья). Реформа Петра I въ положеніи женщины.

Русская женщина высшихъ классовъ въ XVIII в.: воспитаніе дѣвицъ, жизнь семейныхъ женщинъ, ихъ образованіе (въ институтахъ) Русскія императрицы. Женщина въ помѣщичьемъ быту. Женщины писательницы, артистки. Благотворительная и отшельническая жизнь женщинъ въ высшемъ русскомъ обществѣ XVIII стол.

ПЯТАЯ ГЛАВА.

(102—135 стр.).

Русская женщина въ первой половинѣ текущаго столѣтія. Участіе ея въ событіяхъ 1812 г. Развитіе типа институтокъ и ихъ вліяніе на нравы. Женщины-героини 20-хъ годовъ (княгиня Трубецкая и Волконская). Вліяніе идей Ж. Зандъ на русское общество 30-хъ годовъ и литературныя произведенія *Тургенева*. Созданные имъ въ духѣ Ж. Зандъ, положительные и отрицательные, женскіе типы въ его произведеніяхъ (Лиза Калитина, Ирина, Зина, Клара Миличъ, Сусанна, Вѣра Ельцова, Ася, Полозова и др.). Женскіе типы Тургенева съ общественнымъ характеромъ ихъ міровоззрѣнія и дѣятельности: Наталья (въ „Рудинѣ“), Елена (въ „Наканунѣ“) и Маріанна (въ „Нови“). Русская женщина въ 40—50-хъ годахъ (барышня, замужняя, идеальная дѣва). Русскія женщины въ произведеніяхъ *Пушкина* (Татьяна въ „Евгеніи Онѣгинѣ“—типъ лучшей русской дѣвушки и женщины). Романтическія представленія *Лермонтова* о русской женщинѣ (Мэри и Вѣра въ „Героѣ нашего времени“, Тамара въ „Демонѣ“). Женскіе типы въ произведеніяхъ *Гоголя* (Манилова, Коробочка, Пульхерія Ивановна и др.), *Гончарова* (Ольга въ „Обломовѣ“, Вѣра и Марфинька въ „Обрывѣ“), *Писемскаго*, *гр. Л. Н. Толстого* (Наташа Ростовцева, Княжна Марія Болхонская въ „Войнѣ и мирѣ“, Долли Облонская, „Анна Каренина“). Вліяніе общественнаго движенія 60-хъ годовъ и крестьянской реформы на положеніе женщины. „Нигилистки“ въ произведеніяхъ *Тургенева* („Отцы и дѣти“), *Достоевскаго* („Бѣсы“), *Лѣскова* („На ножахъ“, „Некуда“) и др. Положеніе русской женщины въ крестьянскомъ быту. Условія жизни и дѣятельности западно-европейской женщины въ XIX стол. Женщина рабочихъ классовъ на Западѣ. Эмансипаціонное движеніе въ средѣ среднихъ и высшихъ классовъ западно-европейскаго общества. Состояніе

женскаго вопроса въ современныхъ западно-европейскихъ странахъ (во Франціи, Англіи и др.). Права западно-европейскихъ женщинъ. Американская женщина. Права русскихъ женщинъ.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

(136—166 стр.).

Краткое обозрѣніе исторической судьбы женскаго вопроса (въ первобытную эпоху общественной жизни, на Востокѣ, въ античномъ мірѣ, въ средніе вѣка и новое время). Одинаковое господство въ семьѣ патріархальнаго режима въ древнее и новое время. Защита его въ современномъ европейскомъ обществѣ. Отголоски патріархальныхъ взглядовъ на женщину въ русскомъ обществѣ. Происхожденіе и общій характеръ доводовъ противъ признанія равенства съ мужчиной, самостоятельности за женщиной въ области семейныхъ и общественныхъ отношеній. Причины неудачи освободительныхъ попытокъ самихъ женщинъ, выдающихся какими-либо особенными качествами ума и сердца. Разборъ доводовъ *Милля* въ защиту женской равноправности. Перевѣсъ женщинъ надъ мужчинами въ дѣлѣ нравственнаго развитія. Дѣйствительныя и идеальныя отношенія супруговъ. Положеніе въ современномъ обществѣ дѣвушекъ, старыхъ дѣвъ и замужнихъ женщинъ безъ дѣтей или съ взрослыми дѣтьми. Разсмотрѣніе вопроса о доказываемой многими неспособности женщинъ къ умственнымъ занятіямъ. Умственныя качества женщинъ, которыми онѣ превосходятъ мужчинъ. Способна-ли женщина къ прогрессу также, какъ и мужчина? Несомнѣнность факта постепеннаго развитія въ исторіи идеи женской равноправности. Равенство въ образованіи женщины съ мужчиной—единственный путь къ разрѣшенію женскаго вопроса. Результаты женскаго движенія въ Америкѣ и необходимыя условія для развитія самостоятельности женщинъ въ европейскомъ обществѣ. Вѣроятная роль въ развитіи европейской цивилизаціи женщины XX столѣтія.

I.

Въ далекой, но не совсѣмъ чуждой современной Европѣ по своей цивилизаціи, Индіи есть легенда, въ которой въ поэтическихъ образахъ разсказывается, какъ появилась на землѣ женщина. Когда былъ созданъ міръ, но въ немъ не было еще человѣка, говоритъ легенда, Вишну долго наслаждался красотою морей, водопадовъ, озёръ, горъ, луговъ, лѣсовъ. Затѣмъ ему пришло на умъ собрать всю ихъ красоту въ одномъ существѣ. Вишну бросилъ листокъ лотоса въ пѣну горнаго потока, изъ которой появилась необыкновенной красоты дѣвушка. Легенда описываетъ, съ какимъ восхищеніемъ принято было это дивное созданіе Вишну всѣмъ міромъ, какъ при ея приближеніи распускались цвѣты, деревья склоняли къ ея ногамъ свои вершины, море выносило въ даръ изъ своихъ нѣдръ несмѣтныя сокровища, небо ласково смотрѣло на женщину міріадами своихъ звѣздъ. Она была довольна нѣмымъ восхищеніемъ ею во всей природѣ цѣлые полчаса. По желанію женщины, которое измѣнялось черезъ каждые слѣдующіе полчаса, были созданы хоры птицъ, славившихъ ея красоту, чудная змѣя, ставшая ея неразлучной подругой, левъ и слонъ, защищавшіе и носившіе женщину, и маленькая собачка для ея забавы. Такъ прошелъ цѣлый день. Желать было нечего, гулять надоѣло, забавы прискучили, друзья—змѣя и звѣри—перестали нравиться. Красавица прогнала льва, оказавшагося виновнымъ въ томъ, что сѣло солнце; слонъ убѣжалъ самъ въ лѣсъ послѣ того, какъ капризница разгнѣвалась на него, что онъ не привелъ ей льва, и ударила его прутомъ. Въ досадѣ женщина ущипнула змѣю, скользнувшую быстро въ траву, и отшвырнула ногой собачку. Остав-

шись одна въ наступившей темнотѣ, женщина страшно напугалась и стала молить Вишну, чтобы онъ создалъ ей такое существо, которое могло бы замѣнить всѣхъ, оставившихъ её, животныхъ, птицъ и весь міръ. „Пусть только это существо, просила женщина, никогда не покидаетъ меня, терпѣливо переноситъ мои капризы, исполняетъ всѣ прихоти, благодаритъ меня за обиды и покланяется мнѣ“. Тогда Вишну, говоритъ легенда, далъ женщинѣ мужа [1]). Осталась ли она довольна мужемъ, объ этомъ легенда умалчиваетъ, но объ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ разсказываетъ продолжительная исторія человѣчества. Въ теченіе ея проходитъ яркимъ образомъ этотъ типъ очаровательнаго, нѣжнаго существа, обаятельнаго въ своихъ минутныхъ капризахъ, легкомысленнаго, непостояннаго, слабаго, нуждающагося въ безпрерывныхъ услугахъ мужчины—защитника женщины, ея неразлучнаго спутника, слуги и поклонника. Такова была женщина на мрачномъ Востокѣ, въ свѣтлой, жизнерадостной Элладѣ, суровомъ Римѣ. Такою же её знаетъ средневѣковое европейское общество, гдѣ поклоненіе женщинѣ было возведено рыцарствомъ въ особый культъ. Названіе „слабаго и прекраснаго пола“, чуждаго серьезнымъ жизненнымъ интересамъ, женщина сохранила и во все новое время, когда сильный полъ мужчины продолжали снисходительно смотрѣть на всѣ недостатки ея организаціи и отводили женщинѣ, при всемъ своемъ видимомъ ей поклоненіи, второстепенное мѣсто въ семейной и общественной жизни. Даже тогда, когда знаменитый поборникъ идеи равноправности женщинъ съ мужчинами, *Д. С. Милль* выступилъ съ горячей проповѣдью въ ея защиту [2]), не менѣе извѣстный представитель науки въ XIX в., *О. Контъ* рѣшительно сталъ на сторону обычнаго взгляда на женщину

[1]) Южаковъ: „Вопросы просвѣщенія“. 1897 г. Спб.

[2]) Д. С. Милль: „Подчиненность женщины“. Переводъ Н. Михайловскаго. Спб. 1869.

и постарался даже обосновать его на научныхъ данныхъ.— По мнѣнію Конта, вся дѣтская организація женскаго пола дѣлаетъ необходимою постоянную, доказываемую исторіей, общественную подчиненность женщинъ мужчинамъ. Эта подчиненность женщинъ коренится въ естественной ихъ слабости, благодаря которой онѣ не могли занять въ обществѣ положеніе, равное съ мужчиной, между тѣмъ какъ, напр., рабы—мужчины стали въ новое время свободными вслѣдствіе того, что рабство вытекало изъ *временныхъ* условій древней общественной жизни. Контъ самаго невысокаго мнѣнія объ умственныхъ способностяхъ женщинъ, у которыхъ чувство постоянно беретъ верхъ надъ разумомъ. Не смотря на то, что въ послѣдніе два—три столѣтія были на лицо благопріятныя условія для развитія женщинъ, онѣ не произвели, замѣчаетъ Контъ, ничего, выдающагося въ музыкѣ, живописи, поэзіи. Контъ считаетъ пагубной самую мысль объ общественномъ равенствѣ обоихъ половъ, отъ котораго пострадаютъ, прежде всего, сами же женщины. Возрожденіе новаго общества должно привлечь ихъ безповоротно къ домашней жизни, отъ которой онѣ хотятъ отдалиться въ полномъ невѣдѣніи своего природнаго назначенія.

Мысли Конта о болѣе низшей природѣ женщины сравнительно съ природой мужчины не были одинокими среди ученыхъ XIX столѣтія въ разныхъ отрасляхъ знанія.

Во главѣ ихъ стоитъ знаменитый философъ *А. Шопенгауэръ*, который относится къ женщинѣ и ея роли въ обществѣ также пессимистически, какъ и ко всему остальному міру. Женщина служитъ цѣлямъ рода наравнѣ съ мужчиной, которыя маскируются въ личную ихъ цѣль, являются въ видѣ страстно желаемаго, высшаго ихъ счастья. Мужчина выбираетъ женщину, прежде

---

[1]) Письма О. Конта къ Д. С. Миллю (въ приложеніи къ цитированному сочиненію Милля)

всего, за ея физическія свойства—(молодость, здоровье, красивую фигуру и проч.), а затѣмъ интеллектуальныя и моральныя ея качества. Шопенгауэръ рекомендуетъ для улучшенія человѣческаго рода соединять путемъ подбора, посредствомъ браковъ, благороднѣйшихъ мужчинъ съ здоровыми, красивыми и мудрѣйшими женщинами [1]). Послѣ Шопенгауэра необходимость низшаго положенія женщины въ обществѣ старались доказать натуралисты, слѣдуя въ этомъ случаѣ, родственной съ философіею Шопенгауэра, теоріи Дарвина, его взгляду на борьбу за существованіе и естественный подборъ, какъ условія развитія общества: въ этой борьбѣ мужчина, какъ болѣе сильный, беретъ верхъ надъ женщиной и отводитъ ей низшее мѣсто въ семьѣ и всей общественной жизни. Анатомы (Бишофъ), антропологи (Крживицкій) и соціологи (Летурно) указывали на малый размѣръ женскаго мозга по отношенію къ мужскому и прекращеніе увеличенія вѣса мозга у женщинъ, старческое его увяданіе въ тотъ моментъ (25 лѣтъ), когда мозгъ мужчины еще развивается. На одномъ изъ съѣздовъ германскихъ антропологовъ нашелся ученый, который доказывалъ, что женщина походитъ на животное больше, чѣмъ мужчина, и на этомъ основаніи осудилъ безповоротно всякія стремленія женщинъ къ пріобрѣтенію самостоятельности [2]). Анатомическія и физіологическія различія въ женскомъ организмѣ сравнительно съ мужскимъ дали поводъ многимъ ученымъ заключить о роковомъ предназначеніи женщины къ одной только семейной жизни. Такъ извѣстный *Прудонъ* утверждаетъ, что въ женщинѣ властвуютъ одни грубые, чувственные инстинкты и что внѣ природной наклонности къ любви, подчиненности женщины мужчинѣ въ семьѣ для женщины не

---

[1]) Куно Фишеръ: „Артуръ Шопенгауэръ“. Москва. 1896. 385—395 стр.

[2]) Крживицкій: „Антропологія“. 1896. Спб., Летурно: „Соціологія по даннымъ этнографіи“ 1894. Спб. Изданіе О. Поповой, ср. Петри: „Антропологія“, 1-й т.

можетъ быть никакой другой для нея жизни и дѣятельности. Недавно умершій, мюнхенскій профессоръ *Рилъ* объявляетъ закономъ природы органическое раздѣленіе человѣческаго рода на два различныхъ пола и, вытекающее отсюда, соціальное неравенство, зависимость женщины отъ мужчины. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ ректоръ базельскаго университета, профессоръ *Феллинъ* выступилъ публично съ рѣчью, въ которой доказывалъ цѣлымъ рядомъ разнообразныхъ научныхъ данныхъ, что женщины должны думать лишь объ исполненіи своихъ домашнихъ обязанностей, а не о какой-либо практической общественной дѣятельности. Физическое и психическое различіе между женщиной и мужчиной существуетъ, по словамъ Феллина, съ сотворенія міра, и оно, по его убѣжденію, останется въ мірѣ, пока будутъ жить въ немъ люди. Женщина не равна мужчинѣ, которому она служитъ необходимымъ дополненіемъ: ея неизбѣжный удѣлъ быть женой, матерью и хозяйкой [1]). Но не говоря о мужчинахъ, даже изъ среды самихъ женщинъ, выдающихся въ той или другой области общественной жизни, раздаются многіе голоса противъ попытокъ взглянуть на женщину и ея назначеніе въ жизни шире односторонихъ, узкихъ воззрѣній семейной морали, освящаемыхъ вѣковымъ опытомъ и обычнымъ складомъ народной жизни. Знаменитая М-me *Сталь*, такъ прославившаяся своимъ виднымъ участіемъ въ бурныхъ событіяхъ французской революціи и враждой къ Наполеону I, много боролась за свободу личности, но была убѣждена, что вѣчная потребность женскаго сердца-любовь. Лишь когда ей не удается достигнуть семейнаго счастья, женщина можетъ вступить на путь общественной дѣятельности и славы. Превосходство мужщины надъ женщиной признаетъ извѣстная современница Сталь,

---

[1]) Феллинъ: „Женщина, ея назначеніе и положеніе въ семьѣ и призваніе". 1893. Кіевъ.

Роланъ. Не менѣе Сталь и Ролань прославившаяся, поборница права женщины на свободу въ области чувства, *Жоржъ Зандъ* мирится съ безсиліемъ женщины предъ неумолимыми, жестокими законами природы и общества, осудившими ее на подчиненность и пассивность. Женщина представлялась Ж. Зандъ страдалицей въ семьѣ отъ деспотизма мужа, въ обществѣ отъ его предразсудковъ; но она не въ состояніи бороться противъ, одолѣвающихъ ее, бѣдъ. Высшая задача женщины поэтому—любовь—высшее платоническое, идеальное чувство, которое властно захватываетъ женщину и даетъ ей семейное счастье. Современная писательница, *Лаура Маргольмъ* рѣзко нападаетъ на стремленіе современныхъ женщинъ къ равноправности съ мужчиной, которое разрушаетъ весь смыслъ ея истинной жизни. Полную удовлетворенность, настоящее счастье женщинъ могутъ дать, по убѣжденію Маргольмъ, только семейный очагъ, охрана мужчиной женской слабости и дѣтскія ласки. Всѣ самыя смѣлыя искательницы новыхъ путей для женщинъ, достигшія почетной извѣстности, славы своими литературными успѣхами и научными трудами, рано или поздо чувствовали полное разочарованіе, если только имъ не удавалось получить свою долю семейнаго счастья. Л. Маргольмъ доказываетъ свои взгляды примѣрами, біографіями наиболѣе извѣстныхъ въ европейскомъ обществѣ женщинъ—русскихъ (Маріи Башкирцевой и Софіи Ковалевской) и иностранныхъ (Эдгренъ, Леффлеръ, Эгертонъ, Скрамъ и Элеоноры Дузе). Все это - женщины, считавшія въ свои юные годы, что у нихъ есть другія, болѣе высокія задачи, чѣмъ быть женами и матерями, поддавшіяся уравнительному теченію вѣка и забывшія, что онѣ женщины, связанныя вѣчными законами природы. Оттого-то жизнь ихъ и оказалась разбитою, что онѣ изсушили себя въ поискахъ за пустыми цѣлями, копируя мужчинъ, безъ которыхъ женщина не можетъ создать себѣ счастья. Возставая такъ сильно противъ стрем-

леній женщинъ къ равноправности, Л. Маргольмъ сама, однако, пріобрѣла матеріальную независимость и литературную извѣстность, именно благодаря этимъ же стремленіямъ въ современномъ европейскомъ обществѣ, которое обратило большое вниманіе на „Книгу о женщинѣ", написанную одной изъ замѣчательныхъ современныхъ женщинъ [1]).

Взгляды Маргольмъ на женщину и ея назначеніе, помимо обычныхъ воззрѣній на положеніе женщины въ обществѣ, нашли въ немъ живое сочувствіе еще и потому, что на ихъ сторонѣ стоитъ такой знаменитый писатель, какъ гр. *Л. Н. Толстой*. Послѣдній, какъ извѣстно, ограничиваетъ дѣятельность женщины исключительно областью семейной ея жизни. Защищая энергически нравственную личность женщины противъ грубаго, матеріалистическаго къ ней отношенія мужчинъ, Толстой ставитъ высоко материнскія обязанности женщины, которая ради выполненія своего священнаго долга должна забыть о чуждой ей общественной дѣятельности. Мужчины только притворяются, когда они толкуютъ о равноправности женщины. На самомъ дѣлѣ она для нихъ только орудіе наслажденія и главная задача для женщины обворожить мужчину своей красотой, украшеніями въ нарядахъ и затѣмъ властвовать надъ нимъ деспотически. Еще рѣзче выступаетъ противъ женщины *Ф. Нитцше*, въ изображеніи котораго она—точное воспроизведеніе первой женщины въ индійской легендѣ. Женщина, по представленію Нитцше, поверхностна, мелочна, капризна, беззаботна, необузданна, жадна къ наслажденіямъ, неспособна къ умственнымъ занятіямъ. Главная наклонность женщины—украшать себя всѣми способами, чтобы понравиться мужчинѣ и властвовать надъ

---

[1]) Лаура Маргольмъ: „Книга о женщинѣ" 1897. Спб. Ср. ея же статью о нѣмецкой женщинѣ и М-me А. Додэ о французской въ Сборникѣ статей выдающихся писательницъ о женщинахъ ихъ странъ (Э. Ожешковой, А. Додэ, Кармень Сильва и др.), изд. Русской Мысли. 1898. („Женщина").

нимъ. Поэтому-то женщины притворяются и лгутъ предъ недалекими мужчинами, прививаютъ во вредъ себѣ и естественному назначенію женщины быть женой и матерью спеціальные мужскіе вкусы и наклонности. Нитцше, рекомендуя обществу дать просторъ развитію въ женщинѣ чувственныхъ наклонностей ея природы, думаетъ, что такимъ путемъ будетъ достигнуто идеальное назначеніе женщины, сохраненъ тотъ, прославленный Гете, „вѣчно-женственный“ элементъ ея природы, необычайное развитіе котораго въ теченіе вѣковъ сдѣлало изъ женщины „слабый полъ“, невольно преклоняющійся предъ сильнымъ [1]).

Въ числѣ противниковъ женской равноправности находится также еще и извѣстный авторъ „Вырожденія“ и „Парадоксовъ“, *Максъ Нордау*, который сравниваетъ отношенія между мужчиной и женщиной въ обществѣ съ положеніемъ самца и самки въ животномъ мірѣ. У большинства животныхъ самка сохраняетъ видовой типъ, тогда какъ самцы уклоняются отъ него часто въ значительной степени. Въ самкахъ такимъ образомъ часто преобладаетъ законъ наслѣдственности; въ самцахъ—законъ личнаго развитія. Также и въ людскомъ родѣ женщины одноподобны, однообразны, лишены оригинальности, между тѣмъ какъ мужчины разнообразны, способны къ измѣненіямъ, снабжены индивидуальными качествами. Нордау утверждаетъ, что обычное мнѣніе о разнообразіи и измѣнчивости женщинъ ложно, что идеальные женскіе образы въ литературѣ созданы „чувственно воспаленнымъ воображеніемъ мужчины“. Женщина только представительница вида, черты котораго она воспроизводитъ по закону наслѣдственности. Поэтому женщина страстно привязана къ традиціямъ и считаетъ всякое новшество чуть ли не личнымъ оскорбленіемъ,

---

[1]) Подробности взглядовъ гр. Толстого и Ф. Нитцше на женщину см. въ моей книгѣ: „Гр. Л. Н. Толстой и Ф. Нитцше“. Ярославль. 1898.

за исключеніемъ модъ, съ помощью которыхъ она надѣется придать новый эффектъ своимъ прелестямъ. Женщина является всегда врагомъ прогресса и служитъ самой твердой поддержкой реакціи во всевозможныхъ областяхъ и формахъ. Рабски воспроизводя то, что она подмѣтила у другихъ, женщина превратила религію въ суевѣріе, разумныя постановленія въ внѣшнія формы, осмысленныя дѣйствія въ пустыя церемоніи. Въ заключеніе этой своей нелестной для женщинъ ихъ характеристики Нордау называетъ ихъ „интеллектуальными автоматами, которые двигаются только туда, куда направляетъ ихъ заведенная пружина, и не могутъ произвольно измѣнить своего характера“ [1]).

Таковы имена наиболѣе извѣстныхъ противниковъ идеи равноправности женщинъ съ мужчинами, ряды которыхъ увеличиваются сильно второстепенными учеными разнаго рода и національности, густой толпой мужчинъ всѣхъ классовъ и странъ, вѣрныхъ преданіямъ старины, дѣдовскимъ завѣтамъ и запретамъ. Намъ хорошо знакомы типы такого рода людей по произведеніямъ любимыхъ русскихъ писателей (Гоголя, Островскаго и др.). Но мы не должны забывать, что рядомъ съ непримиримыми, сильными противниками женской равноправности, черпающими свои доводы въ наукѣ, а не одномъ только обычномъ складѣ понятій, общественныхъ учрежденій и окружающей средѣ, есть большая фаланга извѣстныхъ писателей, горячихъ защитниковъ улучшенія положенія женщины въ духѣ общеевропейскихъ общественныхъ идеаловъ. Въ ихъ авангардѣ стоитъ знаменитый французскій энциклопедистъ, писатель XVIII в., *Кондорсе*, который доказывалъ, что лишеніе цѣлой половины человѣчества гражданскихъ правъ — нарушеніе основнаго начала справедливости. „Права чело-

---

[1]) М. Нордау: „Психо-физіологія генія и таланта“. Переводъ. Кіевъ. 1898 г., 19—24 стр.

вѣческой личности истекаютъ, говорилъ Кандорсе, изъ того сознаваемаго всѣми факта, что человѣкъ способенъ усваивать нравственныя идеи и вырабатывать ихъ своимъ мышленіемъ. А такъ какъ женщинамъ присущи эти свойства, то по природѣ онѣ должны быть равноправны. Или ни одна человѣческая личность не имѣетъ своихъ правъ, или всѣ должны быть равноправны". Кондорсе первый провозгласилъ и защищалъ систему совмѣстнаго, общаго воспитанія половъ, которая въ XIX в. распространилась въ Европѣ (Германіи, Австріи, Голландіи, Швейцаріи, скандинавскихъ странахъ) и С. А. С. Штатахъ. Появившаяся въ началѣ XIX ст., книга миссъ *Вулетонкрафтъ* о правахъ женщинъ (Vindication of the Rigts of Woman) была еще болѣе страстнымъ призывомъ европейскаго общества къ установленію равенства женщинъ съ мужчинами въ воспитаніи и одинаковому съ ними допущенію ко всѣмъ занятіямъ. Миссъ Вулетонкрафтъ старается разсѣять господствующій въ обществѣ взглядъ на будто бы „прирожденную женщинамъ склонность одѣвать куколъ и разговаривать съ ними" и другія не менѣе странныя мнѣнія объ особенностяхъ женскаго характера. Упомянутыя *Роланъ и Сталь* много способствовали своею дѣятельностью, направленною на борьбу съ угнетеніемъ женщины въ семьѣ и обществѣ, развитію въ немъ идей о свободѣ чувства и брака. Реформы семейныхъ отношеній въ духѣ тѣхъ же идей усердно добивалась и *Жоржъ Зандъ*. Съ 30-хъ годовъ текущаго столѣтія начинается въ европейскомъ обществѣ движеніе въ пользу расширенія правъ женщины на образованіе и равенства съ мужчиной во всѣхъ правахъ, частныхъ и публичныхъ. Извѣстный французскій писатель, *Лабулэ* издаетъ сочиненіе о правѣ наслѣдованія женщины, гдѣ доказываетъ, что оно должно быть, согласно съ справедливостью, одинаковымъ для обоихъ половъ. *Легувэ* (1848) въ своей обширной „Моральной исторіи женщинъ" выставляетъ девизомъ

„равенство въ различіи“, въ силу котораго онъ требуетъ, чтобы вмѣстѣ съ признаніемъ особенныхъ свойствъ женской природы, отличныхъ отъ мужской, женщина была сравнена съ мужчиной во всѣхъ правахъ. Но особенно много сдѣлалъ для разрѣшенія женскаго вопроса англійскій ученый, знаменитый экономистъ *Д. С. Милль*, всѣ взгляды котораго раздѣляла и его жена. Въ сочиненіи мужа—Милля: „Подчиненность женщинъ“ собраны и разобраны съ свойственною этому писателю основательностью всѣ доводы противниковъ и защитниковъ идеи женской самостоятельности. Милль исходитъ въ своихъ доказательствахъ этой идеи изъ положенія, что подчиненность женщины мужчинѣ, составляющую главное препятствіе къ прогрессу человѣчества, необходимо замѣнить въ его интересахъ принципомъ полнаго равенства между обоими полами, недопускающимъ какихъ-либо преимуществъ или власти съ той или другой стороны. Милль утверждаетъ, что настоящее, зависимое положеніе женщины создано искусственно *историческими обстоятельствами*, вліяніе которыхъ на характеръ и измѣненія въ природѣ человѣка можетъ только объяснить особенности въ природѣ женщинъ по сравненію съ природой мужчины. Благодаря его преобладанію, какъ сильнѣйшаго, надъ женщиной съ незапамятныхъ временъ образовались многія физическія и душевныя качества женщины, которыя стали считать свойственными ей одной. Только исторія можетъ объяснить, что „наука нравиться мужчинамъ сдѣлалась полярной звѣздой женскаго воспитанія и характера. Въ отношеніи къ женщинамъ споконъ вѣку соблюдалась оранжерейная и тепличная система разрабатыванія нѣкоторыхъ способностей ихъ для пользы и удобства ихъ повелителей въ ущербъ всѣмъ остальнымъ“.

Эти-то искусственно выращенныя способности женщинъ и считаются ихъ *природой*. Вооружаясь противъ преобладанія мужчины надъ женщиной въ семейной жизни, которое про-

является здѣсь въ разнообразныхъ формахъ и охраняется правомъ, Милль подозрѣваетъ мужчинъ въ томъ, что они съ намѣреніемъ навязываютъ женщинѣ мысль о природномъ ея призваніи къ семейной жизни; подъ этими рѣчами скрывается, съ одной стороны, опасеніе мужчинъ, чтобы женщины не вздумали посвятить свое время и способности занятіямъ, доступнымъ теперь только мужчинамъ. Съ другой стороны, они боятся, чтобы женщины, которымъ не предоставлено никакого выбора между семейною и общественною жизнью, не стали требовать равныхъ съ мужчинами условій и правъ въ супружествѣ, которое теперь представляетъ въ глазахъ женщинъ болѣе непріятныхъ, чѣмъ привлекательныхъ сторонъ. Я оставляю до конца книги изложеніе доводовъ Милля въ пользу организаціи семьи и общества на защищаемомъ имъ началѣ равноправности обоихъ половъ. Упомяну здѣсь только объ одномъ замѣчательномъ выводѣ Милля изъ обсужденія имъ женскаго вопроса. Онъ именно вмѣстѣ съ Гердеромъ и Брайсомъ утверждаетъ, что возвышеніе или униженіе положенія женщины въ обществѣ служитъ точнѣйшимъ мѣриломъ степени развитія того или другого народа или его цивилизаціи. Эта истина подтверждается всей исторіей и въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ въ семейной жизни: *если жена не толкаетъ мужа впередъ, она непремѣнно тянетъ его назадъ.*

Послѣ Милля *Карлъ Пирсонъ* настаивалъ на томъ, что нужно обратиться къ исторіи отношеній между полами для рѣшенія женскаго вопроса и предвидѣлъ наступленіе эпохи, когда женщина достигнетъ независимаго положенія въ обществѣ и отношенія между полами будутъ преобразованы въ корнѣ.

Взглядъ Милля на зависимость положенія женщины въ обществѣ отъ окружающихъ ее условій легъ въ основаніе дальнѣйшаго изслѣдованія женскаго вопроса многими совре-

менными писателями, занимающимися общественными вопросами. Такъ беллетристы (Золя, Дюма и др.) выводятъ въ своихъ произведеніяхъ типы женщинъ, жизнь которыхъ складывается подъ вліяніемъ тѣхъ или другихъ обстоятельствъ [1]. Многочисленные ученые (соціологи: Спенсеръ, Лакомбъ, Лампрехтъ и др.) изучаютъ съ этой точки зрѣнія положеніе женщины въ первоначальной семьѣ или у различныхъ народовъ въ разнообразныя эпохи ихъ исторіи.

Вмѣстѣ съ успѣхами сравнительной исторіи права выясняются истинныя причины того униженнаго положенія женщины, которое она не знала на первыхъ порахъ общественной жизни. Все болѣе или болѣе выдвигается то громадное вліяніе, какое оказали, упоминаемыя Миллемъ, „историческія обстоятельства“ на роль и права женщины въ семьѣ и обществѣ. Справедливо замѣчаетъ противникъ философіи Шопенгауэра, *Е. Дюрингъ*, что въ будущемъ люди станутъ различать два культурныхъ періода развитія всего человѣчества, причемъ къ первому, охватывающему собою многія тысячелѣтія и далеко простирающемуся за наше время, будетъ отнесено то отсталое состояніе, когда женщина находилась еще въ совершенно приниженномъ положеніи. Самъ Дюрингъ рѣзко осуждаетъ систематическое удаленіе женщинъ мужчинами отъ всѣхъ общественныхъ дѣлъ и занятій, при которыхъ могли бы развиться природныя особенности женщинъ. Послѣднія издавна осуждены на болѣе тяжкія работы въ добавокъ къ немощамъ и страданіямъ, на которыя обрекаетъ ихъ сама природа. Между тѣмъ мужчины предоставили себѣ лишь такой трудъ, съ которымъ связаны господство и почести. Дюрингъ вооружается противъ распространеннаго взгляда, ограничивающаго жизнь женщинъ назначеніемъ ея пола, одной лишь семейной жизнью. Отбытіе

[1]) Э. Родъ: „Нравственныя идеи нашего времени“. Кіевъ. 1898.

мужчинами благороднаго искусства убивать на войнѣ со всѣми его мучительствами не перевѣшиваетъ страданія и заботы женщинъ при рожденіи дѣтей и ихъ воспитаніи. И на войнѣ, какъ и при родахъ, жизнь человѣка подвергается большой опасности. Женщины производятъ на свѣтъ дѣтей; мужчины же обладаютъ лестнымъ преимуществомъ уничтожать ихъ по мѣрѣ надобности. Совершенно невѣрно, что назначеніе пола совершенно поглощаетъ женщину и не даетъ ей возможности заниматься чѣмъ—либо другимъ. Обреченная на то, чтобы быть игрушкой для мужчины и украшеніемъ его жизни, женщина въ высшихъ классахъ современнаго общества при недостаткѣ серьезнаго, высшаго образованія чувствуетъ себя совсѣмъ лишнею въ зрѣлые годы, когда уже оканчивается выполненіе назначенія ея пола, если только ей удалось быть замужемъ. Женщина не можетъ найти удовлетвореніе въ современномъ бракѣ, который даже и теперь не имѣетъ характера свободнаго союза: мужъ обладаетъ въ немъ большими правами надъ женой, которая вступаетъ въ бракъ обыкновенно ради пріобрѣтенія экономической и общественной самостоятельности. Дюрингъ считаетъ несправедливымъ неодинаковое отношеніе общества къ проступкамъ мужчинъ и женщинъ при нарушеніяхъ ими взаимной вѣрности. Естественнымъ слѣдствіемъ необезпеченнаго положенія женщинъ издавна являлась *проституція,* форму которой принимаютъ многіе современные браки, заключаемые со стороны мужчинъ и женщинъ изъ за коммерческихъ соображеній. Но проституція скорѣе созданіе мужчинъ, послѣдствіе насильственныхъ браковъ, гдѣ мужчины имѣютъ право, а женщины однѣ обязанности. Дюрингъ требуетъ экономической независимости женщинъ и развитія духовной и общественной ихъ самостоятельности, благодаря которымъ задерживаемое доселѣ развитіе женскихъ силъ и способностей достигнетъ до возможно свободнаго ихъ проявленія [1]).

[1]) Е. Дюрингъ: „Цѣнность жизни“. Спб. 1894. 164—182 стр.

Горячая защита Дюрингомъ равноправности женщинъ съ мужчинами опирается на общія, отвлеченныя, философскія его воззрѣнія. Но къ такимъ же взглядамъ на женскій вопросъ приходятъ и всѣ другіе изслѣдователи, призывающіе на помощь указанія исторіи и разнообразныя отрасли знанія. Такъ *Луи Франкъ* замѣчаетъ въ своей книгѣ: „Женщина—адвокатъ“ [1]), что природа женщинъ — искусственный продуктъ исторіи, результатъ насильственнаго стѣсненія иниціативы воли, умственныхъ способностей женщины и развитія ея страстей и злыхъ наклонностей въ виду удовлетворенія желаніямъ и капризамъ мужчины. Франкъ возстаетъ противъ, сохраняющихся и теперь во многомъ, древнихъ преданій объ исключеніи женщины изъ общественной жизни и защищаетъ арсеналомъ неопровержимыхъ доводовъ и фактовъ свой главный взглядъ, что женщина—человѣкъ, сознательное и свободное существо, обладающее правомъ проявлять свою волю и способности во всѣхъ областяхъ человѣческой дѣятельности и употреблять ихъ для достиженія разнообразныхъ своихъ цѣлей.

Франкъ высказываетъ непоколебимую увѣренность, что вопросъ о томъ, какова истинная природа женщинъ, можетъ быть разрѣшенъ вполнѣ лишь тогда, когда женщинамъ будетъ предоставленъ просторъ въ развитіи ихъ личныхъ способностей и чувствъ.

Послѣ большаго и обстоятельнаго очерка о положеніи и правахъ женщинъ у разныхъ народовъ, древнихъ и новыхъ, Франкъ высказываетъ слѣдующіе доводы въ защиту женской равноправности. Доказывая статистическими и другими данными фактъ постепеннаго, поражающаго уменьшенія числа браковъ во всѣхъ

---

[1]) „La femme-Avocat“. Paris. 1898. Книга Франка написана по поводу предоставленія парижскимъ судомъ доктору правъ, Жаннѣ Шовенъ права быть адвокатомъ и содержитъ въ себѣ массу общихъ фактовъ относительно положенія женщинъ въ древнемъ и новомъ мірѣ.

европейскихъ странахъ въ зависимости отъ разнаго рода причинъ (экономическихъ и др.) [1]), Франкъ замѣчаетъ, что милліоны европейскихъ женщинъ лишены навсегда возможности путемъ брака пріобрѣсти опору и покровительство мужчины. Если эти женщины бѣдны, онѣ должны сами заботиться о пріобрѣтеніи средствъ къ своему существованію. Богатыя же женщины изъ ихъ числа стремятся найти удовлетвореніе своимъ наклонностямъ внѣ семейнаго очага, предназначеннаго имъ самой природой. Почему же, спрашиваетъ Франкъ, запрещать этимъ милліонамъ женщинъ честное и законное употребленіе изъ своихъ дипломовъ во имя семьи, которой онѣ не имѣютъ, и дѣтей, которыхъ имъ не суждено воспитывать? Франкъ неоспоримо доказываетъ, что женщина нисколько не ниже мужчины ни по своимъ умственнымъ способностямъ, ни тѣмъ болѣе нравственнымъ наклонностямъ. Интеллектуальныя различія между полами въ высшихъ классахъ европейскаго общества не естественный фактъ, а результатъ незначительнаго воспитанія женщинъ, ихъ совершеннаго невѣжества или привычекъ къ пустому препровожденію времени. Что же касается нравственности вообще, женщина во многомъ превосходитъ мужчину своимъ характеромъ, сохраненіемъ преданій, привычкой къ порядку и экономіи, моральной чистотой, возвышенными и благородными чувствами. Франкъ ссылается на изслѣдованія извѣстнаго вѣнскаго профессора, *Бенедикта*, который отдаетъ явное преимущество женщинѣ предъ мужчиной въ отношеніи выносливости при всякихъ несчастіяхъ и горѣ и готовности жертвовать собою для спасенія своей чести. Моральное паденіе женщинъ чистый продуктъ эгоизма и порочности мужчинъ также, какъ и не-

[1]) На этомъ фактѣ, прекрасно иллюстрирующемъ всю несостоятельность теорій объ исключительномъ призваніи женщины къ семейной жизни, останавливается, между прочимъ, Брандтъ въ своей книгѣ: „Положеніе женщины въ Европѣ и Америкѣ". Спб. 1896.

совершенной организаціи общества. Вступленіе женщинъ въ публичную жизнь должно улучшить общее состояніе человѣческаго рода. Опираясь на всѣ эти данныя о духовномъ равенствѣ женщинъ съ мужчинами, Франкъ энергично требуетъ и уравненія ихъ въ правѣ труда, отказъ въ которомъ преступное дѣло. Запретить бѣднымъ женщинамъ работать, значитъ не предоставить имъ счастье семейной жизни, имъ недоступной, а обрекать ихъ на несчастіе, приготовить кандидатокъ въ проститутки. Прошло время, когда женщина всегда пребывала бодрой охранительницей семейнаго очага и воспитательницей дѣтей. Теперь женщинѣ приходится сдѣлать для своего обезпеченія самое широкое употребленіе изъ своихъ способностей и талантовъ, что на самомъ дѣлѣ давно происходитъ въ исторіи: у всѣхъ народовъ женщины принимаютъ извѣстное участіе въ разныхъ областяхъ дѣятельности. Въ силу общепризнаннаго экономическаго принципа о свободѣ труда для всѣхъ людей всѣмъ имъ, а слѣдовательно и женщинамъ должны быть доступны всѣ профессіи, ремесла, всякіе виды труда. Въ этомъ не могутъ препятствовать женщинамъ никакія своеобразныя, физіологическія особенности ихъ организма, имѣющія случайный характеръ. Женскій трудъ отличается большею правильностью сравнительно съ мужскимъ и женщина, какъ показываетъ статистика, въ состояніи выполнять съ успѣхомъ серьезныя общественныя обязанности.

Изъ всѣхъ ученыхъ, занимающихся женскимъ вопросомъ, *Гевлокъ Эллисъ* обратилъ особенное вниманіе на основныя, половыя различія между мужчиной и женщиной и предпринялъ съ цѣлью разъясненія этого главнаго пункта въ женскомъ вопросѣ, стоившее ему многихъ лѣтъ труда, обширное изслѣдованіе, которое онъ озаглавилъ „Этюдомъ о вторичныхъ половыхъ признакахъ у человѣка“ [1]). Здѣсь ав-

[1]) Louis Frank., назв. сочиненіе. 146—182 р. [2]) Г. Эллисъ: „Мужчина и женщина“. Этюдъ и проч. Переводъ. Спб. 1898. Въ обширномъ

Лен. Гос. Ун-т
НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
им. Горького

торъ сравниваетъ организмъ обоихъ половъ со стороны ихъ физическихъ (анатомическихъ, физіологическихъ) и психическихъ особенностей, при чемъ приходитъ къ оригинальнымъ заключеніямъ какъ относительно происхожденія многихъ изъ нихъ, нормальныхъ и ненормальныхъ, явленій въ жизни мужчины и женщины, такъ и особенно вѣроятныхъ отношеній между ними въ будущемъ. Въ первобытное время мужчина занимался охотой и военными дѣлами, женщина заботилась о дѣлахъ, хозяйствѣ, положила начало земледѣлію и промышленности. Вмѣстѣ съ участіемъ въ послѣдней мужчинъ одинаковое сначала положеніе съ ними въ обществѣ женщинъ начинаетъ измѣняться къ выгодѣ мужчинъ, которые въ послѣдующій, христіанскій и военный, періодъ средневѣковой исторіи усвоиваютъ себѣ взглядъ на женщину, какъ символъ чувственности, соблазна, низшее существо, обреченное на одну семейную жизнь въ подчиненіи мужчинѣ. Въ XVIII и особенно XIX ст., благодаря промышленному режиму и доступности образованія для обоихъ половъ, постепенно исчезаютъ рѣзкіе признаки превосходства мужчинъ предъ женщинами, которыя стремятся теперь къ пріобрѣтенію гражданскихъ правъ, одинаковыхъ съ мужчинами. Въ настоящее время важно уяснить, какія различія между мужчиной и женщиной не являются продуктомъ искусственныхъ условій и останутся при полномъ уравненіи соціальныхъ положеній въ качествѣ естественныхъ особенностей половъ, вліяющихъ на ихъ роль во всей жизни людей? Этотъ вопросъ Г. Эллисъ думаетъ, если не окончательно разрѣшить, то, по крайней мѣрѣ, болѣе точно формулировать и приготовить къ разрѣшенію путемъ изученія вторичныхъ и третичныхъ половыхъ признаковъ мужчины и женщины (грудныхъ желѣзъ, разницы въ массѣ и распре-

---

сочиненіи Г. Эллиса собраны почти всѣ теоретическія данныя по женскому вопросу. Поэтому мы излагаемъ вкратцѣ все содержаніе этого интереснаго его труда.

дѣленіи волосъ, устройствѣ гортани, характерѣ голоса, строеніи черепа, величинѣ мозга, щитовидной желѣзы, составѣ крови и проч.) Гевлокъ Эллисъ беретъ за единицу сравненія особенностей половъ ребенка, по отношенію къ которому и расматриваетъ всѣ особенности мужскаго и женскаго организма. На первомъ планѣ стоитъ различіе мужчинъ и женщинъ относительно *роста, тѣла и пропорціональности его частей.* Цѣлый рядъ научныхъ данныхъ изъ разныхъ отраслей знанія приводитъ Гевлока Эллиса къ заключенію, что женщина созрѣваетъ скорѣе, чѣмъ мужчина, что развитіе женщины останавливается раньше и что, благодаря этимъ двумъ фактамъ, женщина по пропорціональности отдѣльныхъ частей тѣла (рукъ, ногъ и др.) приближается къ малорослому мужчинѣ и ребенку. Послѣ замѣчаній о различіи между мужчиной и женщиной по строенію таза, которое имѣетъ такое важное значеніе при отправленіи ею назначенія своего пола, Г. Эллисъ останавливается на *головѣ*, сравниваетъ черепа дѣтей, мужчинъ и женщинъ, ихъ лица и лицевые углы, зубы женщинъ и мужчинъ и вмѣстительность черепа у того и другаго пола [1]). Общее заключеніе при изслѣдованіи о черепѣ у обоихъ половъ не даетъ повода думать о превосходствѣ одного изъ нихъ надъ другимъ въ этомъ отношеніи.

Особенно интересны, тщательно изученныя авторомъ, научныя данныя о различіяхъ *мозга* у обоихъ половъ, относительно которыхъ такъ много было составлено произвольныхъ и ложныхъ взглядовъ и теорій. Г. Эллисъ утверждаетъ, что нельзя сравнивать мозгъ мужчины и женщины безъ отношенія его вѣса къ росту, вѣсу и объему всего ихъ тѣла, хотя въ отдѣльности каждый изъ способовъ этого сравненія так-

---

[1]) Г. Эллисъ дѣлаетъ здѣсь такіе выводы, что по размѣрамъ лица мужчина стоитъ выше обезьяны, а женщина выше, мужчины, что у женщинъ зубы больше и крѣпче зубовъ мужчинъ и проч.

же односторонен и ошибочен. Считают неоспоримым, что вѣсъ женскаго мозга къ вѣсу мужскаго выражается отношеніемъ 90: 100. Но по отношенію къ вѣсу всего тѣла женскій мозгъ равенъ и даже обыкновенно больше мужского мозга. По отношенію же къ количеству нервной ткани мозга женщины превосходятъ мужчинъ, что, однако, не доставляетъ первымъ особыхъ преимуществъ и даже является для нихъ иногда опаснымъ достояніемъ. Ростъ мозга у женщинъ продолжается до 20—25 лѣтъ и затѣмъ прекращается; мужской мозгъ ростетъ до 30 лѣтъ и замѣтное пониженіе вѣса мозга у мужчинъ не замѣчается ранѣе 55 лѣтъ. Вообще мозгъ женщины, какъ и весь ея организмъ, достигаетъ зрѣлости раньше и также раньше прекращается и ихъ развитіе. Но, замѣчаетъ Г. Эллисъ, теперь необходимо имѣть въ виду, что значеніе мозга съ точки зрѣнія половыхъ различій сильно до сихъ поръ преувеличивалось. Съ анатомической и физіологической стороны нѣтъ никакого основанія приписывать въ этомъ отношеніи одному полу превосходство передъ другимъ. Вся разница—лишь дѣло воспитанія не только ума, но и мускулатуры.

Большая (VI) глава посвящена Г. Эллисомъ половымъ различіямъ относительно внѣшнихъ *чувствъ*. Здѣсь встрѣчаются интересные выводы и объясненія всѣмъ извѣстныхъ различій мужчинъ и женщинъ въ этомъ отношеніи. Такъ тотъ фактъ, что женщины лучше мужчинъ способны выносить физическую боль и нравственныя огорченія, объясняется Г. Эллисомъ ихъ особеннымъ соціальнымъ положеніемъ. Подчиненіе родителямъ, мужу, дѣтямъ, обязанность женщины быть покорною и хранить въ глубинѣ души свои радости и огорченія способствовали развитію въ ней этой способности. Безъ нея женщины не могли бы вынести всей своей зависимой роли. Органы обонянія отличаются наибольшей тонкостью у мужчинъ, органы вкуса—у женщинъ. Разстройства слуха встрѣ-

чаются чаще у мужчинъ, какъ и серьезныя заболѣванія глазъ (напр., цвѣтная слѣпота). Вообще чувства могутъ быть одинаково изощрены у мужчины и женщины, но чувства женщины воспитываются обыкновенно менѣе основательно и поэтому развиты мало по сравненію съ мужчинами, которые обладаютъ болѣе тонкою распознавательною способностью, чѣмъ женщины. По силѣ, быстротѣ, точности движенія онѣ стоятъ ниже мужчинъ, весь организмъ и психическая организація которыхъ предрасполагаетъ ихъ къ сильной и напряженной мышечной дѣятельности; между тѣмъ, женщины болѣе склонны къ накопленію силъ и отдыху.

Переходя къ вопросу о различіяхъ между полами въ *умственномъ отношеніи*, Гевлокъ отмѣчаетъ фактъ, что мужчины болѣе способны къ общему и отвлеченному мышленію; у женщины же, наоборотъ, мысль направлена болѣе къ непосредственно окружающему ее міру. Методъ мышленія мужчины отличается осторожностью и медлительностью; женщина быстро воспринимаетъ впечатлѣнія и также быстро приводитъ свои рѣшенія въ дѣйствіе. Сюда относится извѣстная каждому способность женщинъ находить выходъ при затруднительныхъ обстоятельствахъ, при которыхъ мужчины обыкновенно теряются. Съ этой находчивостью (тактичностью) соединяется у женщинъ, свойственная ихъ полу, хитрость, которая развилась вслѣдствіе особыхъ причинъ [1]). Женщины прибѣгаютъ къ ней въ силу необходимости: теперь нѣтъ ни одной цивилизованной страны, въ которой женщина могла бы съ полной безопасностью открыто выражать свои желанія и съ явнымъ успѣхомъ добиваться ихъ удовлетворенія.

---

[1]) Эти причины, изслѣдованныя Ломброзо и Ферреро, вытекаютъ какъ изъ физическихъ особенностей женскаго организма, такъ и соціальнаго положенія женщины (ея слабости, необходимой скрытности при разныхъ отправленіяхъ и материнствѣ, скромности, стремленіи быть интересной въ глазахъ мужчинъ и пр.).

Женскій умъ вообще болѣе подвиженъ, поэтому рѣчь женщины такъ легка и быстра. Извѣстно также, что дѣвочки въ умственномъ отношеніи развиваются скорѣе мальчиковъ. Женщины болѣе понятливы, прилежны, аккуратны и терпѣливы при работахъ, нетребующихъ большаго напряженія, чѣмъ мужчины. Но въ области отвлеченнаго мышленія женщина отличается извѣстной несамостоятельностью. Гевлокъ приводитъ, между прочимъ, мнѣніе Г. Спенсера, что высокое умственное развитіе, какимъ отличались нѣкоторыя женщины, ненормальное у нихъ явленіе и вредитъ женскому организму. Женщины увлекаются философами, произведенія которыхъ отличаются большой поэтичностью и религіозностью (Шопенгауэръ, Платонъ, Ренанъ и др.). Въ области религіи женщинамъ принадлежитъ не иниціатива, обыкновенно исходящая отъ мужчинъ, а смѣлое и искреннее увлеченіе религіозными ученіями: женщины составляютъ большинство послѣдователей учителей религій. Въ политикѣ и управленіи государствомъ женщины не уступаютъ мужчинамъ и даже являются нерѣдко способнѣе ихъ, какъ это доказывается исторіей.

Есть еще извѣстныя различія между полами въ томъ, что Гевлокъ называетъ обмѣномъ веществъ, въ перемѣнѣ и обновленіи тканей тѣла. Кровь мужчинъ содержитъ въ себѣ меньше воды и больше красныхъ кровяныхъ тѣлецъ, чѣмъ кровь женщинъ, которыя поэтому подвержены анеміи, особенно въ зрѣломъ возрастѣ. Пульсъ у женщинъ бьется быстрѣе, но сила вдыханія меньше. Половыя различія въ дыханіи у цивилизованныхъ людей являются результатомъ искусственнаго, постояннаго сдавливанія груди. Гевлокъ страшно вооружается противъ корсетовъ и модныхъ женскихъ костюмовъ съ узкими таліями, которыхъ не знали гречанки блестящаго періода исторіи Греціи. Тонкая талія и модные костюмы разсчитаны на то, чтобы придать женскому тѣлу искусственные размѣры, которые возбуждаютъ вниманіе муж-

чины. Природа мститъ за подобныя препятствія развитію женскаго организма: употребленіе корсетовъ тормозитъ это развитіе, ослабляетъ мускульную силу и вызываетъ болѣзни легкихъ и сердца у женщинъ. Въ рубрикѣ о „воспріимчивости къ ядамъ“ находится любопытное замѣчаніе, что пьяницъ больше среди мужчинъ, но хроническій алкоголизмъ встрѣчается чаще у женщинъ. Между ними больше брюнетокъ, чѣмъ блондинокъ. Поэтому женщины обладаютъ большею плодовитостью, сопротивляемостью болѣзнямъ и долголѣтіемъ. Въ связи съ особенностями женскаго организма находятся измѣненія въ щитовидной его желѣзѣ и различіе въ устройствѣ гортани и тэмбрѣ голоса, развитіи сердца и легкихъ и другихъ внутреннихъ органовъ. Періодичность извѣстныхъ функцій у женщинъ служитъ причиной цѣлаго ряда особенныхъ психическихъ явленій въ ихъ жизни (большой впечатлительности, воспріимчивости къ внушеніямъ, пониженіи самоконтроля и др.), на которыя необходимо обращать вниманіе при сужденіяхъ о дѣйствіяхъ женщинъ въ это время. Особенность же женскаго организма составляетъ склонность женщинъ къ гипнотическимъ внушеніямъ и, родственнымъ съ гипнотизмомъ, явленіямъ (сомнамбулизму, экстазу, трансу, каталепсіи). Женщины же чаще видятъ сны и подвержены галлюцинаціямъ, чѣмъ мужчины. Женщины скорѣе поддаются дѣйствію анэстетическихъ средствъ (хлороформа, эфира, кокаина и др.) и чувствительнѣе мужчинъ ко всякимъ перемѣнамъ погоды. Неврастенія и истерія—типичныя болѣзни женщинъ, которыя отчасти поэтому принимаютъ большое участіе въ религіозныхъ движеніяхъ. Выдающіяся по отшельнической жизни и по двигамъ, женщины страдали тяжелыми формами истеріи. Среди русскихъ хлыстовъ много женщинъ, которыя пользуются у нихъ большимъ почетомъ. Кликуши страдаютъ пароксизмами истерической религіозности.

Женскому организму свойственна болѣе легкая возбуди-

мость, воспріимчивость къ, физическимъ и психическимъ, впечатлѣніямъ. Здѣсь лежитъ объясненіе многихъ особенностей женской природы. Женское сердце говорятъ нѣжнѣе мужскаго: это потому, что нервный механизмъ женскаго сердца приходитъ въ раздраженіе и вызываетъ сердцебіеніе подъ вліяніемъ такихъ впечатлѣній, которыя не дѣйствуютъ на здоровое мужское сердце. По той же причинѣ женщины краснѣютъ чаще мужчинъ, часто плачутъ и смѣются и приходятъ въ ужасъ по ничтожному поводу, женскія лица болѣе подвижны, реагируютъ быстрѣе на внѣшнія впечатлѣнія, которыя, однако, не сообщаютъ лицамъ женщинъ большей выразительности. Раздражительность, вспыльчивость тоже должна быть причислена къ характернымъ чертамъ женской природы, вытекаетъ изъ той же легкой возбудимости женщинъ, которая сильно истощаетъ ихъ силы. Мужчины способны къ продолжительной и напряженной работѣ, но ослабѣвшіе сильно ихъ организмы нескоро годятся на новый трудъ. Женщины слабѣютъ скоро при работѣ, но за то ихъ силы и скорѣе возстанавливаются. Отсюда объясняется тотъ фактъ, что женщины чаще страдаютъ нервнымъ разстройствомъ и заразными болѣзнями, но и скорѣе выздоравливаютъ отъ нихъ. Эта быстрая истощаемость нервной системы женщинъ обусловливается составомъ ихъ крови, которая водянистѣе крови мужчинъ. „Возбудимость женщинъ, замѣчаетъ Г. Эллисъ, источникъ ангельскихъ чертъ ихъ характера, ихъ нѣжности, состраданія, любви. Но въ ней же кроется корень и адскихъ выходокъ. Такъ и небесное, и адское въ женщинахъ неразлучно съ ихъ природой, и если кто хочетъ отрѣзать у женщины хвостъ черта, можетъ рисковать вмѣстѣ съ тѣмъ оборвать у нея и крылья ангела“ [1]).

Г. Эллисъ находитъ, что женщины менѣе способны къ

---

[1]) Г. Эллисъ, назв. соч., 246—257 стр.

къ искусству, чѣмъ мужчины. Живопись, скульптура, музыка обязаны своимъ возникновеніемъ и развитіемъ мужчинамъ. Для музыкальнаго творчества у женщинъ недостаетъ, по словамъ Епгопа, способности контролировать свои душевныя движенія (эмоціи), иниціативы и силы мысли. Поэтому въ музыкѣ не нашли выраженія даже наиболѣе характерныя стороны женской жизни—любовь къ мужчинѣ и нѣжное чувство къ ребенку. Нѣтъ ни одного любовнаго дуэта, ни одной колыбельной пѣсни, талантливымъ творцомъ которыхъ была бы женщина. Поэзія женщинъ отличалась до сихъ поръ малосодержательностью и безформенностью. Лишь въ беллетристикѣ женщины имѣютъ нѣкоторый успѣхъ; канва ея произведеній соглашеніе интересовъ мужчинъ и женщинъ, идеализированное отраженіе общественной жизни, съ которой женщины тѣсно связаны. Въ драматическомъ же исполненіи піэсъ, какъ и танцахъ, женщины превосходятъ мужчинъ: онѣ скорѣе воспринимаютъ и выражаютъ разныя впечатлѣнія, чувства женщинъ легче и рельефнѣе вызываются произведеніями и одобреніемъ слушателей. Эллисъ разсматриваетъ и различія между мужчинами и женщинами относительно болѣзненныхъ психическихъ явленій. Такъ самоубійство встрѣчается среди женщинъ въ болѣе раннемъ возрастѣ (15—16 лѣтъ), когда въ ихъ организмѣ совершается сложная и важная для него работа. Мужчины предпочитаютъ активные, обдуманные способы самоубійства; женщины—пассивные и не забываютъ обставить прилично свое разставаніе съ жизнью. Число самоубійцъ—женщинъ по сравненію съ мужчинами меньше потому, что онѣ не ведутъ такую ожесточенную борьбу за существованіе, легче приспособляются къ обстоятельствамъ, подчинены внушеніямъ общественнаго мнѣнія и особенно религіознымъ требованіямъ. Мужчины чаще подвержены безумію въ силу умственнаго переутомленія, алкоголизма и всякихъ излишествъ. Причины

безумія у женщинъ: любовь, семейныя и экономическія невзгоды, ревность и религія. Теперь среди женщинъ распространяется безуміе вслѣдствіе алкоголизма и общаго паралича—этой модной болѣзни „конца вѣка“, вызываемой пороками, переутомленіемъ, волненіями. Это усиленіе безумія, а также и преступности въ такихъ формахъ среди женщинъ пошлина, которую онѣ платятъ за право участіе въ европейской цивилизаціи. Женщины терпятъ большія страданія оттого, что, участвуя въ общественномъ трудѣ, онѣ лишены кочтроля надъ нимъ и его условіями. На женщинахъ—работницахъ тяжелѣе отзываются формы гнета, подъ которымъ стонутъ современные рабочіе на Западѣ Европы (продолжительность рабочаго дня, низкая заработная плата, необезпеченность заработка, нездоровыя жизненныя условія).

Интересная черта различія между полами—это сильная наклонность мужскаго организма къ измѣняемости, которая проявляется въ женскомъ организмѣ въ гораздо меньшей степени. Всякаго рода аномаліи—физическія уродства и психическія болѣзни—чаще встрѣчается среди мужчинъ, чѣмъ женщинъ. Идіоты, какъ и разнаго рода геніи встрѣчаются обыкновенно между мужчинами: оба эти явленія послѣдствія большей измѣняемости ихъ природы. Отсюда хорошо объясняется, почему мужчины играютъ въ исторіи общества роль элемента болѣе прогрессивнаго, женщины же—устойчиваго, консервативнаго. Женщины лучше сохраняютъ расовыя особенности, первобытный типъ; своей небольшой фигурой онѣ б иже къ предкамъ человѣка. Мужчины стремятся къ удаленію отъ первоначальнаго типа. Женщины отличаются ослабленной склонностью къ проявленіямъ оригинальности, индивидуализма. Въ этихъ особенностяхъ природы половъ лежитъ корень ихъ взаимнаго стремленія другъ къ другу и жизненнаго общенія. Женщины ищутъ и находятъ въ мужчинахъ руководителей, для мужчинъ женщина—воплощеніе естест-

венной жизни, живыхъ, цѣлительныхъ силъ природы, съ которой женщина примиряетъ мужчину, терзаемаго безпрерывными порывами, энергичными усиліями. Въ послѣдней главѣ (XVII) своей интересной книги Г. Эллисъ приводитъ сравненія рождаемости и смертности мужчинъ и женщинъ. Хотя мальчиковъ родится и больше дѣвочекъ, однако, повсюду мы встрѣчаемъ явный избытокъ женщинъ. Причину этого факта нужно искать въ томъ, что мальчиковъ до 3-хъ лѣтъ умираетъ больше дѣвочекъ. Съ 15 до 20 лѣтъ женщинъ умираетъ больше мужчинъ, но послѣ этого возраста и до конца жизни перевѣсъ оказывается на сторонѣ женщинъ, которыя не знаютъ смерти на войнѣ и при борьбѣ за существованіе, неизбѣжной для мужчинъ. Женщины, хотя и чаще заболѣваютъ эпидемическими болѣзнями, но рѣже умираютъ отъ нихъ. Тяжелыя нервныя болѣзни съ смертнымъ исходомъ поражаютъ обыкновенно мужчинъ. Женщины медленнѣе старятся; мужчины чаще умираютъ внезапною смертью. Женщина имѣетъ большее значеніе для молодого поколѣнія, чѣмъ мужчина, и поэтому она жизнеспособнѣе и долговѣчнѣе мужчины.

Не менѣе оригинальны и любопытны заключительные выводы, которые дѣлаетъ Г. Эллисъ изъ массы, сообщаемыхъ въ его книгѣ, фактовъ и взглядовъ. Они даютъ поводъ ему сознаться съ грустью, что при ихъ помощи невозможно указать на коренные и существенные признаки природы мужчины и женщины, которые образовались и измѣнялись бы самостоятельно, внѣ разнообразныхъ внѣшнихъ условій. Современная наука указываетъ только не то, что оба пола представляютъ въ современной цивилизаціи, а не то, чѣмъ они могутъ и должны быть. Г. Эллисъ обращаетъ вниманіе лишь на большую склонность мужскаго организма къ измѣняемости и раннее развитіе женскаго организма и его остановку, какъ на два характерныхъ признака половыхъ ихъ различій. Женскій ор-

ганизмъ вслѣдствіе такой отсталости близокъ къ дѣтскому типу, съ которымъ его связываетъ общность разнообразныхъ свойствъ и болѣзней. Но такое сходство женщины съ ребенкомъ не означаетъ, что она—недоразвившійся мужчина. Прогрессъ нашей расы выражается въ направленіи къ юношескому типу, образцомъ котораго были древніе греки и всѣ геніальные люди. Женщина скорѣе мужчины освободилась отъ волосатости на лицѣ потому только, что она стоитъ ближе къ ребенку. Вся физическая организація женщины болѣе совершенна, чѣмъ у мужчины, который теперь приближается къ женщинѣ по своимъ занятіямъ (промышленнымъ). Гевлокъ Эллисъ старается отыскать у женщинъ, уравновѣшивающія нѣкоторые ихъ недостатки и слабости, стороны женской природы, которыя вознаграждаютъ женщинъ за разнообразныя преимущества мужчинъ. Послѣднихъ онъ считаетъ существами, приближающимися къ старческому и обезьянообразному типу. Въ концѣ концовъ Г. Эллисъ находитъ „нашъ міръ лучшимъ міромъ для женщинъ, чѣмъ для мужчинъ“ [1]), которымъ обоимъ лучше довольствоваться тѣмъ, до чего они достигли. Природа наградила женщинъ юношескимъ типомъ ради потомства; мужчины же отомстили природѣ и ея protegée тѣмъ, что вмѣстѣ съ покореніемъ природы подчинили себѣ и женщину въ воинственные, передовые періоды исторіи. Надежда нашей цивилизаціи—въ одинаковомъ развитіи въ жизни своеобразныхъ и женскаго и мужского элементовъ. Возможны нѣкоторыя реформы въ отношеніяхъ половъ, но только онѣ должны быть осторожны и ихъ пригодность провѣрена долгимъ опытомъ.

Болѣе горячимъ и рѣшительнымъ сторонникомъ женской равноправности является *Жакъ Лурбэ*, который тоже прибѣгаетъ для обоснованія своихъ взглядовъ къ помощи науки. *Жакъ Лурбэ* опровергаетъ научными данными, заимствованны-

[1]) Ibidem., 309 стр.

ми изъ естественныхъ и общественныхъ наукъ, установившееси мнѣніе о женщинѣ, какъ слабомъ полѣ: это мнѣніе плодъ деспотическаго вліянія *обстоятельствъ*, которыя препятствовали усовершенствованію ея природы. Современная наука не дастъ ни одного положительнаго факта, изъ котораго можно было бы заключить, что женщины отличаются ничѣмъ непоправимою умственною слабостью, которая не имѣетъ тѣснаго отношенія къ ихъ физической слабости. Все роковое значеніе этой послѣдней особенности женской природы должно, вѣритъ Лурбэ, въ недалекомъ будущемъ исчезнуть, благодаря измѣнившимся условіямъ общественной жизни въ европейскомъ обществѣ, смягченію и вѣроятному уничтоженію обаянія физической силы.

Раздѣляя эту благородную увѣренность, Ж. Лурбэ ждетъ обновленія для европейской цивилизаціи отъ внесенія въ нее женскаго элемента, который освѣжитъ, смягчитъ и облагородитъ грубые и жестокіе нравы и учрежденія, созданные однимъ воинственнымъ мужчиной [1]). Посмотримъ теперь, на сколько дѣйствительные факты, исторія оправдываетъ надежды защитниковъ женской равноправности? Нѣтъ ли въ продолжительныхъ взаимныхъ отношеніяхъ мужчины и женщины вѣрныхъ данныхъ для разрѣшенія женскаго вопроса, обострившагося въ современной общественной жизни и ставшаго въ ней вопросомъ жизни или смерти для цѣлой половины человѣческаго рода?

---

[1]) Ж. Лурбэ: „Женщина предъ судомъ современной науки". Кіевъ. 1897 года. Въ числѣ страстныхъ защитниковъ женской равноправности нужно упомянуть объ извѣстномъ писателѣ 60-хъ годовъ, Шашковѣ („Историческія судьбы женщины"). Къ тому же лагерю феминистовъ принадлежатъ: Брандтъ („Положеніе женщины въ Европѣ и Америкѣ") 1895. Спб., Ostrogorski: „La femme au point de vue du droit publique". Paris. 1892, Оровичъ: „Женщина въ правѣ". 1896. Спб. и мн. др.

II.

Намъ европейцамъ трудно представить себѣ при господствующихъ въ современномъ обществѣ понятіяхъ и учрежденіяхъ примитивную жизнь людей съ ея простыми, неприхотливыми потребностями и такими же способами ихъ удовлетворенія. Первобытные люди имѣли своеобразныя религіозно-нравственныя понятія, жили при особенныхъ же условіяхъ экономическаго быта. У нихъ была и такая же, непохожая на нашу семью, примитивная семья, появившаяся притомъ не сразу. Господство въ жизни дикарей инстинктовъ равняло мужчинъ и женщинъ, которыхъ связывала одна потребность — пріобрѣсть себѣ нужное пропитаніе и защититься отъ нападенія окружающихъ звѣрей и вражды сосѣдей,—соперниковъ. Суровыя условія матеріальной жизни въ первобытномъ обществѣ, гдѣ не знали, гдѣ и какъ лучше достать необходимыя средства для питанія, заставляли одинаково мужчинъ и женщинъ думать о насущномъ кускѣ не рѣдко даже и не хлѣба, а какого-либо на вкусъ европейца несъѣдобнаго вещества. Такъ однообразныя условія совмѣстной жизни обоихъ половъ создавали равную для нихъ жизнь, въ которой они дѣлили другъ съ другомъ общія усилія для добыванія пищи и устройства незатѣйливаго жилища и общія опасности, угрожающія имъ отъ разныхъ враговъ. Таково было первоначальное равенство мужчины и женщины, быть можетъ, и завидное для послѣдователей проповѣдниковъ жизни на лонѣ природы (Ж. Ж. Руссо, гр. Толстого), но едва ли желанное самими завзятыми, крайними сторонниками женской эмансипаціи! Первобытное равенство мужчины и женщины въ матеріальной жизни, обу-

словливающее и ихъ одинаковую физическую крѣпость и выносливость при всякихъ случаяхъ, нарушалось вторженіемъ въ взаимныя отношенія половъ другихъ условій, ихъ разъединяющихъ и даже вызывающихъ взаимную вражду, борьбу и перевѣсъ одной стороны надъ другой. Таково было вліяніе могучаго, инстинктивнаго влеченія половъ другъ къ другу, которое обыкновенно не сразу и всюду поддавалось опредѣленію и укладывалось въ точныя рамки извѣстныхъ отношеній мужчины къ женщинѣ. Эти ихъ отношенія на почвѣ взаимнаго влеченія другъ къ другу были очень разнообразны, зависѣли отъ наличности тѣмъ или другихъ условій примитивной жизни Материнскія обязанности женщины съ самаго начала заставляли ее болѣе сидѣть дома и заботиться о дѣтяхъ въ то время, когда мужчины, наоборотъ, взяли на себя добываніе средствъ и защиту жены и дѣтей. Такъ въ мужчинахъ необходимо развивались воинственныя наклонности, неразлучныя съ физическою крѣпостью, тѣлесною силой. Лишь въ рѣдкихъ сравнительно случаяхъ женщинамъ приходилось брать верхъ надъ мужчинами въ этомъ отношеніи. Такъ бываетъ въ наиболѣе распространенной сначала въ примитивномъ обществѣ *матріархильной семьи*. Между первобытными обществами обыкновенно ведутся безпрерывныя войны, происходитъ ожесточенная борьба за существованіе, въ которой берутъ верхъ племена съ наибольшимъ числомъ воиновъ. Поэтому въ мужчинахъ является большая нужда, нежели въ женщинахъ, и послѣднія при самомъ рожденіи безжалостно уничтожаются у многихъ дикихъ племенъ. Это бѣдствіе приноситъ счастье оставшимся женщинамъ, малочисленность которыхъ въ обществѣ поднимаетъ ихъ цѣну въ глазахъ мужчинъ. Такъ кладется начало перевѣсу женщины надъ мужчиной сначала въ семьѣ, а потомъ и всемъ обществѣ. Мать становится центромъ семьи, въ которой не всегда точно извѣстный отецъ—мужчина является только въ роли необходи-

маго защитника семьи. Близостью къ матери, родствомъ съ ней опредѣляются всѣ отношенія людей въ области семейной и экономической жизни, создается оригинальный строй всего общественнаго быта, въ которомъ заключеніе браковъ, владѣніе и наслѣдованіе имуществомъ опредѣляются исключительно кровнымъ родствомъ по женской линіи. Мужчинѣ же—отцу остается воевать, когда придется, а въ остальное время безпрекословно мириться съ порядками, гдѣ повелѣваетъ его жена или, по ея порученію, ея же братъ. Что въ доисторическое и даже у нѣкоторыхъ народовъ долго и въ историческое время была такая пора, когда женщинѣ принадлежала руководящая роль въ обществѣ, на это указываютъ сохранившіеся преданія, обычаи и законодательные памятники. Сказанія объ амазонкахъ, существовавшихъ въ Азіи, Африкѣ, Южной Америкѣ и Европѣ (Греціи, Римѣ, Богеміи и др.) не были однимъ только баснословнымъ миѳомъ. Въ египетской религіи почитаніе Изиды (земли) появилось ранѣе культа Озириса (солнца). У грековъ *Гея* (земля) была матерью другихъ боговъ и людей, источникомъ всякой жизни. Сохранился миѳъ о волчицѣ, вскормившей первыхъ двухъ римскихъ царей (Ромула и Рема). У многихъ народовъ женщины были жрицами, пророчицами, судьями и законодательницами. Въ Римѣ священный огонь семейнаго очага охраняется весталками, въ древней Литвѣ—вайделотками. У древнихъ жителей Галліи женщины составляли верховный судъ. „Сохранилось сказаніе (у Геродота) о значительныхъ правахъ женщинъ въ древнемъ Египтѣ, гдѣ, кромѣ участія въ торговлѣ и промышленности, женщины не рѣдко возсѣдали на тронѣ фараоновъ (Клеопатра), и всякій фараонъ находился подъ верховной опекой своей матери. Древніе германцы относились съ большимъ уваженіемъ къ женщинамъ, которыя бывали здѣсь правительницами. Извѣстенъ разсказъ о судѣ Любуши, управлявшей Богеміей по смерти Крока.

Материнская семья впервые явилась источникомъ любви и уваженія къ матери, родственной, кровной любви, отголоскомъ которой были долго продолжавшіяся нѣжныя отношенія между сестрами и братьями (обычаи посестримства и побратимства). Но семейная жизнь не вездѣ начиналась съ матріархальной семьи и даже тамъ, гдѣ была послѣдняя, она не могла долго сохраниться. Таже малочисленность женщинъ, которая вызывала къ жизни семью матріархальную, нерѣдко являлась и причиной ея исчезновенія и замѣны другой формой первоначальной семьи—*патріархальной*. Недостатокъ женщинъ для брачной жизни заставлялъ мужчинъ искать ихъ въ мирное время у сосѣднихъ племенъ, а при войнахъ—добывать ихъ *силою*, какъ плѣнницъ. Похищенная женщина становилась собственностью похитителя, который обращался съ нею, какъ съ своей вещью. Обычай похищенія женщинъ существовалъ у всѣхъ народовъ и воспоминанія о немъ сохранились въ пѣсняхъ, сказаніяхъ и особенно свадебныхъ обрядахъ, гдѣ символически изображается нападеніе жениха на невѣсту, ея сопротивленіе и насильственный увозъ женихомъ съ своей свитой. Похищеніе невѣсты было извѣстно, кромѣ дикихъ народовъ во всѣхъ частяхъ свѣта, и европейскимъ народамъ, германскимъ и славянскимъ. Извѣстны разсказы о похищеніи римлянами сабинянокъ, прекрасной Елены Парисомъ. Въ русскихъ, крестьянскихъ свадебныхъ обрядахъ до сихъ поръ остались слѣды древнѣйшаго „умыканья“ невѣсть ихъ женихами, о которомъ упоминаетъ еще Несторъ. Тамъ, гдѣ матріархальная семья сложилась прочно и не сразу поддается новымъ перемѣнамъ, попытки похищенія невѣсты иногда приводятъ, наоборотъ, къ *ловлѣ жениха* женщиной, которой онъ приглянулся. Скандинавскія женщины были такъ сильны и воинственны, что миѳическая героиня Нибелунговъ, Брунегильда немало погубила претендентовъ на ея руку и сердце, прежде, чѣмъ

не была, въ свою очередь, побѣждена хитрымъ Гунтеромъ. Брунегильда отомстила своему мужу тѣмъ, что связала его по рукамъ и ногамъ, повѣсила его на всю ночь подъ потолокъ, а сама спокойно улеглась спать. Русскій богатырь, Добрыня Никитичъ встрѣчаетъ въ полѣ „паленицу, женщину великую“, которая схватила его за кудри, посадила „во глубокъ карманъ“ и заставила его на себѣ жениться. Похищеніе женщинъ происходило во время войны или же чаще вело къ ней. Поэтому-то, между прочимъ, первобытныя общества постоянно воевали между собою. Въ теченіе этихъ постоянныхъ войнъ померкла заря первоначальной свободы женщины, которая изъ равноправной мужу жены, а иногда даже и его госпожи превращается въ слугу и рабыню, зависящую во всемъ отъ милости своего господина. Мужчина пріобрѣтаетъ власть надъ женщиной въ семьѣ и подчиняетъ ее себѣ безусловно въ патріархальной семьѣ, гдѣ въ центрѣ стоитъ глава семьи— мужъ и отецъ, которому все покоряется. Женщина переходитъ въ состояніе вѣчной опеки (отца, мужа, его родственниковъ, начальниковъ). Трудъ женщины, вся ея личность, даже жизнь принадлежитъ мужчинѣ, который распоряжается ею въ гордомъ сознаніи своего безусловнаго надъ нею права, освящаемаго обычаями и религіею. Мужчины, пользуясь при жизни всѣми знаками могущества, послѣ своей смерти переходятъ въ ряды умершихъ предковъ, обоготворяемыхъ оставшимися, живыми ихъ родственниками. На ихъ могилахъ приносятся обильныя жертвы родичами, увѣренными въ продолжающемся вліяніи умершихъ на живыхъ. Благоволеніе или гнѣвъ предковъ зависитъ отъ того, на сколько живые помнятъ о своихъ священныхъ по отношенію къ нимъ обязанностяхъ. Это почитаніе умершихъ, какъ боговъ (культъ предковъ), усиливаетъ еще болѣе и безъ того крѣпкую власть, оставшагося въ живыхъ, представителя могущества умершаго отца, его сына (патріарха). Такъ постепенно развивается

такой патріархальный порядокъ общественной жизни, при которомъ женщина, пріобрѣтаемая сначала извнѣ, у другихъ племенъ насильно, какъ вещь, дѣлается въ навязанной ей семьѣ своего мужа только *матерью* его дѣтей безъ всякаго права участвовать самостоятельно въ жизни семьи. Она должна мириться со всѣми распоряженіями своего повелителя, который, если у него есть случай и средства, пріобрѣтаетъ ей соперницъ—другихъ женщинъ и безконтрольно распоряжается всѣми ими и судьбою своихъ дочерей, когда похищеніе женщинъ смѣняется ихъ *покупкою*. Возникновеніе купли невѣстъ находится въ связи съ развитіемъ болѣе мирнаго образа жизни въ первобытныхъ обществахъ и также, какъ и похищеніе невѣсты, встрѣчается у дикарей во всѣхъ странахъ свѣта, какъ и у культурныхъ народовъ въ началѣ ихъ исторической жизни.—И до сихъ поръ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Венгріи устраиваются періодически базары невѣстъ, на которыхъ онѣ привозятся своими родителями вмѣстѣ съ приданымъ и продаются женихамъ. Если кому-либо изъ нихъ нравится дѣвушка, начинается торгъ, сговоръ и затѣмъ происходитъ свадьба съ неизбѣжной попойкой. У нашихъ татаръ за невѣсту платится всегда женихомъ ея родителямъ извѣстная сумма денегъ (колымъ). Въ русскомъ быту—крестьянъ, мѣщанъ и купцовъ—и до сихъ поръ свадьбѣ предшествуетъ настоящій торгъ, въ которомъ продавцы—родители невѣсты, покупатели—женихъ и его родные. Женихъ называется поэтому *купцомъ*, невѣста—*товаромъ*. Смотрины невѣсты—осмотръ товара, обрученье—окончаніе торговой сдѣлки. Не всегда купля продажа невѣсты происходила безъ предварительнаго согласія, но и тамъ, гдѣ оно было, невѣста превращалась въ предметъ имущественнаго оборота, дѣлалась вещью, перестаетъ быть человѣкомъ, теряетъ всякую надежду на какую-либо тѣнь самостоятельной жизни. Безусловное повиновеніе сначала отцу, а потомъ мужу дѣлается основ-

нымъ правиломъ всей ея жизни. Въ такомъ рабскомъ положеніи женщина находится въ настоящее время у дикихъ племенъ Африки, Америки, Австраліи: у всѣхъ нихъ она обречена на тяжелую работу, уходъ за скотомъ, заботы о пищѣ, одеждѣ и жилищѣ для мужа и дѣтей. У культурныхъ народовъ Востока съ патріархальною формою быта женщина безгласное существо, думающее исключительно лишь о томъ, чтобы угодить отцу или мужу. Съ такимъ униженнымъ положеніемъ женщины обыкновенно гармонируетъ и состояніе семейной и всей общественной жизни въ патріархальныхъ обществахъ. Соперничество, интриги, раздоры среди женъ одного мужа, который пріобрѣтаетъ ихъ въ угоду своей чувственности, дѣлаютъ изъ семейной его жизни настоящій адъ. Мужу при такихъ условіяхъ приходится быть волей-неволей господиномъ, чтобы сдерживать расходившіяся страсти, обуздывать ихъ и заставлять всѣхъ членовъ своей разнородной семьи признавать одинъ только его авторитетъ. Тотъ же безграничный авторитетъ мужа, ради поддержанія котораго всѣ его жены жили въ наглухо закрытыхъ помѣщеніяхъ (гаремахъ), каждый мужчина вносилъ и въ общественную жизнь, гдѣ поэтому господствовалъ полный произволъ, насиліе и отсутствовали культурные интересы, несовмѣстимые съ грубыми вкусами главъ патріархальной семьи. Нѣкоторую долю свободы въ ней обезпечиваетъ, постепенно возникшій въ патріархальномъ быту, обычай выдѣлять изъ общаго имущества извѣстную его часть, уходящей въ чужую семью, женщинѣ. Такъ возникло *приданое*, которое служило знакомъ того, что родители невѣсты люди состоятельные и, кромѣ того, озабоченные тѣмъ, чтобы дать своей дочери возможность имѣть свои средства, быть въ этомъ отношеніи независимой отъ своего мужа [1]).

[1]) Примѣчаніе. Положеніе женщины въ первобытной семьѣ разсматривается въ многочисленныхъ иностранныхъ сочиненіяхъ (Бахофена, Макъ-Леннана, Моргана, Летурно, Поста, Даргуна, Жиро-Телона, Липперта, Гельвальда,

Патріархальная семья развилась въ типическихъ своихъ чертахъ на *Востокѣ*. Во всѣхъ восточныхъ государствахъ весь семейный строй держится на неограниченной власти главы семьи отца, у котораго всѣ ея члены находятся въ безусловномъ подчиненіи. Воспитаніе дѣтей ведется въ духѣ раболѣпной покорности власти отца, который можетъ дѣлать все, что угодно, со всѣми членами своей семьи: прогнать отъ себя надоѣвшую жену, продать дочь, женить сына, наказывать жену и всѣхъ своихъ дѣтей. Глава семьи—первосвященникъ, монархъ, судья для всѣхъ ея членовъ, которые должны только думать о томъ, чтобы не прогнѣвать своего владыку неугодными ему своими поступками. Религія (почитаніе предковъ) приходитъ на помощь къ патріарху, доводя его власть до необычныхъ размѣровъ. Вся жизнь и дѣятельноссь семьи теперь сосредоточивается на выполненіи обязанностей, предписываемыхъ культомъ предковъ. Устанавливается взглядъ, что исключительная обязанность женщины быть *матерью*. Ея личность совершенно исчезаетъ въ выполненіи этого священнаго для нея долга. Она гордится тѣмъ, если у ней родится первымъ сынъ, на котораго теперь переносятся всѣ надежды семьи: только сынъ первенецъ можетъ замѣнить со временемъ отца при принесеніи жертвъ предкамъ. Поэтому рожденіе дочерей считалось несчастьемъ, особенно, если въ семьѣ не было совсѣмъ сыновей. Дочери не имѣли доли въ наслѣдствѣ своихъ родителей, такъ какъ онѣ неспособны къ исполненію религіозныхъ обязанностей. На Востокѣ, благодаря деспотическому характеру здѣсь власти государей, развились особенно рѣзко богатство и праздн-

---

Штарке, Спенсера, Мэна, Тарда и др.), а также въ произведеніяхъ русскихъ ученыхъ: Ковалевскаго („Первобытное право“, „Семья и имущество въ первобытномъ обществѣ“ и др.), Смирнова („Очерки семейныхъ отношеній по первобытному русскому праву“), Е. И. Якушкина („Обычное право“) и мн. др.

ный и роскошный образъ жизни деспотовъ и, окружающихъ ихъ, высшихъ классовъ (воиновъ, жрецовъ). Такая жизнь ихъ отразилась на семейныхъ нравахъ тѣмъ, что здѣсь женщина явилась однимъ изъ необходимыхъ предметовъ наслажденія для мужчины. Воспитанныя въ праздности, роскоши, нѣгѣ ради забавы будущаго своего повелителя, женщины не знали никакихъ высшихъ, духовныхъ интересовъ. Мужчина сторожитъ женщину, какъ драгоцѣнный и нѣжный цвѣтокъ, запираетъ ее въ гаремъ съ надежными замками и охранителями (евнухами). Восточные цари проводятъ все время въ глубинѣ своихъ дворцовъ, среди массы женщинъ и раболѣпной свиты придворныхъ, изобрѣтающихъ всевозможныя забавы для своего пресыщеннаго и скучающаго повелителя. Государямъ подражаютъ и знатные и богатые люди въ своей семейной жизни. Женщина, лишенная общества, утѣшеній религіи (у магометанъ), крайне невѣжественная, обращается въ игрушку для мужчины. Въ ней развивается до крайнихъ размѣровъ ея внѣшняя красота при помощи безъ заботной жизни, роскошныхъ нарядовъ, изысканной пищи. Женщина дѣлается изнѣженнымъ, слабымъ, хрупкимъ созданьемъ, которое поэтическій языкъ Востока надѣляетъ самыми лестными для ея слуха названіями. Таково происхожденіе такъ называемой „женственности“, которую долго потомъ считали, да и теперь еще многіе считаютъ необходимымъ качествомъ женской природы. И какъ же сама жизнь мститъ Востоку за униженіе, поруганіе женской личности, низведенной до жалкой роли безмолвной рабыни своего мужа, услаждающей прихотливые, извращенные его вкусы! Въ разслабляющей атмосферѣ пустой, праздной жизни въ гаремѣ мужчина теряетъ свою воинственность, самъ превращается въ такое же разслабленное и изнѣженное существо, какъ и неразлучная его спутница. Государства съ такими нравами не могли противостоять соперникамъ, сильнымъ простымъ, стро-

гимъ образомъ жизни. Такъ пали Вавилонъ, Ассирійское царство. Но и сохранившіяся восточныя государства влачатъ жалкую жизнь, закаменѣли въ исполненіи мертвящей обрядности религіознаго культа, неподвижны въ коренныхъ устояхъ своей семейной и общественной жизни. Нигдѣ этотъ всеобщій застой не достигъ такого развитія на Востокѣ, какъ въ Китаѣ — типичномъ патріархальномъ государствѣ, которое представляетъ собою огромную семью. Богдыханъ—всеобщій отецъ; всѣ китайцы—его дѣти. Женщина въ Китаѣ—безличная рабыня, зависимая отъ мужчинъ, полавленная домашнимъ деспотизмомъ, тѣнь и эхо мужа, обязанная отличаться семейными добродѣтелями, нужными мужу въ интересахъ культа предковъ. У евреевъ женщина объявлена нечистымъ существомъ. У магометанъ жена—невольница мужа, какъ и въ современномъ Египтѣ. Женщина на Востокѣ является въ глазахъ мужчинъ, погрязшихъ во всякихъ излишествахъ, источникомъ всякихъ нравственныхъ недостатковъ, изъ которыхъ многіе (хитрость, болтливость, сварливость) были неизбѣжнымъ послѣдствіемъ рабскаго, безправнаго ея положенія въ обществѣ Востокъ ревниво оберегаетъ нравственную чистоту женщинъ, которымъ онъ жестоко мститъ за малѣйшее ея нарушеніе. Жена должна смотрѣть на своего мужа, какъ, даннаго ей судьбой, *суженаго*. Поэтому вѣрная супругу при его жизни, жена не должна оставлять его и послѣ смерти. Въ Индіи цѣлыя тысячелѣтія держался варварскій обычай, въ силу котораго вдова обязана была обречь себя на сожженіе вмѣстѣ съ трупомъ своего мужа. У восточныхъ народовъ (Персовъ, Ассиріянъ, Египтянъ, Евреевъ) сохранились долго слѣды матріархальныхъ нравовъ. Отчасти поэтому восточная женщина не всегда мирилась съ своимъ подчиненнымъ положеніемъ. Такъ въ Египтѣ женщины обладали имущественными правами, равными съ мужчинами, могли сами защищать свои права передъ судомъ, занимались промыслами и участ-

вовали въ рѣшеніи государственныхъ дѣлъ. На египетскомъ престолѣ долго царствовала знаменитая Клеопатра.

Также и другая восточная страна, Ассирія оставила намъ образъ славной своей царицы, Семирамиды. Зеновія, царица Пальмиры (въ Финикіи) была искуснымъ воиномъ, управляла со славой государствомъ, знала много языковъ. Немало было знаменитыхъ женщинъ правительницъ у арабскихъ племенъ (Зейда, Аеша), въ Китаѣ (Лія-Хо, Толикона), Турціи (Роксолана) и Индіи (Чондъ-Конвуръ). У древнихъ евреевъ, не смотря на полное подчиненіе женщины въ патріархальной семьѣ ея главѣ, было немало женщинъ, прославившихся своей подвижническою жизнью, мужествомъ и знаніями религіозныхъ истинъ и права. Таковы были: пророчица Дебора, выполнявшая обязанности судьи, пророчица Анна, Берурія, жившая въ царствованіе Адріана, Марія — въ V в., Маріамъ Сафира въ XII, Евва Баххарахъ и др. въ XVII в.

Въ античномъ мірѣ, у древнихъ грековъ и римлянъ мы встрѣчаемъ новые элементы цивилизаціи, неизвѣстные Востоку. Подъ благословеннымъ небомъ Эллады, среди цвѣтущей и благоухающей природы съ мягкими, нѣжными красками и тонами грекъ чувствовалъ себя свободнымъ, независимымъ отъ, далекихъ отъ него, грозныхъ и величественныхъ, физическихъ явленій въ восточныхъ странахъ. Поэтому-то греки создаютъ сами общее міровоззрѣніе, гдѣ большое мѣсто занимаютъ ихъ же собственные, человѣческіе достоинства и недостатки. Въ Греціи же впервые появляются наука, достигшая въ лицѣ Платона и Аристотеля сразу необыкновеннаго развитія. Знаменитые художники и скульпторы дали міру дивные образцы, безсмертные памятники неподражаемаго художественнаго вкуса древнихъ грековъ. Наконецъ, въ Греціи же развилась широко политическая свобода, которая нашла достойныхъ преемниковъ въ лицѣ римлянъ. И вездѣ во всѣхъ областяхъ жизни грековъ особенно на первыхъ порахъ мы нахо-

димъ слѣды участія женщинъ въ общественной жизни, ихъ выдающейся здѣсь роли, вытекающей изъ господства въ *гомерическую эпоху материнскаго права*. Женщины занимаютъ первое мѣсто въ сонмѣ олимпійскихъ боговъ, гдѣ онѣ представительницы цивилизаціи, ея разныхъ сторонъ: земледѣлія (Деметра) мудрости (Афина), правосудія (Ѳемида), медицины (Геката). Строгая Гера неустанно слѣдитъ за своимъ довольно вѣтреннымъ супругомъ Зевсомъ, блюдетъ святость семейнаго очага. Весь Олимпъ склоняется предъ божественной красотой Венеры. Женщины богини наравнѣ съ богами—мужчинами постоянно вмѣшиваются въ жизнь людей, гдѣ настоящія, земныя женщины берутъ верхъ надъ мужчинами въ семьѣ и рядомъ съ ними рѣшаютъ общественныя дѣла въ народныхъ собраніяхъ. Женщина является защитницею мира и семейныхъ преданій. Трогательный образъ Пенелопы, вѣрной своему отсутствующему супругу—Улиссу, остался навсегда образцомъ добродѣтельной жены. Тотъ-же Гомеръ передаетъ разсказъ о безпощадной войнѣ грековъ изъ за прекрасной Елены, которая относилась съ нескрываемымъ презрѣніемъ къ своему послушному и слабому мужу, Менелаю. Римляне имѣли тотъ же Олимпъ, насѣленный мужскими и женскими божествами съ такимъ же характеромъ ихъ взаимныхъ отношеній и равною ролью въ руководствѣ людскими дѣлами. Античные миѳы передаютъ факты дѣйствительной жизни. Въ древнихъ Аѳинахъ и Спартѣ женщины участвовали въ публичныхъ дѣлахъ и, по словамъ Аристотеля, господствовали въ Спартѣ и дома въ отсутствіе вѣчно воюющихъ мужей. Но этотъ періодъ равноправности женщины съ мужчиной закончился у обоихъ классическихъ народовъ, какъ только сложилось у нихъ государство, въ которомъ развивается постепенно *патріархальная семья* съ характеризующими ее чертами: полнымъ господствомъ мужчины надъ женщиной и рабскимъ ея подчиненіемъ своему отцу или мужу. Женщина въ этомъ слу-

чаѣ раздѣляла судьбу разныхъ зависимыхъ элементовъ въ античномъ обществѣ, гдѣ государство назначало ей во имя своихъ интересовъ, общаго благосостоянія роль *матери* гражданъ, способныхъ защищать отечество отъ враговъ и жертвовать ему даже своею жизнью. Къ этой общественной обязанности античной женщины было пріурочено все ея воспитаніе, одинаковое съ мужчинами, и послѣдующая ея брачная, семейная жизнь. Типичнымъ античнымъ государствомъ являлась въ этомъ отношеніи Спарта, гдѣ за женщиной не признавалось никакой личной жизни, никакихъ правъ внѣ естественнаго ея назначенія быть вѣрной женой, матерью, хозяйкой мужу, но ради того, чтобы такимъ образомъ сохранялось и крѣпло само государство. Закрѣпощеніе женщины государствомъ совершилось съ большимъ успѣхомъ въ *Аѳинахъ*, самое названіе которыхъ указывало на когда-то бывшее господство женщинъ въ этомъ свободолюбивомъ греческомъ государствѣ. Первоначальное похищеніе женщинъ (напр., Елены Парисомъ) замѣнилось ихъ покупкою, при которой, впрочемъ, жена получала и приданое. Послѣднее хоть немного обезпечивало свободу женщинѣ въ семейной жизни, гдѣ неограниченно властвовалъ ея мужъ. Жены живутъ въ отдаленной части дома (гинекеѣ), гдѣ проводятъ свое время въ воспитаніи дѣтей и хозяйственныхъ занятіяхъ въ то время, какъ ихъ отцы и мужья разрѣшаютъ общественныя дѣла въ своихъ собраніяхъ или же на досугѣ предаются занятіямъ философіей, наслаждаются произведеніями искусства или весело бесѣдуютъ въ обществѣ гетеръ. Древній грекъ или римлянинъ не преклонялся предъ своей женой даже въ стѣнахъ дома, гдѣ она была безмолвной исполнительницей его властныхъ распоряженій, обращенныхъ къ ней наравнѣ съ дѣтьми и рабами. Отъ колыбели и до могилы женщина въ Греціи, какъ и Римѣ, оставалась подъ опекой мужчины, сначала отца, а потомъ мужа и близкихъ родныхъ того и другаго.

Внѣ дома жена могла появляться обыкновенно днемъ и то съ кѣмъ-либо изъ родственныхъ ей мужчинъ. Добродѣтельная римская матрона удостоивалась послѣ своей смерти надписи на памятникѣ: „она смотрѣла за домомъ и ткала шерсть“. Но чтобы получить это почетное отличіе замужней римлянкѣ, какъ и гречанкѣ, нужно было свято помнить и соблюдать всѣ свои обязанности, наложенныя на нихъ, кромѣ государства, еще культомъ мертвыхъ. Эта древняя религія, сильно развившаяся въ античномъ быту, наложила рѣзкій отпечатокъ на всѣ семейныя и общественныя въ немъ отношенія. Началомъ почитанія мертвыхъ проникнуто было все семейное право, какъ и владѣніе имуществомъ и переходъ его по наслѣдству. Отецъ семейства во всемъ античномъ мірѣ, особенно же у древнихъ римлянъ, пользовался неограниченною властью по отношенію къ женѣ и ея имуществу, какъ и всѣмъ членамъ семьи. Весь интересъ членовъ римской семьи состоялъ въ томъ, чтобы быть въ рукахъ мужа и отца послушнымъ, покорнымъ орудіемъ служенію загробнымъ владыкамъ и непосредственно земному ихъ представителю и будущему божеству—грозному и суровому домовладыкѣ. Живя постоянно въ тѣсномъ семейномъ кругу, женщина вырабатывала здѣсь нерѣдко высокіе, нравственные идеалы и пріобрѣтала иногда большое вліяніе на мужа, особенно черезъ своихъ дѣтей. Въ царевнѣ Антигонѣ воплотился трогательный типъ женщины, поставившей задачей своей жизни только „любить“. Но извѣстенъ также и типъ злой жены, Ксантиппы, недававшей покою своему знаменитому не одной только мудростью, но и неистощимымъ терпѣніемъ мужу, философу Сократу.

Свободный характеръ античной цивилизаціи, особенно же греческой выразился въ возвышенномъ отношеніи къ женщинѣ перваго знаменитаго греческаго философа, *Платона*, съ именемъ котораго соединяется представленіе объ идеаль-

ной (платонической) любви къ женщинѣ. Платонъ училъ, что женщина по природѣ одинакова съ мужчиной, также, какъ и онъ, способна къ умственнымъ занятіямъ и общественнымъ дѣламъ, и что женщина возможное воплощеніе нравственнаго совершенства, достойное обожанія. Это высокое представленіе Платона о женщинѣ не нашло послѣдователя у его ученика, *Аристотеля*, который утверждалъ, что женщина по природѣ ниже мужчины, порицалъ рѣзко спартанскихъ женщинъ за легкомысленный образъ ихъ жизни и перевѣсъ ихъ надъ мужчинами, но за то отводилъ женщинѣ въ семьѣ важное мѣсто, объявляя ее необходимымъ членомъ этого перваго общественнаго союза съ глубокимъ, нравственнымъ значеніемъ. Кромѣ философовъ, древняя гречанка имѣла надежныхъ защитниковъ своей личности въ неизмѣнной ея спутницѣ—*красотѣ*, предъ которой склонялись самые суровые судьи. Греческая гетера Фрина добилась оправданія предъ аѳинскимъ ареопагомъ, замолкшимъ при блескѣ ея красоты. Греческая женщина стала свободной внѣ семейной жизни, когда старинные, патріархальные ея устои стали шаткими надъ вліяніемъ самихъ мужчинъ, ненаходившихъ удовлетворенія въ тѣсномъ семейномъ кругу своимъ развившимся стремленіямъ къ широкой личной жизни. Греческія *гетеры* получали особое воспитаніе, въ которомъ главную роль играли пѣніе, танцы, знакомство съ литературой, искусствомъ и наукой. Гетеры пріобрѣтали не одно личное вліяніе на мужчинъ, какъ, напр., Аспазія на Перикла, Сократа и Алкивіада, но и проникали въ общественную жизнь, участвовали въ рѣшеніи политическихъ дѣлъ. Аспазія, прославившаяся не только своей обаятельной красотой, но и мудростью, сдѣлалась женой Перикла, которому она внушила его знаменитую рѣчь надъ могилой Аѳинянъ, павшихъ въ войнѣ противъ самнитянъ. Аспазія съумѣла блестяще защитить себя противъ клеветы на ея честь со стороны поэта

Гермиппа и ушла изъ засѣданія народнаго суда торжествующей отъ шумныхъ привѣтствій со всѣхъ сторонъ.

Въ числѣ гетеръ извѣстна *Сафо*, греческая поэтесса, и немало ученыхъ женщинъ, изъ которыхъ Гипатія прославилась своими обширными познаніями, ораторскимъ талантомъ и красотой. Трагическая смерть Гипатіи, убитой яростной толпой, сдѣлала ее первой мученицей за дѣло женской самостоятельности. Дочь философа Аристиппа, Арета преподавала въ Аѳинахъ философію и за свою мудрость была прозвана современниками „свѣточемъ Эллады“. Каттинѣ была поставлена статуя на площади въ Спартѣ, Аристагорѣ былъ воздвигнутъ тронъ при входѣ въ Элевзинское святилище. Лаиса же сама построила въ Коринфѣ много замѣчательныхъ зданій. Гетеры-гречанки (напр., Аспазія) мечтали о полной равноправности съ мужчинами въ семьѣ, обществѣ и государствѣ. Ихъ эмансипаціонныя стремленія нашли себѣ врага, кромѣ обычной, неподвижной толпы, въ поэтѣ Аристофанѣ, осмѣивавшемъ въ своихъ комедіяхъ („Облакахъ“ и др.) необычные планы женщинъ объ экономическомъ и политическомъ равенствѣ ихъ съ мужчинами. Римскія женщины также не отстали отъ своихъ подругъ—гречанокъ въ попыткахъ освободиться изъ подъ гнета мужчинъ въ семьѣ и обществѣ. Римлянкамъ помогли въ этомъ случаѣ особенно благопріятныя для нихъ обстоятельства въ общественной жизни Рима. Древній, патріархальный складъ семейной жизни, поддерживаемый долго господствомъ патриціанскаго быта, измѣнился вмѣстѣ съ побѣдой плебеевъ надъ патриціями, вліяніемъ греческой цивилизаціи и вторженіемъ въ строгое римское право началъ изъ права другихъ народовъ, съ которыми Римъ вступалъ въ сношенія или покорялъ ихъ. Начинается постепенное ограниченіе правъ главы семьи по отношенію ко всѣмъ его членамъ. При всѣхъ препятствіяхъ къ пріобрѣтенію самостоятельности женщина вела продолжительную и энергичную борьбу съ своими при-

тѣснителями, оставившую слѣды въ римской исторіи. Еще при полномъ развитіи патріархальнаго быта женщина не разъ выступала, хотя и не прямо, на арену общественной жизни. Въ стѣнахъ дома, вдали отъ шума публичной жизни незримо совершался женщинами—матерями тяжелый, но благодарный трудъ воспитанія римскихъ гражданъ, прославившихся своими гражданскими добродѣтелями. Одна женщина дала Риму его великихъ сыновъ Гракховъ, другая—спасла Римъ отъ Коріолана. Римскія женщины издавна пользовались правомъ являться въ судъ, хотя и въ сопровожденіи своего опекуна, и защищать свои личные интересы. Такова была, напр., Амезія Сентіа, прозванная за свою мужественную защиту на форумѣ Андрогиной. Другая женщина, Кайя Афранія, жена сенатора, такъ надоѣла судьямъ своими жалобами и кляузами, что по ея милости римскимъ женщинамъ была запрещена профессія адвоката. Эмансипація женщинъ во время республики повела къ злоупотребленіямъ и безпорядкамъ въ частной и публичной жизни Чтобы остановить паденіе нравовъ, въ Римѣ вводятся запретительныя мѣры, ограничивающія права женщинъ, которыя онѣ только что стали пріобрѣтать. Таковъ былъ законъ Воконія, запрещающій женщинамъ обогащаться посредствомъ завѣщаній. Законъ Юлія запретилъ женщинамъ, невѣрнымъ своимъ мужьямъ, являться свидѣтельницами на судъ. Это запрещеніе было распространено позже (при Юстиніанѣ) на всѣхъ женщинъ, которыя не могли теперь являться сами въ судъ. Но ранѣе этого времени римскія женщины не стѣсняются выступать открыто противъ мужчинъ и, навязанныхъ ими женщинамъ, законовъ. Таково было возстаніе римлянокъ (во время пунической войны) противъ закона *Оппія*, ограничивавшаго стремленія женщинъ къ роскоши. За женщинъ выступилъ трибунъ, *Люцій Валерій*, который настаивалъ, чтобы римлянкамъ, лишеннымъ всякихъ публичныхъ правъ, были, по крайней мѣрѣ, остав-

лены „наряды и приличная обстановка“. Валерію отвѣчалъ знаменитый *Катонъ*, который вспомнилъ о добромъ старомъ времени, когда женщины не смѣли и подумать о подобныхъ выходкахъ и предсказывалъ Риму погибель оттого, что когда-либо женщины сдѣлаются совершенно равными мужчинамъ и пожалуй совсѣмъ заберутъ ихъ въ свои руки. Предсказаніе Катона не напугало защитниковъ женщинъ и законъ Оппія былъ отмѣненъ. Второе возстаніе женщинъ противъ деспотизма мужчинъ произошло во время втораго тріумвирата, когда онѣ съумѣли отстоять свое имущество противъ посягательствъ на него со стороны тріумвировъ. За женщинъ на этотъ разъ выступила сама же женщина—*Гортензія*, которая жаловалась на несправедливость къ нимъ мужчинъ, недопускающихъ женщинъ къ власти, почестямъ и въ тоже время думающихъ объ отнятіи у нихъ послѣдняго достоянія. Налогъ съ женщинъ, предложенный тріумвирами на военныя издержки, былъ уплоченъ не всѣми женщинами, которыя почерпнули въ этой, хотя и не полной побѣдѣ надъ мужчинами, силы къ дальнѣйшей борьбѣ съ ними. Теперь она сосредоточилась въ семейной жизни, которая постепенно освобождается отъ разныхъ ограниченій, недающихъ женщинѣ сдѣлать ни одного шагу безъ дозволенія мужчины. Ограничиваются права отца надъ дочерьми, устанавливаются на ряду съ религіозной болѣе свободныя формы брака, получившаго моногамическій характеръ. Жена пріобрѣла отдѣльную отъ мужа собственность. Наслѣдственныя права женщины были расширены; она освобождается отъ опеки мужчины и сама, въ свою очередь, пріобрѣтаетъ право опеки надъ дѣтьми и внуками.

Предъ концомъ римской имперіи женщина была почти равноправна съ мужчиной, но она не уступала ему и въ привычкахъ къ праздной и роскошной жизни, полной всякими наслажденіями. Мужчины сами соблазняли семейную женщину

своимъ легкомысленнымъ поведеніемъ въ обществѣ гетеръ. Въ самостоятельной жизни этихъ обычныхъ подругъ своихъ мужей ихъ жены увидали ту завѣтную цѣль, къ которой влекло ихъ давнишнее желаніе стряхнуть съ себя невыносимыя оковы семейнаго деспотизма и сдѣлаться независимыми, равными съ мужчинами, людьми. Скоро семейныя женщины стали соперничать съ гетерами въ роскошной и привольной жизни. Исчезаетъ патріархальная простота нравовъ; семейныя добродѣтели женщинъ становятся рѣдкостью, особенно въ концѣ существованія римской имперіи. Римскіе писатели (Ювеналъ, Горацій, Овидій) отказываютъ женщинѣ въ добродѣтели и считаютъ ее податливой на всякія пустыя приманки. Общее паденіе всѣхъ религіозныхъ и моральныхъ основъ въ жизни римскаго общества отразилось и на положеніи женщинъ, которымъ подавали примѣръ жены римскихъ императоровъ. Римскія императрицы соперничали съ куртизанками въ порочномъ, развратномъ образѣ жизни. До чего доходило забвеніе всѣхъ добрыхъ правилъ семейной морали, на это указываетъ жизнь двухъ женъ императора Клавдія, Мессалины и матери Нерона — Агрипины, прославившихся своими позорными приключеніями и безславно погибшими отъ рукъ наемныхъ убійцъ. Были среди римлянокъ и женщины, занимавшіяся науками и искусствами (медициной), но незначительное ихъ число не искупало вины большинства женщинъ изъ высшихъ классовъ римскаго общества, совсѣмъ забывшихъ объ обязанностяхъ жены и матери ради соблазнительныхъ удовольствій и веселаго, свободнаго времяпровожденія внѣ дома и семьи.

Римскую женщину не спасъ отъ паденія примѣръ *германской женщины*, ее не исправили строгіе нравы германскихъ племенъ, съ которыми римляне познакомились при частыхъ нападеніяхъ германцевъ на римскія провинціи. Женщина у древнихъ германцевъ пользовалась, по Тациту, не только большимъ уваженіемъ со стороны мужчинъ, но и значительными правами

въ семейной жизни. Положимъ, отцу принадлежало право опеки надъ дочерью (mundium), которая по выходѣ замужъ попадала подъ такую же опеку мужа и оставалась въ тоже время подъ опекой и своихъ прежнихъ родственниковъ (мужчинъ). Но эта опека надъ женщиной не была похожа на абсолютную власть римскаго отца и мужа надъ женщиной. Опека надъ нею у германцевъ имѣла видъ защиты ея мужчиной отъ насилій и произвола. При выходѣ замужъ мужъ не получалъ за нею приданаго, а, наоборотъ, самъ дѣлалъ ей подарокъ (утренній даръ) и, кромѣ того, закрѣплялъ за женою часть своего недвижимаго имущества, которымъ она могла владѣть послѣ его смерти. Германскія женщины обладали и нѣкоторыми особенными правами въ области уголовнаго права. Германцы видѣли въ женщинѣ представительницу чего-то высшаго, священнаго, для нихъ недосягаемаго, божественнаго, считали ее ясновидящею, пророчицей, дорожили ея совѣтами, называли ее „ткущею миръ“, вѣрили въ ея предсказанія. Древній германецъ, который дѣлилъ съ своей женой всѣ тяжелые труды и опасности боевой жизни, совѣтовался съ нею въ важныхъ случаяхъ, зналъ на дѣлѣ, какъ женщина стоитъ крѣпко за честь родины и святость семейнаго очага и не желалъ разставаться съ нею и въ загробной жизни. Это высокое уваженіе къ мужчинѣ выразилось въ древней Германіи строгими уголовными постановленіями, защищающими всякую женщину отъ оскорбленія ея достоинства и насилій надъ ея жизнью. Женщина у древнихъ *Галловъ* принимала участіе во всѣхъ дѣлахъ мужчины, который совѣщался съ нею и по поводу государственныхъ вопросовъ. Кельтскія женщины были судьями, жрицами (друидессами) и даже предводительствовали на войнѣ.

III.

Сила и живучесть мягкихъ постановленій древне-германскаго права относительно положенія женщины нашли сильную опору въ воззрѣніяхъ *христіанства на женщину*, которое возродило древній міръ, внесло въ его жизнь совершеннѣйшія начала морали, дало людямъ новые взгляды на человѣческую личность вообще и задачи всей ея жизни. Христіанство освободило человѣка изъ подъ ига древней узконаціональной религіи и господства государства надъ личностью. Всѣ люди признаны были равными предъ лицемъ одного Бога. А также и женщина перестала быть рабыней и существомъ низшаго рода предъ мужчиной, на ряду съ которымъ она одинаково имѣла тѣже нравственныя задачи въ этой земной жизни и ожидала получить и одинаковое съ нимъ спасеніе въ жизни загробной. Бракъ былъ объявленъ таинствомъ и въ общей жизни супругамъ даны высшіе нравственные завѣты. Религіозно-нравственное освященіе брака сдѣлало изъ него вѣчный, нерасторжимый союзъ. Возвышенная такимъ образомъ въ сознаніи общества новой религіей, женщина приняла къ сердцу дѣло обновленія ею общества, подавая собою примѣръ самаго искренняго исповѣданія и примѣненія къ жизни заповѣдей Христа. Женщины были въ числѣ первыхъ Его учениковъ, принявшихъ отъ Него ученіе [1]) и запечатлѣвшихъ свою вѣру въ Христа героическимъ самоотверженіемъ, мученическою смертью на кострахъ

---

[1]) Примѣчаніе. Іисусъ Христосъ возвѣстилъ многія истины своего ученія женщинамъ (хананеянкѣ, самарянкѣ, сестрамъ Лазаря и др.), которыя постоянно окружали его, выказывали ему при всякомъ случаѣ свою глубокую преданность и любовь и не оставили Его до послѣднихъ минутъ Его жизни.

и отъ руки палача и подвижническою жизнью, полною жертвъ на пользу ближнихъ. Женщинамъ же принадлежитъ великая заслуга распространенія христіанскаго ученія во всемъ мірѣ, а также и у европейскихъ народовъ. Введеніе новой религіи въ римскомъ государствѣ встрѣтило сильныя препятствія со всѣхъ сторонъ: она въ корнѣ противорѣчила всему языческому міровоззрѣнію и строю общественной жизни въ античномъ мірѣ. Христіанство поставило недостижимые и непонятные для него идеалы нравственнаго совершенствованія, стремленіе къ которымъ заставляло первыхъ христіанъ отказываться отъ брака и семейныхъ радостей и предпочитать имъ аскетическую, полную всякихъ физическихъ лишеній, одинокую жизнь въ пустынѣ и вновь основанныхъ монастыряхъ. Въ самомъ бракѣ духовная, нравственная сторона поставлена много выше тѣлесной, какъ грѣховной, нечистой, плотской. Патріархальные принципы античной семейной жизни продолжали оказывать свое вліяніе и на христіанскую семью, въ которой мужъ объявленъ главой жены, а послѣдней внушалось полное ему повиновеніе. Христіанскій бракъ не подчиняетъ совершенно личность женщины ея мужу, но только устанавливаетъ свободное повиновеніе ему, какъ нравственную обязанность, взамѣнъ которой на мужѣ лежитъ долгъ любить свою жену, какъ свое тѣло. Самый бракъ не сталъ обязательнымъ для каждаго христіанина, такъ что женщина могла и не выходить замужъ и заниматься другими дѣлами, особенно нравственнымъ самоусовершенствованіемъ (какъ, напр., Марія, сестра Лазаря).

Христіанское ученіе сначала было гонимой религіей въ римской имперіи (до IV в. христ. эры) и не было принято Востокомъ. Долго жизнь христіанъ ограничивалась узкими предѣлами небольшихъ общинъ, гдѣ находилось тѣмъ не менѣе много дѣла для истинныхъ учениць Христа и самоотверженной ихъ дѣятельности въ качествѣ діаконисъ и

въ другихъ родахъ дѣятельности. Языческій міръ жилъ своими вѣрованіями и моральными и общественными идеалами, ничтожество которыхъ привело къ его паденію незадолго до признанія христіанства господствующей религіей. Но долго еще совершалась агонія античнаго міра въ *византійской имперіи*, которая была христіанской, но больше по имени. Вся ея многовѣковая исторія (IV—XV ст.)—безконечный рядъ кровавыхъ смутъ, волненій, неурядицъ, среди которыхъ происходили безпрерывныя смѣны императоровъ при значительномъ вліяніи арміи и женщинъ. На византійскомъ престолѣ появлялись одна за другою императрицы, исторія которыхъ—сплошная цѣпь всякихъ злодѣяній. Жизнь и судьба обыкновенной женщины поглощалась бурнымъ теченіемъ разныхъ событій, безплодными религіозными распрями и общественными безпорядками, которые и привели византійскую имперію на край погибели.

Не лучше жилось женщинѣ-христіанкѣ и среди *феодальныхъ порядковъ* Западной Европы. Феодализмъ образовался на развалинахъ римской имперіи, разныя провинціи которой были завоеваны германскими племенами. Ихъ вожди раздавали въ награду своимъ дружинникамъ участки завоеванной земли на правѣ временнаго пользованія. Безпрерывная раздача этихъ участковъ обезсилила ихъ собственниковъ и, наоборотъ, сдѣлала изъ временныхъ владѣльцевъ земли настоящихъ ея собственниковъ. Въ интересѣ этихъ феодальныхъ сеньоровъ (во Франціи) или господъ (въ Германіи) было не только сохранить, но и по возможности увеличить свои поземельныя владѣнія, съ которыми соединялись въ средніе вѣка не только гражданскія, но и политическія права. Поэтому каждый феодалъ думалъ лишь о томъ, чтобы соблюсти престижъ своей власти въ неприкосновенномъ видѣ въ семьѣ и всѣхъ своихъ владѣніяхъ. Среди общей неурядицы, господства произвола, насилія, которыми характеризуется мрачный и долгій періодъ средневѣковой жизни За-

падной Европы (V—XV в.), для феодала, съумѣвшаго обосновать свой собственный, независимый дворъ, окружить себя вассалами, слугами, рабами и населеніемъ своего участка, сильная власть была дѣломъ первой необходимости. Отсюда понятно, почему свобода женщина изъ владѣльческаго, феодальнаго сословія подпала многочисленнымъ ограниченіямъ и женщина превратилась въ орудіе для достиженія властолюбивыхъ плановъ ея отцомъ, мужемъ и братьями—феодалами. Воспитанныя обыкновенно вдали отъ жизни, нерѣдко въ монастыряхъ, въ домахъ знатныхъ лицъ, защита которыхъ такъ нужна была дѣвушкамъ въ вѣкъ феодальнаго, кулачнаго права, онѣ выдавались замужъ своими родственниками или братьями, съ согласія сюзерена, съ цѣлью завязать или поддержать связи съ сильными сосѣдями или соперниками. Часто браки совершались между малолѣтними или, по крайней мѣрѣ, безъ предварительнаго согласія невѣсты и жениха. Браки по взаимной симпатіи, особенно съ лицомъ недворянскаго происхожденія, строго запрещались и когда они стали допускаться нравами, то съ такими неравными браками соединялись тяжелыя для жены и ея дѣтей юридическія послѣдствія. Дочери лишались наслѣдственныхъ правъ своими родителями въ интересахъ сыновей, главнымъ образомъ, первенца, старшаго, какъ будущаго представителя лена и преемника всѣхъ феодальныхъ правъ отца. Семейный деспотизмъ тяготѣлъ одинаково надъ феодальной женщиной какъ въ семьѣ ея родителей, такъ и въ домѣ ея мужа, гдѣ отъ нея требовали предъ вступленіемъ безукоризненной репутаціи, а при жизни въ немъ строгаго выполненія обязанностей вѣрной *супруги, матери* многочисленнаго потомства и распорядительной *хозяйки.* Такъ снова, хотя, повидимому, при другихъ совершенно условіяхъ, всплылъ въ исторіи женщины этотъ узкій взглядъ на ея „природное назначеніе“, осуждавшій женщину на вѣчную жизнь въ стѣнахъ дома, среди одно-

образной семейной обстановки и вдали отъ разнообразныхъ общественныхъ интересовъ!

И также строго, какъ и ранѣе, обращался съ женщиной ея повелитель, требовавшій отъ нея неукоснительнаго выполненія всѣхъ правилъ средневѣковаго житейскаго обихода! Феодальная женщина получала нѣкоторую долю свободы лишь въ томъ случаѣ, когда умиралъ отецъ или мужъ, и оставшаяся вдова или жена сама вступала въ права феодала. Былъ и еще одинъ путь для обезпеченія женщинѣ высшихъ классовъ извѣстной доли независимости и свободы. Это — поступленіе въ одинъ изъ женскихъ католическихъ монастырей, которые появились въ VII—VIII в. сначала въ Англіи, а потомъ и Германіи. Въ этихъ монастыряхъ, основанныхъ нерѣдко знатными женщинами (королевами, ихъ дочерями и др.), находили убѣжище отъ всякихъ житейскихъ невзгодъ и насилія женщины, которыя проводили здѣсь время, положимъ, не всегда въ благочестивыхъ подвигахъ, но за то въ полной независимости и довольствѣ. Средневѣковые женскіе монастыри обладали большимъ имуществомъ; ихъ настоятельницы пользовались важными политическими правами и отличались высокою степенью образованности (напр., Гербирга — настоятельница Гондерсгеймскаго монастыря въ Германіи, основательница и настоятельница англійскаго монастыря Уитби, принцесса Гильда, Ліоба, настоятельница одного большаго монастыря близъ Майнца и др.). Гротсвита, монахиня Гондерсгеймскаго монастыря прославилась своими литературными трудами. Женскія обители были въ средніе вѣка центрами умственной и нравственной жизни, духовными оазисами въ мрачномъ, грубомъ и невѣжественномъ обществѣ, гдѣ женщинѣ жилось такъ тяжело подъ вліяніемъ феодальныхъ порядковъ. Строгость взглядовъ на роль женщины, ея приниженное положеніе въ средневѣковомъ быту развились, кромѣ феодальнаго права, еще подъ сильнымъ вліяніемъ *римскаго права* на европейское общество,

гдѣ оно въ нѣкоторыхъ частяхъ совсѣмъ вытѣснило обычное право германскихъ племенъ съ мягкими нормами семейнаго права. Общій взглядъ римскаго права на мужчину, какъ главу семьи съ огромными правами надъ женою и всѣми остальными ея членами, еще болѣе обезличивалъ женщину при господствѣ воззрѣній на нее скорѣе, какъ на вещь, нежели человѣка. Тѣми же началами, какъ и феодальное и римское право, было проникнуто по отношенію къ женщинѣ *каноническое право.* Все средневѣковое міровоззрѣніе *католичества,* въ которомъ чрезмѣрно были развиты аскетическія воззрѣнія на природу человѣка и отношенія мужчины и женщины, отнимало у нея всякую надежду на то, чтобы жить хоть сколько-нибудь сносно въ семьѣ и обществѣ. Католичество помогало женщинѣ тѣмъ, что старалось поддержать нерасторжимость брака, хотя эта помощь во многихъ случаяхъ приносила ей сомнительную пользу. Признавая единственно законнымъ лишь бракъ, совершенный церковью, католицизмъ проводилъ рѣзкое различіе между законными и незаконными дѣтьми, лишалъ послѣднихъ всѣхъ гражданскихъ правъ, а ихъ родителей подвергалъ нравственнымъ мученіямъ и жестокимъ наказаніямъ. Но особенно тяжело было средневѣковой женщинѣ отъ распространяемыхъ католичествомъ въ обществѣ взглядовъ на нее, какъ на воплощеніе всякаго зла, представительницу плоти, источникъ всякаго соблазна, врата дьявола, чрезъ которыя онъ увлекаетъ мужчинъ въ адъ. Католическіе богословы старались внушить всѣмъ мужчинамъ, слѣдуя разсказу библіи и ученію Аристотеля о несовершенствѣ женщины сравнительно съ мужчиной, что ея природа ниже природы мужчины, и все назначеніе женщины заключается лишь въ томъ, чтобы родить дѣтей, но „не учить, ни судить, ни тѣмъ болѣе управлять“. На одномъ изъ средневѣковыхъ соборовъ совершенно серьезно былъ поднятъ вопросъ, *человѣкъ ли женщина?* Долго думали и спорили мудрые отцы по поводу этого

вопроса, пока, наконецъ, не пришли къ заключенію, на этотъ разъ благопріятному для женщины. Іисусъ, разсуждали они, былъ сыномъ человѣческимъ, рожденнымъ отъ женщины— дѣвы Маріи. Значитъ, заключили отсюда, женщина человѣкъ. Но тѣже отцы церкви отказывались отъ признанія равенства женщины съ мужчиной въ самой жизни, гдѣ она оказывалась отверженною отъ участія во многихъ церковныхъ обрядахъ и ограниченной за низшую свою природу въ разныхъ личныхъ правахъ. Католическое духовенство своимъ взглядомъ на бракъ, какъ зло, допустимое только въ нѣкоторыхъ случаяхъ, отнимало у женщины послѣднюю почву подъ ногами. Католицизмъ старался внести даже въ семейную жизнь тѣже аскетическія начала, вводя въ нее монастырскія правила и внушая суевѣрнымъ и забитымъ женщинамъ мысль о грѣховности брачной жизни. Въ тоже время духовенство не забывало себя, заставляло послушныхъ своихъ чадъ-женщинъ жертвовать большую долю имущества въ пользу церкви и на разныя благотворительныя цѣли. Скоро насталъ моментъ, когда католичество рѣшилось объявить обязательнымъ для всего бѣлаго духовенства *безбрачіе* (при Григоріи VII въ XII в.), которое, впрочемъ, принесло съ собою не одни только желательные папами плоды. Оно способствовало развращенію нравовъ среди самаго же духовенства, развивая въ немъ лицемѣрное отношеніе къ своему призванію. Подъ сильнымъ вліяніемъ аскетическихъ воззрѣній католическаго духовенства въ средѣ самихъ женщинъ развились стремленія къ *монашеской жизни*, которая при всемъ суровомъ ея режимѣ представлялась отраднымъ прибѣжищемъ послѣ всякаго рода бѣдствій, неизбѣжныхъ въ положеніи средневѣковой женщины. Въ монастырѣ она предавалась разнаго рода подвигамъ для сокрушенія бѣса и налагала на себя всевозможныя лишенія, хотя нерѣдко и въ монастыряхъ женщинамъ жилось довольно весело и, притомъ, въ обществѣ самихъ же строгихъ ревнителей благочестія (епископовъ, абба-

товъ). Въ женскихъ орденахъ средневѣковая женщина находила нѣкоторую защиту отъ царящаго всюду произвола и насилія.

Высшей и самой возмутительной мѣрой такого насилія надъ женщиной были, продолжавшіеся вѣка, ужасные *процессы о вѣдьмахъ*, гармонировавшіе со всѣмъ аскетическимъ, средневѣковымъ міровоззрѣніемъ, полнымъ всякихъ суевѣрій и предразсудковъ. Католическое духовенство твердо вѣрило въ существованіе рядомъ съ Божьей церковью царства сатаны, орудіемъ котораго въ его глазахъ была женщина, находившаяся съ нимъ въ постоянныхъ сношеніяхъ на несчастіе людей. Женщины поэтому считались опаснѣйшими въ мірѣ существами, чрезъ которыхъ происходятъ всякія въ немъ бѣдствія. Въ средніе вѣка самымъ серьёзнымъ образомъ вѣрили, что женщины получали отъ сатаны способность летать по воздуху, превращать людей въ животныхъ, распоряжаться бурями и вообще силами природы и наносить людямъ всякій вредъ. Эти нелѣпыя вѣрованія, раздѣляемыя вмѣстѣ съ духовенствомъ всею народною массою, какъ верхними, такъ и нижними ея слоями, вызвали со стороны папъ воззванія къ истребленію „вѣдьмъ“, нашедшія полное сочувствіе въ средѣ средневѣковыхъ юристовъ.

Начался цѣлый рядъ процессовъ вѣдьмъ во всѣхъ странахъ Западной Европы. Составляются опредѣленныя правила производства всѣхъ подобныхъ дѣлъ въ судахъ, которыя беретъ на себя святая инквизиція. Въ Германіи славился „Молотъ вѣдьмъ“ Шпренгера, давшаго въ немъ полное руководство для разбора всѣхъ о нихъ дѣлъ. Цѣлыхъ четыре столѣтія (XI—XVII) пылали на Западѣ Европы костры, на которыхъ жгли десятками, сотнями и цѣлыми тысячами несчастныхъ женщинъ „для славы Божіей“. Признаки, по которымъ узнавали вѣдьму, были самаго разнообразнаго характера. Добродѣтели и пороки, красота и безобразіе, богатство и бѣдность,

здоровье и болѣзнь, умъ и глупость—все это и безчисленное количество другихъ „уликъ“ служило поводомъ „святымъ отцамъ“ схватить любую женщину и отправить её на костёръ, предварительно подвергнувши ее самымъ ужаснымъ пыткамъ. Никто и ничто не спасало подозрѣваемыхъ отъ неминуемой для нихъ погибели. Признаніе и отрицаніе одинаково губили несчастную, какъ и тотъ или другой исходъ пытокъ. Выхваченная внезапно изъ среды семьи и общества, подвергнутая неслыханнымъ и невыносимымъ пыткамъ, которыя только могла изобрѣсти богатая фантазія фанатичныхъ судей, измученная, обезсиленная физически и нравственно, несчастная „вѣдьма“ возводила на себя небывалыя напраслины и совершенно невѣдомыя ей преступленія въ надеждѣ, если не спастись, то хоть положить конецъ своимъ ужаснымъ мукамъ. Палачи не заставляли себя ждать. Если „вѣдьма“ не умирала во время истязаній, ей грозилъ неизбѣжный костёръ, на которомъ она торжественно сжигалась въ присутствіи высшихъ представителей церкви и власти, безчисленной толпы народа и съ соблюденіемъ, установленнаго на этотъ случай, особаго церемоніала. Были среди преслѣдователей „вѣдьмъ“ особые любители, которые гордились числомъ погубленныхъ имъ жертвъ своего же собственнаго невѣжества и тупоумія, какъ и, окружающаго ихъ, безпросвѣтнаго мрака народной массы. Таковъ, напр., былъ въ Англіи *Гопкинсъ*, заслужившій за свою благородную дѣятельность почетный титулъ „генералъ—открывателя вѣдьмъ“. Была особенная профессія „сыщика“ вѣдьмъ, дававшая большой доходъ занимавшимся этимъ прибыльнымъ тогда дѣломъ. Сыщики отыскивали вѣдовскіе знаки на тѣлѣ женщины, прибѣгая къ такимъ истязаніямъ, о возможности которыхъ намъ даже трудно составить себѣ понятіе. Непередаваемыя никакими подробными описаніями, ужасныя картины зажженыхъ инквизиціей, дымящихся костровъ, на которыхъ гибли среди

невыразимыхъ мукъ и стоновъ невинныя жертвы людского невѣжества, суевѣрія и фанатизма, были обычнымъ явленіемъ повсюду въ Европѣ, гдѣ только католицизмъ былъ распространенъ. Число этихъ жертвъ считается даже сотнями тысячъ. Въ одной Германіи было сожжено вѣдьмъ болѣе 100 тысячъ, а во всей Европѣ ихъ погибло болѣе милліона.

Среди всеобщаго мрака, удручающихъ душу, тяжелыхъ впечатлѣній отъ необузданныхъ, дикихъ сценъ въ средневѣковыхъ семьяхъ, монастыряхъ, судахъ и обычномъ теченіи общественной жизни сіяетъ отраднымъ свѣтомъ культъ св. Дѣвы Маріи, въ которомъ средневѣковая, многострадальная женщина находила живое утѣшеніе своему наболѣвшему сердцу. Почитаніе Св. Дѣвы соединялось съ представленіемъ высшей, безграничной любви къ людямъ, воплощеніемъ которой была Она и вся Ея жизнь. Въ такомъ совершеннѣйшемъ образцѣ женщина пыталась отыскать тѣ свѣтлыя стороны женской природы, которыя были совершенно искажены, подавлены и почти вырваны съ корнемъ безчисленными мучителями женщины въ средніе вѣка. Былъ въ это время для женщины высшихъ классовъ и другой источникъ чистыхъ радостей, благородныхъ чувствъ и возвышенныхъ наслажденій. Это было *рыцарство*, возникшее сначала на религіозной почвѣ и въ связи съ древне германскимъ уваженіемъ къ женщинѣ, но потомъ обратившееся всецѣло къ женщинѣ, какъ представительницѣ высшаго идеальнаго начала въ жизни. Одной изъ главныхъ обязанностей рыцаря была защита слабыхъ противъ произвола сильныхъ, а женщина въ средніе вѣка нуждалась въ такой защитѣ отъ разнаго рода своихъ враговъ въ семьѣ и обществѣ. Рыцарь воспитывался въ идеѣ необходимаго служенія дамамъ, изъ среды которыхъ онъ потомъ, когда принималъ посвященіе въ рыцари, избиралъ даму своего сердца, обязывался служить ей и защищать отъ всѣхъ враговъ, а она, со своей стороны, обязана была на-

градить его своею любовью. Но съ представленіемъ объ этой любви у рыцаря, какъ и его дамы, соединялось возвышенное понятіе о свободной, чистой, безкорыстной и сердечной привязанности, соединявшей сердца на всю ихъ жизнь. Корень этого глубокаго, платоническаго чувства рыцаря къ его дамѣ лежалъ не въ дѣйствительной ея красотѣ, которой часто у нея и не было, а въ опоэтизированіи женщины, перенесеніи на живую женщину идеальныхъ стремленій рыцаря къ безконечно совершенному, божественному идеалу всего женственнаго, парившему въ лицѣ Дѣвы Маріи надъ дѣйствительными, несовершенными его подобіями. Въ Провансѣ, гдѣ впервые раздались лирическія пѣсни трубадуровъ—рыцарей, былъ выработанъ цѣлый культъ служенія рыцаря дамѣ, которому предшествовала извѣстная система испытаній въ доблести и вѣрности рыцаря. Послѣдній избиралъ цвѣтъ одежды дамы своимъ цвѣтомъ и отнынѣ ставилъ цѣлью своей жизни защищать честь своей дамы, предпринималъ самые геройскіе подвиги и жертвовалъ за нее даже своею жизнью. Образовалась особая рыцарская поэзія, въ которой прославляется любовь, какъ источникъ всякой человѣчности, и красота женщины, вызывающая восторженное къ ней обожаніе. Трубадуръ пѣлъ, что тотъ

Счастливъ, кому досталося блаженство!
Любовь—источникъ всякаго добра:
Не отъ нея ль душа становится бодра,
Кротка, правдива, утонченна,
Способнѣй во сто кратъ въ совѣтѣ и войнѣ?
Да будетъ же любовь благословенна!

Нѣмецкій миннезингеръ обращался прямо къ предмету своей пламенной любви:

Блаженство и радость въ жизнь нашу вносящая,
Скромна и безмолвна любовь настоящая!
Какъ дымъ улетаетъ страданье отъ насъ,
Испугано женской улыбкой единой;

Въ насъ сердце трепещетъ любовной кручиною
Отъ взгляда плѣнительныхъ глазъ,
Видъ милыхъ созданій съ ихъ чудными взорами
Насъ все заставляетъ забыть,
И нѣтъ тѣхъ восторженныхъ пѣсенъ, которыми
Мы ихъ не готовы почтить;
Но все же того, что я думаю, чувствую
И самою хвалою стоустою
Не выразить людямъ вполнѣ:
Того, какъ *прекрасны онѣ.*

Любовь рыцаря къ своей дамѣ облагороживала его мысли и нравы и возвышала женщину надъ уровнемъ грубыхъ, обычныхъ понятій и нравовъ эпохи, придавала ей такое высокое значеніе, какого она не имѣла въ семьѣ и обществѣ. Женщина имѣла въ своемъ распоряженіи вѣрнаго слугу, готоваго для ея защиты на всѣ жертвы. Одно имя дамы, ея лента, кольцо одушевляли ея рыцаря на необыкновенные подвиги, которыми особенно прославились нѣкоторые рыцари. Существовалъ цѣлый кодексъ правилъ, опредѣляющихъ обязанности рыцаря къ дамѣ. Нарушеніе этихъ правилъ влекло за собою „Судъ любви“, въ которомъ участвовали иногда самыя знатныя дамы въ странѣ. „Суды любви“ опредѣляли виновнымъ извѣстныя наказанія и поддерживали своими рѣшеніями культъ чистой, свободной любви, окружавшей женщину какимъ то поэтическимъ ореоломъ. Нерѣдко рыцари цѣлыми толпами являлись на турниры, чтобы защищать красоту и честь своихъ дамъ. На турнирахъ предсѣдательствовала одна изъ нихъ же, обыкновенно знатныхъ дамъ, славившаяся своею красотою, Отличившіеся рыцари получали награду изъ ея рукъ при торжественной обстановкѣ.

Недолго продолжался для женщины праздникъ чувства, отдыхъ и свобода отъ тяжелыхъ для нея средневѣковыхъ формъ семейной и общественной жизни. Отъ краткаго періода обо готворенія женщины (XII—XIII ст.) рыцарями оста-

лся культъ свободной любви, служеніе которому стало отступать отъ возвышенныхъ идеаловъ рыцарства подъ вліяніемъ грубыхъ вкусовъ феодаловъ. Сама женщина высшихъ классовъ, воспитанная, какъ и мужчина, въ презрѣніи къ труду, отдалась съ жаромъ наслажденіямъ, открывшимся ей съ новымъ міромъ чувствъ и благородныхъ порывовъ рыцарей. Разбуженная ими, страсть женщины къ любви и наслажденіямъ, переходившая нерѣдко всѣ границы скромности и стыдливости, нашла пищу въ эпоху возрожденія наукъ и искуствъ въ *движеніи гуманистовъ* (XIV—XV в.), въ которомъ выразился протестъ личности противъ мертвящаго, средневѣковаго міровоззрѣнія и католичества. Гуманисты возстали противъ проповѣдуемаго имъ презрѣнія къ плоти, аскетическаго отрицанія отъ всѣхъ благъ этой земной жизни ради благъ загробной. Во имя здоровыхъ инстинктовъ человѣческой природы, стремленія человѣческой личности къ свободѣ, самостоятельной ея дѣятельности гуманисты отвергали презрѣніе католичества къ чувственному міру, подавленіе въ себѣ воли, отрѣшеніе отъ всякихъ общественныхъ отношеній. Въ гуманистическомъ движеніи, охватившемъ скоро разныя страны на Западѣ Европы (Италію, Германію, Францію), выразились стремленія новаго времени къ всестороннему развитію человѣческой личности, въ которомъ приняла участіе и женщина. Первый гуманистъ въ *Италіи, Данте* воспѣваетъ въ своей „Божественной комедіи“ свободную и вѣрную любовь, самъ даетъ примѣръ возвышенной и чистой любви къ Беатриче, опоэтизированной имъ въ „Комедіи“, гдѣ Данте ввѣряется ея руководству при посѣщеніи рая и ада. Гуманистическимъ характеромъ и идеальнымъ отношеніемъ къ женщинѣ проникнуты поэтическія произведенія („Сонеты“) *Петрарки. Боккачіо* въ „Декамеронѣ“ въ остроумныхъ разсказахъ, блестящихъ по сарказму и обличеніямъ лицемѣрной морали представителей католическаго духовенства, отводитъ женщинѣ одинако-

вую роль съ мужчиной, которые оба охвачены жизнерадостнымъ настроеніемъ и живутъ въ разгаръ чумы беззаботно, повинуясь единственно влеченію своего сердца. Итальянскія женщины высшихъ классовъ въ эпоху возрожденія отличались высокою степенью образованности. Нѣкоторыя изъ нихъ изучали юриспруденцію, поэзію и были профессорами въ университетахъ (Беттина, жена профессора Іоанна де-Грегоріо, Балтидисія Гоуердина, Лукреція Пископія, Витторія Колонна и др.). Тогда женщина стремилась къ тому, чтобы выработать опредѣленное, стройное міровоззрѣніе, обладать такимъ же умомъ и характеромъ, какъ и мужчина.

Эмансипаціонныя стремленія, защищаемыя гуманистами, нашли сильное противодѣйствіе въ *реформаціи*, которая, начавшись въ области религіозно-нравственной области, перешла скоро въ самую жизнь и укрѣпила здѣсь снова патріархальныя начала въ семьѣ и обществѣ. Реформація стремилась осуществить въ жизни библейскія начала, возстановить, поколебленныя рыцарствомъ и гуманистами, отношенія мужчины къ женщинѣ въ библейскомъ духѣ. Протестанты, кальвинисты, пуритане, квакеры рѣзко осуждали всякія проявленія свободнаго чувства, считали грѣхомъ самыя невинныя забавы, обычныя украшенія, доходили до фанатизма въ преслѣдованіи нарушителей строгой, патріархальной морали. Женщинѣ предписывалось быть доброю и вѣрною женою, хорошею матерью и хозяйкой своему мужу. Его авторитетъ въ глазахъ жены признавался непоколебимымъ, какъ отеческая власть надъ дѣтьми. Подъ господствомъ религіозныхъ стремленій къ преобразованію общественной жизни на новыхъ началахъ сами женщины обращаются въ горячихъ послѣдователей реформы и въ своемъ увлеченіи забываютъ о своихъ личныхъ стремленіяхъ и отдаютъ свой трудъ и жизнь въ руки учителей новаго вѣроисповѣданія. Особенно сильно патріархальная семья развилась сначала въ среднихъ, а потомъ и низшихъ

классахъ западно-европейскаго населенія, которое всецѣло отдалось реформаціонному движенію, освѣжившему тяжелую атмосферу повседневной, неприглядной жизни народныхъ массъ въ средніе вѣка. Родители произвольно распоряжались судьбою всѣхъ своихъ дѣтей, въ числѣ которыхъ сыновья обладали всѣми правами во вредъ своимъ сестрамъ. Дочери, напр., совершенно устранялись отъ наслѣдства, которое предоставлялось обыкновенно старшему сыну. До какого произвола доходили родители въ проявленіи своей власти надъ дѣтьми, показываютъ тѣ многочисленныя преслѣдованія, которымъ подвергался долгое время отъ своего отца знаменитый *Мирабо*: по волѣ отца его не разъ сажали въ тюрьму и гоненія на него прекратились лишь тогда, когда умеръ старшій сынъ въ семьѣ Мирабо, мѣсто котораго долженъ былъ занять второй въ ней сынъ. Бракъ заключался помимо воли жениха и невѣсты, по матеріальнымъ разсчетамъ родителей. Мужъ могъ распоряжаться судьбой жены, какъ было ему угодно, и въ Англіи имѣлъ право вывести жену на веревкѣ на базаръ и тамъ продать ее за любую цѣну—обычай, исчезнувшій въ Англіи только въ 30-хъ годахъ текущаго вѣка. Всякія попытки женщинъ заняться чѣмъ-либо, кромѣ семейныхъ дѣлъ, возбуждали насмѣшки. Тогда-то женщины, интересовавшіяся научными вопросами, получили презрительную кличку *синихъ чулокъ*. Даже знаменитый *Шекспиръ* отдалъ дань своему времени въ своихъ нападкахъ на женщинъ, о которыхъ онъ составилъ себѣ самое нелестное мнѣніе, представлялъ ихъ въ непривлекательномъ видѣ. Шекспиръ далъ въ своихъ произведеніяхъ рядъ женскихъ типовъ, воплотившихъ самыя разнообразныя страсти (Лэди Макбэтъ, королева, мать Гамлета и др.) на ряду, однако, съ такими привлекательными созданіями, какъ Дездемона, Юлія и др. Возвышенное по благородству чувствъ существо—Луиза Миллеръ—стоитъ у *Шиллера* рядомъ же съ лэди Миль-

фордъ—порочной женщиной. *Гёте* въ „Фаустѣ“ создалъ въ лицѣ Маргариты безсмертный типъ невинности, чистоты и самоотверженія въ скромной, простой и набожной нѣмецкой дѣвушкѣ, ставшей неразлучной подругой Фауста—яркаго воплощенія вѣчнаго стремленія человѣческаго духа къ исканію истины, правды и красоты. Въ спутницы Маргаритѣ до ея встрѣчи съ Фаустомъ Гёте далъ Марту—пустую, мелочную, болтливую и легкомысленную женщину и населилъ почти весь Брокенъ злобными, ничтожными и пошлыми женщинами. Въ концѣ XVII ст. *Даніэль Дефо*, авторъ знаменитой книги о Робинзонѣ Крузое, горячо возсталъ противъ обычая давать ничтожное образованіе женщинамъ, которымъ „Богъ далъ такія же способности къ нему, какъ и мужчинѣ“. Дефо предлагалъ учредить „Академію женщинъ“, рядомъ съ которой должно было существовать въ Европѣ „Религіозное убѣжище отъ суетности міра“ для дѣвушекъ изъ высшихъ классовъ *Мэри Астелль*, видѣвшей причину всѣхъ страданій женщинъ, ихъ пустоты въ недостаткахъ женскаго воспитанія. Въ началѣ XVII ст. вопросъ объ учрежденіи женской академіи возбуждался и въ Германіи, гдѣ въ то время было немало высоко образованныхъ женщинъ (Доротея Христина Эрклебенъ, написавшая большой трудъ объ образованіи женщинъ, Минерва Саксонія, Анна Марія фонъ Шурманъ, прозванная за свою обширную ученость „чудомъ вѣка“, Анна Христина Балтазаръ, „баккалавръ всемірной мудрости“ и др.). Однако, въ Германіи, какъ и другихъ странахъ Запада Европы, въ прошломъ вѣкѣ уровень образованія женщинъ былъ значительно ниже уровня мужскаго образованія, и положеніе женщины въ обществѣ не улучшилось отъ отдѣльныхъ попытокъ поднятія женскаго образованія. Женщина вообще страдаетъ и въ семьѣ и обществѣ и такъ было одинаково какъ въ низшихъ, такъ и среднихъ и даже высшихъ классахъ въ XV—XVIII столѣтіи. Правда, женщины раздѣляютъ съ нѣкоторыми реформаторами

(напр., Іоанномъ Лейденскимъ) жизнь, свободную отъ всякихъ патріархальныхъ, общепринятыхъ взглядовъ на обязанности жены и матери. Но даже въ концѣ XVIII в. продолжаютъ жечь на кострахъ „вѣдьмъ“ съ равнымъ рвеніемъ какъ католики, такъ и протестанты.

Строгій, патріархальный режимъ семейной и общественной жизни въ XVI—XVIII в. не замедлилъ вызвать сильную реакцію въ нравахъ всѣхъ общественныхъ классовъ. Измѣненія въ ихъ воззрѣніяхъ произошли изъ борьбы представителей двухъ христіанскихъ вѣроисповѣданій—католичества съ протестантизмомъ, какъ и развитія абсолютной королевской власти на Западѣ Европы. Воинственное настроеніе ея населенія подрывало въ корнѣ патріархальныя начала общественнаго быта, который не могъ остаться въ одномъ и томъ же видѣ еще и вслѣдствіе развитія въ новое время, реформировавшихъ всю жизнь, торговли, промышленности. Около дворовъ королей Запада, сосредоточившихъ въ своихъ рукахъ вмѣстѣ съ властью и громадныя средства государствъ въ видѣ налоговъ и податей, собралась феодальная аристократія, утратившая въ борьбѣ съ королями всѣ свои политическія права, но сохранившая свои вкусы къ праздной и роскошной жизни. Теперь ея задачей было занять наиболѣе видное мѣсто при дворѣ съ хорошимъ содержаніемъ, оплачивавшимъ многочисленныя издержки придворной жизни. При дворахъ начинается настоящій карнавалъ, вѣчный и шумный праздникъ, на которомъ тратятся громадныя суммы, происходятъ безконечныя увеселенія, совершаются оргіи, гдѣ одно изъ первыхъ мѣстъ отводится женщинѣ. Беззаботная и роскошная жизнь женщины высшихъ классовъ, ея утонченное воспитаніе среди, развращающихъ умъ и сердце, вліяній окружающей среды развили въ женщинѣ снова всѣ тѣ особенныя черты ея природы, которыя принято называть *женственностью*. Отсутствіе привычки къ серьезному труду сдѣлало изъ женщины слабую

натуру, безпомощное созданье, думающее лишь о томъ, чтобы понравиться мужчинѣ. Для этого въ женщинѣ культивировались, развивающіяся въ ней вѣками, особыя качества: чувствительность, нѣжность сердца, милая наивность, граничащая съ полнымъ отсутствіемъ знаній. Туалеты, на изобрѣтеніе которыхъ шла масса средствъ, должны были выставить, какъ можно рельефнѣе, всѣ особенности физіономіи, очаровательность стана, изящество походки, пріобрѣтаемыхъ долгимъ и единственнымъ трудомъ—опыта и большихъ усилій. Образцомъ такой обстановки, среди которой развивались у женщины всѣ эти черты ея „женственности", былъ дворъ французскихъ королей, особенно Людовика XIV, этого короля рыцаря. Жизнь французскихъ королей XVII—XVIII в. своею необыкновенною пышностью, утонченностью, какъ и, царствовавшимъ при дворѣ, развратомъ, превосходила всѣ другіе европейскіе дворы. Женщина при французскомъ дворѣ была царицей, предъ которой преклонялись всѣ, начиная съ самого короля. Случалось, что особенное на него вліяніе пріобрѣтали женщины даже изъ низшихъ сословій, но только отличавшіяся какими-либо особенными качествами, особенно же красотою (Лавальеръ, Помпадуръ, Дюбарри). Такія женщины своимъ поведеніемъ иногда напоминали жизнь многихъ женщинъ временъ упадка римской имперіи. Вознесенныя случаемъ на необыкновенную высоту, онѣ какъ бы воплощали въ своей безмѣрной власти надъ всѣми окружающими, начиная съ самаго короля—перваго раба такой куртизанки, всю месть женщины, поробощенной цѣлые вѣка деспотами-мужчинами. Въ числѣ такихъ женщинъ, рвавшихся наружу изъ подъ ига традиціонныхъ обычаевъ и преданій, были и женщины высшихъ классовъ. Такова, напр., была, прославившаяся своимъ эксцентричнымъ образомъ жизни, королева шведская *Христина* (XVII ст.), отличавшаяся своею ученостью и полнымъ пренебреженіемъ къ своему высокому положенію и даже достоинству

женщины. Эмансипаціи чувства, свободной любви женщина добивалась и путемъ литературы, въ произведеніяхъ которой, особенно во Франціи, подрывалась строгость патріархальныхъ порядковъ, осмѣивалась отцовская власть и ревность мужей выставлялась въ комическомъ видѣ. Въ произведеніяхъ Шекспира, Шиллера, Мольера, Бомарше, отражающихъ въ себѣ всѣ эмансипаціонныя стремленія женщины, какъ и грубые нравы и языкъ эпохи, она представляется существомъ, надѣленнымъ всѣми обольстительными качествами, предъ которыми пасуетъ строгая, лицемѣрная добродѣтель мужчинъ. Въ французской философіи XVIII в. проповѣдуется прямо возвращеніе къ природѣ, естественнымъ наклонностямъ человѣка, скованнымъ патріархальною моралью. „Эмиль“ Ж. Ж. Руссо—образецъ воспитанія, согласнаго съ натурой, его „Новая Элоиза“—картина жизни людей, руководящихся единственно голосомъ своей природы.

При всѣхъ, неблагопріятныхъ для женской самостоятельности, условіяхъ общественной жизни въ новое время, многія женщины не отставали отъ мужчинъ въ дѣлѣ своего образованія и общественной дѣятельности. Еще ранѣе, въ теченіе среднихъ вѣковъ исторія сохранила немало именъ женщинъ, серьезно занимавшихся и даже преподавшихъ разныя науки въ средневѣковыхъ, итальянскихъ и нѣмецкихъ, университетахъ. Нѣкоторыя женщины занимали тогда же съ славой королевскіе престолы (напр., Анна Бретанская), отличались героическою воинственностью и самоотверженіемъ (Жанна Д'Аркъ). Рано введенное на Западѣ Европы, обязательное обученіе для всѣхъ мальчиковъ и дѣвочекъ (во Франціи въ XVI ст., въ другихъ странахъ—XVIII в.), повело за собою и развитіе женскаго образованія, необходимость котораго была признана извѣстными умами новаго времени (учениками Декарта, Фенелономъ и др.). Въ концѣ XVIII в. высшее образованіе было также доступно женщинамъ, какъ и муж-

чинамъ, во Франціи, Германіи и Италіи. Вліяніе образованныхъ женщинъ на воспитаніе мужчинъ въ XVIII в. было неизмѣримо и въ высшей степени благотворно. Матери Шиллера, Гете, Наполеона I были образованными, выдающимися женщинами эпохи. Многія женщины пріобрѣли извѣстность своими трудами въ медицинѣ, естественныхъ наукахъ, астрономіи, философіи, юриспруденціи. Литературная дѣятельность *Сталь* доставила ей славу писательницы во всей Европѣ. Въ обществѣ поднимаются голоса многихъ женщинъ противъ стѣсненія женщины въ общественной жизни, раздаются ея требованія относительно уравненія правъ женщины съ правами мужчинъ. Сами женщины блестяще доказали свои способности къ нимъ въ лицѣ знаменитыхъ королевъ и императрицъ въ разныхъ странахъ Европы. Таковы, напр., были Екатерина II, Елизавета Англійская, Марія Терезія, Изабелла Испанская и др. На жизни и дѣятельности этихъ женщинъ-правительницъ, какъ и массы другихъ образованныхъ женщинъ, отразились идеи французской просвѣтительной философіи, которая поставила своей задачей возвышеніе человѣческой личности, ея освобожденіе отъ накопившихся въ исторіи преданій, обычаевъ и учрежденій, которыя парализовали развитіе силъ природы человѣка и его свободную дѣятельность. Лучшія женщины эпохи воспринимали эти идеи и старались о томъ, чтобы онѣ не остались безжизненнымъ звукомъ, мертвой буквой, а переходили въ дѣло. Въ этомъ отношеніи особенно много сдѣлали *французскія женщины въ своихъ салонахъ въ XVIII вѣкѣ*, которые были тогда центрами просвѣщенія. Здѣсь въ изящной обстановкѣ, созданной утонченными вкусами французскаго общества, господствовала непринужденность и откровенность въ бесѣдахъ о самыхъ разнообразныхъ, научныхъ и общественныхъ, вопросахъ. Женщины задавали тонъ, принимая участіе въ ихъ обсужденіи съ такой свободой, которая рѣзко противорѣчила всему внѣшнему складу тогдашней общественной жизни. Въ женскихъ сало-

нахъ подготовлялся, такимъ образомъ, полный переворотъ въ мысляхъ и чувствахъ, всемъ міровоззрѣніи и бытѣ западно-европейскаго общества. Походъ Вольтера противъ произвола администраціи, злоупотребленій власти, религіозной нетерпимости находилъ живой отголосокъ въ блестящемъ обществѣ салона французской женщины, какъ и пламенная любовь Руссо къ человѣчеству, горячая проповѣдь имъ идей равенства и свободы, страстный призывъ людей къ жизни, согласной съ ихъ природой, чуждой всякой искусственности, навѣянной цивилизаціей. Особенно знамениты были въ Парижѣ въ концѣ XVIII в. салоны M-me *Сталь* и *Роланъ*. Обѣ онѣ были прекрасно образованными женщинами своего времени, горячими сторонницами идей просвѣтительной философіи, обѣ много потерпѣли отъ общественныхъ предразсудковъ и порядковъ, съ которыми онѣ вели долго борьбу, энергичную, но сопровождавшуюся небольшими успѣхами, наконецъ обѣ испытали въ концѣ своей жизни сильное разочарованіе въ своихъ личныхъ симпатіяхъ и общественныхъ идеалахъ. За свою прямоту, вѣрность убѣжденіямъ, непреклонность въ ихъ защитѣ Сталь вынесла рядъ систематическихъ преслѣдованій со стороны Наполеона I. Сталь упорно отстаивала каждый шагъ своей самостоятельной дѣятельности, встрѣчала смѣло всякое посягательство на ея личную свободу. Роланъ, отличавшаяся благороднымъ, самоотверженнымъ характеромъ и пылкою, восторженною любовью къ свободѣ, искренно вѣрила въ возможность осуществленія идеала нравственнаго возрожденія своего отечества и тѣхъ гражданскихъ добродѣтелей, которымъ она научилась у своихъ древнихъ наставниковъ (Плутарха и др.). Роланъ принимала вмѣстѣ съ своимъ мужемъ самое дѣятельное участіе въ бурныхъ событіяхъ, ознаменовавшихъ конецъ XVIII во Франціи. Эта знаменитая женщина осталась на своемъ опасномъ посту до самаго конца своей жизни и пала на эшафотѣ жертвою ме-

сти своихъ неумолимыхъ враговъ, фанатиковъ-якобинцевъ. Роланъ умерла съ словами на устахъ: „О свобода, сколько преступленій совершено въ твое имя"! Другой, но только еще болѣе смѣлой и страстной поклонницей свободы, принимавшей къ сердцу страданія родины отъ анархіи и террора извѣстнаго и ужаснаго тріумвирата (Робеспьера, Дантона и Марата), была *Шарлота Кордэ*, рѣшившаяся пожертвовать собою для спасенія отечества и убившая Марата. Многія женщины гибли въ это тревожное время общественной жизни, падали жертвами всеобщей неурядицы въ понятіяхъ, столкновенія противоположныхъ идей—стараго, разрушающагося феодальнаго быта и новаго, только что нарождающагося общественнаго строя. Свойственная такимъ переходнымъ эпохамъ въ жизни общества, распущенность нравовъ какъ-то странно уживалась съ проповѣдью и подражаніемъ классическимъ добродѣтелямъ, строгой цензурой жизни гражданъ и пламеннымъ исповѣданіемъ идей братства, равенства и свободы. Во имя этихъ идей философъ Кондорсе и разные дѣятели той эпохи требовали признанія женской равноправности, которая, по словамъ Кондорсе, должна была явиться важнѣйшимъ завоеваніемъ прогресса. Кондорсе доказывалъ, что женщины могутъ и должны имѣть одинаковыя съ мужчинами, гражданскія и политическія права: женщинѣ свойственны разумъ и чувство справедливости, хотя воспитаніе и общество пріучили ее болѣе къ тому, что только прилично. Женщины не отставали отъ защитниковъ ихъ самостоятельности и требовали отъ государства, чтобы онѣ были допущены наравнѣ съ мужчинами къ занятію всѣхъ въ немъ должностей. Всѣ привиллегіи мужескаго пола, не исключая и преимущества въ грамматикѣ мужескаго рода предъ женскимъ, должны были подлежать уничтоженію. Противникомъ женщинъ выступилъ знаменитый *Мирабо*, который указывалъ на различія въ природѣ мужчинъ и женщинъ и заявлялъ категорически, что ото-

рвать женщину отъ домашняго очага значитъ бросить ее въ жизненный водоворотъ всякихъ для нея опасностей, желать уничтоженія въ женщинѣ тѣхъ мягкихъ и нѣжныхъ чертъ, которыя составляютъ особенность ея натуры. Генеральный прокуроръ *Шометтъ* удивлялся въ конвентѣ при обсужденіи одного изъ законопроектовъ о женскихъ правахъ, чего добиваются женщины, когда мужчины-законодатели и судьи у ихъ ногъ, вполнѣ подчинены „деспотизму любви, который вытекаетъ изъ природы мужчины".

Живымъ отголоскомъ освободительныхъ идей XVIII в. явилась книга *фонъ Гиппеля*, изданная въ Берлинѣ въ томъ же 1792 г., когда была выпущена въ свѣтъ и книга извѣстной намъ миссъ Вульстонкрафтъ. Въ своемъ трудѣ („Объ улучшеніи гражданскаго положенія женщинъ") ф. Гиппель разсматриваетъ различія между полами, установившіяся исторически, возмущается неравенствомъ правъ женщинъ съ мужчинами, требуетъ, чтобы первымъ были возвращены права, отнятыя у нихъ насильно, и ожидаетъ отъ допущенія женщинъ, равныхъ по образованію съ мужчинами, къ государственной службѣ одной лишь пользы для общества, въ которомъ „бездѣйствуютъ силы половины человѣческаго рода". Замѣчательно, что ф. Гиппель высказалъ, и теперь часто повторяющуюся, мысль, что женщинамъ—врачамъ должно быть разрѣшено заниматься практикой, особенно среди же женщинъ. И какъ бы въ отвѣтъ на это первое заявленіе въ Европѣ о правѣ женщины быть врачемъ въ началѣ XIX в. первою женщиной-врачомъ, даже военнымъ явилась *Яковъ Барри* изъ Шотландіи, которая, благодаря своимъ познаніямъ и энергіи, дослужилась до высшихъ должностей въ британской арміи и болѣе полустолѣтія до самой своей смерти (въ 1865 г.) скрывала свой полъ и настоящее имя. Яковъ Барри, отличавшаяся своими искусными познаніями въ медицинѣ, участвовала въ сраженіяхъ (при Ватерлоо) и находи-

лась при англійской арміи въ Крыму (1853—54 г.). Яковъ Барри умерла на 71 г. жизни въ Лондонѣ.

Женщины не добились осуществленія своихъ плановъ о полной равноправности съ мужчинами ни въ концѣ прошлаго, ни въ началѣ настоящаго столѣтія. Не смотря на протесты противъ женской равноправности, во Франціи еще въ концѣ XVIII в. за женщинами (при Тюрго, министрѣ Людовика XVI) было признано право на трудъ. Во Франціи въ эпоху революціи, въ 1791 г. дочери были сравнены въ наслѣдственныхъ правахъ съ сыновьями и отмѣненъ суровый законъ о наказаніи женщинъ за прелюбодѣяніе. Кромѣ того, въ области частнаго права было уничтожено право первородства мужскаго пола въ наслѣдованіи имущества, ограничена отцовская власть надъ всѣми дѣтьми, объявлена свобода отъ отеческой власти совершеннолѣтнихъ между ними и предоставлено одинаковое право развода для обѣихъ сторонъ въ бракѣ.

Во Франціи же возникла, кромѣ допущенія женщинъ къ административной службѣ на почтѣ, неслыханная въ ту пору паденія феодальныхъ порядковъ, мысль обосновать семью на принципѣ полнаго равенства между полами. Но этотъ взглядъ встрѣтилъ сильное противодѣйствіе со стороны Наполеона I-го, который всю тяжесть вины за прелюбодѣяніе возложилъ на жену, а мужу вручилъ полную власть надъ жизнью и смертью невѣрной жены.

Въ то время, когда женщина высшихъ классовъ европейскаго общества выступала смѣло на защиту женскихъ правъ, а также ихъ поборницы—женщины среднихъ и даже низшихъ слоевъ населенія въ Парижѣ гибли цѣлыми сотнями въ водоворотѣ бурныхъ событій общественнаго переворота, патріархальныя начала семейной жизни нашли вѣрныхъ и стойкихъ послѣдователей въ лицѣ *женщинъ низшихъ классовъ европейскаго общества*. Суевѣрныя, невѣжественныя и

тупыя послѣдовательницы вѣковѣчныхъ преданій и обычаевъ, эти женщины упорно отвертывались отъ всякихъ освободительныхъ идей эпохи. Отвращеніе къ нимъ и слѣпая вѣрность историческому, отжившему міровоззрѣнію подогрѣвались усиленно католическимъ духовенствомъ, не менѣе простыхъ женщинъ суевѣрнымъ и фанатичнымъ и, кромѣ того, боязливо опасающимся за потерю своего вліянія и власти среди сельскаго населенія. До него доходило мало новыхъ идей, волновавшихъ верхушки европейскаго общества. Крестьяне во Франціи и другихъ странахъ Запада продолжали жить въ кругу тѣхъ же понятій и обычаевъ, которые слагались въ теченіе вѣковъ и составляли народную мудрость. Однимъ изъ главныхъ ея завѣтовъ было воззрѣніе на женщину, какъ существо, низшее по природѣ сравнительно съ мужчиной, созданіе, обреченное на вѣчное ему подчиненіе и кабалу въ семейной жизни,—единственномъ мѣстѣ, гдѣ женщина должна находить для себя арену своей узкой, ограниченной дѣятельности въ качествѣ жены, матери и хозяйки. Здѣсь и протекала подъ строжайшимъ контролемъ мужчины вся жизнь западно-европейской крестьянки, которая могла утѣшаться лишь тѣмъ, что она влачитъ, одинаковую съ мужемъ, жалкую и полную всякими лишеніями жизнь, на которую обрекали все сельское населеніе произволъ, насиліе и корыстолюбіе феодальныхъ господъ и суровый режимъ абсолютной королевской власти. На женщинѣ-крестьянкѣ тяготѣлъ невыносимый, принижающій ея личность, гнетъ различныхъ авторитетовъ (семейнаго, помѣщичьяго, политическаго, общественнаго) и только въ XIX вѣкѣ ея положеніе начинаетъ постепено улучшаться подъ вліяніемъ новыхъ теченій въ европейской мысли и жизни, проникшихъ въ глубину народныхъ массъ сверху, изъ высшихъ классовъ, гдѣ общеевропейскія идеи произвели большой переворотъ во всемъ строѣ общественной жизни европейскихъ странъ, не исключая и Россіи.

IV.

Исторія русской женщины [1]) начинается, какъ и женщины вообще, ея самостоятельностью, независимостью, равенствомъ съ мужчиной въ физической силѣ, а въ духовномъ развитіи иногда и превосходствомъ надъ нимъ. Славянскія и русскія былины сохранили намъ могучіе образы такихъ удалыхъ, храбрыхъ и смѣлыхъ наѣздницъ, обладавшихъ силою Геркулеса. Сохранилось сказаніе о чешскихъ амазонкахъ, которыя воевали съ юношами съ перемѣннымъ успѣхомъ и жили въ особомъ отъ нихъ городѣ (Дѣвинѣ). Начальницей этихъ амазонокъ была *Власта*, бывшая въ свитѣ чешской княжны, Любуши. Властѣ приписывалось намѣреніе основать въ Чехіи женское царство, лишивъ предварительно мужчинъ всей ихъ власти. Но, добавляетъ сага, мужчины побѣдили амазонокъ и Власта была убита. Ванда, дочь Крока, правителя ляховъ, избирается народомъ въ князья, царствуетъ счастливо и мирно, пока на нее не нападаетъ одинъ нѣмецкій князь. Сила волшебной красоты Ванды побѣждаетъ враговъ безъ битвы, послѣ которой князь гибнетъ самовольно, а за нимъ бросается въ Вислу и Ванда. Славянскія дѣвушки сами выбираютъ себѣ по своему сердцу возлюбленныхъ и мужей. Марина сама предлагаетъ Добрынѣ свою руку и сердце.

Будущая жена Дуная сама отправляется въ поле искать себѣ жениха, который былъ бы сильнѣе ея. Добрыню „паленица женщина великая“ схватываетъ „за желты кудри и са-

---

[1]) Кромѣ общей литературы по женскому вопросу, можно указать на: Шашкова: „Историческія судьбы русской женщины“, Забѣлина: „Бытъ русскихъ царицъ“, Михневича: „Русская женщина въ XVIII ст.“, назв. соч. Оровича 2-я ч.) и мн. др.

дитъ его во глубокъ карманъ". И до сихъ поръ въ Малороссіи сохраняются слѣды такого „умыканія, ловли жениха" его невѣстой. Женщина въ древнѣйшей Руси цѣнилась за ея не только физическую, но и духовную красоту. Женихъ искалъ такую себѣ невѣсту, которая была бы не только, „лицомъ красна или станомъ статна, но и умомъ сверстна", была равная мужу, ему „супротивница". Мужъ ожидалъ отъ жены, что съ нею онъ можетъ „думу подумати, слово промолвити, долги вѣки коротати". Онъ требовалъ, чтобы она „умѣла русскую грамоту и четье-пѣтье церковное". Женщина въ глазахъ древнихъ славянъ имѣла вѣщую силу, обладала знаніемъ силъ природы, была волшебницей, могла привораживать и отвораживать въ любовныхъ дѣлахъ, толковать сны, врачевать и проч. Пользуясь и въ брачной жизни полной свободой, древне-славянская женщина питала безграничную привязанность къ любимому мужу, расправлялась рѣшительно и жестоко съ нелюбимымъ, постылымъ. Остатки первоначальной свободы славянской женщины долго сохраняются среди славянъ тогда, когда уже является бракъ посредствомъ похищенія, „умыканія" невѣсты ея женихомъ. Это „умыканіе" долго сохраняло видъ предварительнаго, свободнаго соглашенія, договора между женихомъ и невѣстой. Такъ, по словамъ Нестора, у радимичей, вятичей, сѣверянъ молодые парни сходились съ дѣвушками „на игрища, плясанья" и тутъ умыкали себѣ женъ, съ которою кто сговаривался. На этихъ игрищахъ, остатками которыхъ являются до сихъ поръ въ нашемъ крестьянскомъ быту посидѣлки (у великороссіянъ), „вечерницы" (у малороссовъ), допускались свободныя объясненія въ любви молодыхъ людей. Недаромъ съ введеніемъ христіанства на Руси духовенство такъ сильно возставало противъ такого рода собраній. У нѣкоторыхъ славянскихъ племенъ умыканье сопровождалось грабежомъ и разореніемъ всего семейства невѣсты. Но у полянъ,

по лѣтописи, умыканіе замѣняется миролюбивымъ соглашеніемъ между сторонами. Лѣтописецъ хвалитъ полянъ за миролюбивый характеръ и цѣломудренное отношеніе къ женщинамъ. „Брачные обычаи имяху: не хожаше женихъ по невѣсту, но проводяху вечеръ, а заутра принимаху по ней, что вдадуче“. Значитъ, у полянъ было и приданое („что вдадуче“), что указываетъ на болѣе высшій бытъ ихъ развитія, когда похищеніе замѣняется платой за невѣсту, изъ которой развивается приданое.

Славянская женщина въ первобытное время была представительницей любви и мира. Ея любовь къ дѣтямъ была глубже любви къ нимъ отца. Въ русскихъ сказкахъ обыкновенно спасителями какого-либо несчастнаго, очутившагося въ хижинѣ волшебника или чудовища, являются имъ родныя женщины. По древне-чешскому обычаю преступникъ освобождался отъ наказанія, если обиженный находилъ его около жены, которая обнимала или прикрывала его платьемъ. Древне-русское право честь женщины ставило высоко и за обиды ей назначались денежныя пени, въ нѣсколько разъ превышавшія штрафы за обиду мужчинъ. Замужнія женщины обладали большой самостоятельностью. Кромѣ приданаго, мужъ обезпечиваетъ свою жену извѣстнымъ имуществомъ; она могла имѣть въ своемъ распоряженіи землю, села. Иногда жена прямо являлась главой дома, особенно въ отсутствіе мужа, который пріобрѣталъ значеніе въ семьѣ лишь по своемъ возвращеніи. Жена имѣла право выступать въ судѣ лично или чрезъ своего представителя. Отвѣтчикъ по какому-либо процессу могъ быть высланъ въ судъ лишь въ той мѣстности, гдѣ была его жена. Если предстоялъ судебный поединокъ, она могла выставить за себя особое, нанятое лицо. Но если на обѣихъ сторонахъ были женщины (истецъ и отвѣтчикъ), наемника уже нельзя было выставить ни одной изъ нихъ и судъ рѣшалъ: „жонки съ жонкою присуж-

дати поле“ (т. е., каждой изъ нихъ отстаивать въ поединкѣ свое право). Если умиралъ мужъ, онъ предоставлялъ обыкновенно своей женѣ полную свободу оставаться вдовой или выходить снова замужъ. Древнерусской женщинѣ было выгодно и состояніе во вдовствѣ. Мать вдова, „матерая вдова“ пользуется въ древней Руси всѣми правами самостоятельнаго главы дома. Она полная въ немъ хозяйка и играетъ нерѣдко немалую роль и въ общественной и политической жизни. Жены славянскихъ князей принимаютъ посланниковъ и ведутъ переговоры. Такъ въ договорѣ Игоря съ греками въ числѣ русскихъ пословъ упоминаются и ихъ жены. Образцомъ настоящей „матерой вдовы“ была русская княгиня *Ольга*. Жена Игоря, Ольга прославилась и, какъ хорошая, умная хозяйка своего дома и еще болѣе, какъ умная управительница. Сообразно идеаламъ эпохи, уравнивающимъ женщину съ мужчиной, Ольга прежде всего мститъ древлянамъ за смерть своего мужа: того требовалъ обычай, народное воззрѣніе на обязанность мести, лежащую на каждомъ наслѣдникѣ умершаго. Народное преданіе представляетъ Ольгу мудрою, хитрою: она хитростью приготовила смерть древлянамъ, перехитрила („переклюкала“) также и греческаго царя (Константина), предложившаго ей руку и сердце: она упросила его быть при крещеніи воспріемникомъ, которому уже нельзя было жениться на своей крестницѣ. Отомстивши древлянамъ, Ольга вступаетъ въ управленіе государствомъ, „уставляетъ уставы и уроки“ (дани и оброки), устрояетъ всю землю, охотится въ лѣсахъ и болотахъ. Въ XI—XII в. оставались еще мѣста, гдѣ она дѣлала остановки при охотѣ („ловища и перевѣсища“). Наконецъ, Ольга отправляется въ Царьградъ по торговымъ дѣламъ, принимаетъ тамъ христіанство и дѣятельно содѣйствуетъ его распространенію по своемъ возвращеніи на Русь. Теперь измѣняется постепенно весь строй древнерусской жизни, куда вносятся новыя идеи, неизвѣстныя

здѣсь христіанскія понятія и представленія о задачахъ человѣческой жизни. Христіанство смягчаетъ языческіе нравы и обычаи, которые, однако, долго еще оказываютъ свое вліяніе на общество. Вмѣстѣ съ евангельскимъ ученіемъ учителями греками приносится на Русь греческая культура, а также и *византійскій складъ понятій*, которыя оказались несоотвѣтствующими младенческому состоянію русскаго общества и произвели въ немъ много измѣненій, затормозившихъ надолго его дальнѣйшее развитіе. Русь принимала христіанское ученіе отъ грековъ въ ту пору, когда византійская культура находилась уже въ состояніи упадка, разложенія. Нравственное состояніе византійцевъ было такъ низко, развратъ проникъ во всѣ стороны жизни въ такой степени, что рѣзкое и безпощадное отрицаніе всѣхъ формъ жизни являлось жизненною необходимостью. Для спасенія общества понадобился всесторонній аскетизмъ, полное презрѣніе ко всему житейскому, мірскому, поганому. Во имя этой цѣли отвергалась наука, которая въ Византіи выражалась во всевозможныхъ оттѣнкахъ ересей, безплодныхъ изворотахъ мысли и безконечныхъ словопреніяхъ. Отрицалось искусство со всѣми его формами, отражающими непомѣрное пресыщеніе жизнью, неслыханные, поражающіе умъ и воображеніе, пороки общества. Въ такомъ-то видѣ, совершенно чуждомъ примитивному складу древне-русской жизни, перешли въ нее византійскія культурныя понятія, которыя и не замедлили оказать вліяніе на всѣ стороны жизни. Надолго было отсрочено начало самостоятельнаго развитія науки въ, непочатомъ въ культурномъ отношеніи, первобытномъ русскомъ обществѣ. Была отвергнута народная поэзія, взамѣнъ которой не было дано никакихъ здоровыхъ началъ для облагороживанія народныхъ нравовъ. Византійская женщина прославила себя даже на престолѣ такими дѣяніями, которыя создали въ представленіи ревнителей благочестія образъ грѣховной, злой жены,

существа, полнаго всякаго соблазна для мужчины. Женская красота, природная и увеличенная нарядами, была предметомъ особаго осужденія и преслѣдовалась съ ожесточеніемъ. Эти восточныя представленія о женщинѣ, перенесенныя на Русь изъ *Византіи*, произвели коренной переворотъ въ положеніи русской женщины. Теперь водворяется взглядъ о неравенствѣ женщины съ мужчиной, природа которой ставитъ ее ниже мужчины. Жена должна покорно подчиняться своему мужу, котораго она не можетъ оставить до самой его смерти. Только мужъ господинъ въ домѣ, а жену не „подобаетъ звати *госпожей*“; она должна заниматься хозяйствомъ, быть „домодержицей“ подъ контролемъ мужа. Даже въ церкви женщинѣ постоянно напоминается, что она не равна съ мужчиной: попъ не могъ служить въ ризѣ, въ которую вшитъ женскій платъ. Женщины не ходятъ въ алтарь, стоятъ на лѣвой сторонѣ церкви, причащаются не изъ царскихъ вратъ, какъ мужчины, а изъ боковыхъ. При вѣнчаніи невѣста получаетъ желѣзный перстень, а женихъ золотой. Женой она должна покрыть свои волосы и ходить такъ до своей смерти. Раскрыть волосы („опростоволоситься“) было для женщины большимъ срамомъ. Вдовою женщина должна носить скромныя, траурныя платья; на всю остальную жизнь она печальная сирота. Женщину не спрашиваютъ объ ея согласіи на бракъ, а просто отдаютъ замужъ по родительской волѣ. Иногда совершаются даже браки малолѣтнихъ. Аскетизмъ предписываетъ умерщвленіе плоти, изгоняетъ изъ жизни всѣ удовольствія, особенно же игры, хороводы, женскія пляски. „Пляшущая жена—невѣста сатанина, супруга адова“. Въ монастырѣ не дозволялось имѣть животныхъ женскаго пола, на кладбищахъ запрещено („Стоглавомъ“) погребать покойниковъ обоего пола. Разные литературные сборники обильны всевозможными сравненіями, имѣющими цѣлью указать на женскую злобу. Такъ „Пчела“ на вопросъ: „что есть

злая жена"? отвѣчаетъ цѣлымъ рядомъ выраженій въ родѣ: „душамъ пагуба, хоругвь адова, сатанинъ праздникъ, неумолимая скарпія, неудержимый аспидъ, око діаволово, непозлащенныя уста, вождь, воевода неправдамъ, злообразный скименъ (львенокъ), гостинница пагубная, торжище бѣсовское" и т. под. Указывалось и на другія, нелестныя для женщины, ея свойства, что она „прихирлива, льстива, крадлива, колдунья, еретица, медвѣдица, львица, змія, аспидъ и василискъ". Женщинѣ приписывалось, что она прельщаетъ мужчину „свѣтлымъ лицомъ, высокою выею, очами назирающи, ланитами склабящися, языкомъ поющимъ, гласомъ скверняющимъ, словесы чарующи, ризы повлачающи, ногами играющя". Византійскія воззрѣнія на женщину отразились на народныхъ на нее воззрѣніяхъ, сохранившихся до нашего времени (курица не птица, женщина не человѣкъ, дѣвки не—люди, козы не—скотина, женой и Адамъ изгнанъ изъ рая, женская беззлобность крокодилова слеза, женское сердце что ржа въ желѣзѣ, женское слово, что клей пристанетъ и мн. др.).

На встрѣчу византійскимъ идеямъ, принижающимъ женщину, шли *родовыя, патріархальныя понятія*, появившіяся на Руси уже въ началѣ ея исторической жизни. Славяне жили отдѣльными семьями, развившимися въ роды. Власть главы семьи или родоначальника была такою же всесильною, какъ власть римскаго главы семьи. Славянскій отецъ имѣлъ право жизни и смерти надъ всѣми членами семьи. Благословеніе и проклятіе родителей имѣли роковое значеніе для ихъ дѣтей. У славянъ также существовалъ культъ предковъ. Въ лицѣ домоваго чествовали основателя рода, устроителя домашняго очага. И до сихъ поръ еще сохранилась въ нашемъ крестьянскомъ быту эта вѣра въ домового и его вліяніе на благосостояніе всей семьи. Повсюду также въ употребленіи обычай поминать умершихъ на ихъ могилахъ и въ ихъ домахъ. Глава семьи владѣлъ всѣмъ ея имуществомъ и распо-

ряжался судьбой всѣхъ домочадцевъ. Отдѣльныя, независимыя семьи славянъ были расположены въ странѣ, покрытой непроходимыми болотами и густыми, дремучими лѣсами. Семьи помѣщались въ дворахъ, избахъ; ихъ хозяева постоянно ссорились съ своими сосѣдями. При такой враждѣ семей и родовъ, съ которой начинается русская исторія, браки могли заключаться только съ большими затрудненіями, посредствомъ „умыканья“, которое со временемъ уступило мѣсто покупкѣ невѣсты. Слѣды того и другого способа заключенія брака сохраняются до сихъ поръ въ русскихъ свадебныхъ обычаяхъ у крестьянъ. Братъ невѣсты обыкновенно сторожитъ свою сестру отъ жениха, который долженъ её выкупить. Свадебныя свиты и до сихъ поръ бываютъ многочисленны и держутъ себя воинственно по отношенію другъ къ другу. На свадьбахъ принимается цѣлый рядъ предосторожностей противъ того, чтобы не испортилъ невѣсту кто-либо изъ враговъ ея семьи. Еще болѣе слѣдовъ покупки невѣсты ея женихомъ. Невѣста осматривается, какъ *товаръ* женихомъ („купцомъ“) съ его родными. Если торгъ изъ за продажи приходитъ къ желательному соглашенію, дѣвушку просватываютъ („пропиваютъ“). Невѣста продавалась въ древности ея отцомъ противъ ея воли. Отсюда объясняются жалобы невѣсты на то, что ее повезутъ въ дальнюю сторону, къ чужому роду-племени, среди котораго ей придется жить, „выдаютъ за немилаго“. При постоянныхъ усобицахъ между семьями мужчина иногда не имѣлъ возможности узнать свою невѣсту до свадьбы и, покорный волѣ родителя, женился на женщинѣ, которой *не вѣдалъ*. Отсюда названіе *невѣсты*, которая въ народѣ называется еще *суженой*, а женихъ *суженымъ* въ знакъ того, что на бракъ въ древности смотрѣли, какъ на *судъ божій*, проявленіе воли божества, которое чрезъ родителей соединяло ихъ дѣтей на всю жизнь. Женщина, попадавшая въ чужую семью, какъ жена, встрѣчала

въ ней общее враждебное отношеніе, при которомъ ея жизнь, конечно, была не красна. Тяжелое ея здѣсь положеніе выражается въ свадебныхъ пѣсняхъ, гдѣ всѣ родные мужа обзываются нелестными для нихъ эпитетами. Родители мужа—медвѣдь съ медвѣдицей. Отецъ мужа для нея—лютый свекоръ, мать мужа—лютая свекровь, сестры его—золовки—колотовки, крапива жгучая, братья мужа—„шипича колючая“. Женщина съ выходомъ замужъ подпадала подъ власть мужа, которую онъ пріобрѣталъ надъ нею съ момента брака. Женихъ получалъ отъ отца невѣсты плеть („державу“) и билъ ею новобрачную три раза въ знакъ своей надъ нею власти. Жена должна была въ первый разъ разуть своего мужа. Новобрачные называются княземъ и княгиней въ знакъ того, что они основатели новой семьи или рода. Жена поступаетъ въ собственность мужа, который, подгулявши на веселомъ пиру, „хвастаетъ молодой женой“. Не только ея тѣло, но и ея душа, мысли и чувства во владѣніи мужа, который спѣшитъ оградить его тѣмъ, что удаляетъ жену отъ всякихъ соблазновъ и запираетъ ее въ *теремъ*, куда её влекли, внесенныя византизмомъ въ русскую жизнь, представленія о злой женѣ, мѣшающей благочестивой жизни мужчины. Теремомъ называлась особая пристройка въ дому, на верху или сзади дома, вдали отъ пріемныхъ комнатъ. Здѣсь женщина должна была проводить всю свою жизнь, посвящая свое время заботамъ о дѣтяхъ, хозяйствѣ и благочестію. Теремъ запирался хозяиномъ дома на ключъ, который постоянно хранился у него. Безъ разрѣшенія никто не могъ проникнуть въ теремъ. Затворничество русскихъ женщинъ въ теремахъ было доведено въ XVI в. до того, что мужъ никому не показывалъ свою жену; даже братья и другіе близкіе родственники не могли ее видѣть. Женщины никуда не выходили; даже въ церковь имъ позволялось ходить только въ большіе праздники и во время говѣнья. Если жена желала выйти въ го-

сти, она должна была спросить у мужа позволенія. Лишь особыя, дружелюбныя отношенія хозяина дома къ своимъ гостямъ иногда растворяли двери терема, изъ котораго выходила показаться имъ хозяйка дома—затворница. Хозяйка при этомъ кланялась гостямъ „малымъ обычаемъ", до пояса, а гости отвѣчали ей „большимъ обычаемъ", поклономъ въ землю. Взаимныя привѣтствія хозяйки и гостей сопровождались еще рядомъ другихъ обычаевъ, напоминающихъ утомительныя церемоніи китайскаго этикета. Дочери-дѣвицы никогда не выходили при чужихъ людяхъ и не показывались никогда мужчинамъ. Особенна строга была теремная жизнь женщинъ въ высшемъ классѣ русскаго общества, у знатныхъ бояръ и въ царской семьѣ. Котошихинъ описываетъ, какую печальную жизнь проводили въ терему русскія царевны, которыя, „какъ пустынницы видятъ мало людей, но всегда въ молитвѣ и постѣ пребываютъ и лица свои слезами умываютъ; замужъ за русскихъ князей и бояръ ихъ не выдаютъ, потому что они холопы и выходить за нихъ царевнѣ замужъ вѣчный для нея позоръ. За иностранныхъ же королевичей царевнъ также не выдаютъ за разницей вѣры, языка и обычаевъ". Отчужденіе ихъ отъ всего міра доходило до того, что даже врачъ не могъ видѣть лица больной царевны и долженъ былъ ощупывать пульсъ у нея чрезъ тонкую матерію. При замкнутой жизни въ терему женщинѣ оставалось, кромѣ обычныхъ, житейскихъ заботъ о дѣтяхъ и хозяйствѣ, думать лишь объ *идеалахъ иноческой жизни*, рекомендуемыхъ усиленно византизмомъ въ качествѣ единственныхъ правилъ поведенія для всѣхъ людей-христіанъ. И на самомъ дѣлѣ съ XI в. „иноческій образъ" становится высшею цѣлью жизни не только для княгинь, княженъ, но и для всѣхъ остальныхъ женщинъ наравнѣ съ князьями. Являются княгини-инокини, какъ на югѣ (Анна и Евпраксія Всеволодовны, сестры Владиміра Мономаха др.), такъ и на сѣверѣ Россіи (Марья, супруга суздальскаго князя Всеволо-

да Юрьевича и др.). Особенно стремились къ иноческой жизни вдовы, положеніе которыхъ въ древне русской, патріархальной семьѣ было самое тяжелое.

Согласно съ монашескимъ идеаломъ для жизни женщины въ терему, вся она была устроена, какъ въ монастыряхъ. Въ *Домостроѣ* попа Сильвестра, составленіе котораго относится къ половинѣ XVI в., въ нѣсколькихъ отдѣлахъ (пяти) собраны правила всей домашней жизни. Вся она—безпрерывная молитва при всякомъ дѣлѣ, непрестанный подвигъ смиренія, молчанія и отказа отъ всѣхъ удовольствій, веселья, обычныхъ въ грѣховномъ міру. Жена по Домострою—только распорядительница по хозяйству и во всемъ должна отдавать отчетъ мужу, который „долженъ умѣть наказать её съ разсужденіемъ“. Мужъ постоянно поучаетъ жену, какъ и что ей говорить и дѣлать, дома и внѣ его, а „жена должна во всемъ ему покорятися и *со страхомъ* внимати“. Для внушенія ей страха Домострой позволяетъ мужу при случаѣ „постегать жену вѣжливенько и плетью, но наединѣ, а не предъ людьми, и поучивъ примолвити и пожаловати“ жену. Это право мужа наказывать свою жену было вполнѣ неограниченнымъ и вошло на столько въ обычай на Руси, что большіе его остатки и до сихъ поръ сохраняются въ средѣ русскаго крестьянскаго населенія и, отчасти, въ мѣщанскомъ и купеческомъ сословіи. Въ народныхъ пословицахъ мужу вмѣняется даже бить жену и держать ее въ безусловномъ подчиненіи (бей шубу—будетъ теплѣе, а жену—будетъ умнѣе, жена безъ грозы хуже козы, жена безъ мужа всего хуже, жена мужемъ красна, жена мужу пластырь, мужъ женѣ пастырь, мужъ глава, а жена душа и мн. др).

Теремная жизнь русской женщины, оторванной отъ общества и обреченной на вѣчный затворъ въ терему и дѣятельность по Домострою, подѣйствовала чрезвычайно вредно на русскую женщину, повела за собою полный застой въ ея

умственной жизни, вызвала безпросвѣтное ея невѣжество и неизмѣримое суевѣріе рядомъ съ исключительнымъ развитіемъ однѣхъ особенностей ея пола и вообще физическихъ потребностей. Котошихинъ характеризуетъ такъ московскихъ женщинъ (XVI—XVIIв.): „московскаго государства женскій полъ грамотѣ не ученые, и необычай тому есть, а природнымъ разумомъ простоваты и на отвѣты не смышлены и стыдливы". Котошихинъ объясняетъ отсутствіе у нихъ „разума и смѣлости" тѣмъ, что до замужества дѣвушки живутъ у отца „въ тайныхъ покояхъ" и никого не видятъ; да и послѣ замужества видятъ людей мало. Какъ вообще въ патріархальномъ быту, чадородіе считалось первымъ достоинствомъ жены; ея безплодіе—божескимъ наказаніемъ. Неплодные супруги давали обѣты, ѣздили по святымъ мѣстамъ, кормили нищихъ, прибѣгали къ ворожбѣ. Мужъ ненавидѣлъ безплодную жену, билъ и разводился съ нею и заключалъ ее въ монастырь. Особенно такіе разводы и насильственныя постриженія были въ обычаѣ среди царскаго семейства, гдѣ они сохранились почти до Петра I. И до сихъ поръ въ средѣ простаго народа женщина имѣетъ значеніе, какъ только мать и работница. Въ среднихъ и особенно высшихъ кругахъ допетровскаго общества женщина была тупымъ, забитымъ, раболѣпнымъ предъ мужемъ и обыкновенно тунеяднымъ существомъ, скоро старѣвшимъ отъ праздной и сытой жизни. Жена даже не обижалась, если её билъ мужъ, который доказывалъ этимъ свою къ ней любовь. Мужъ могъ распорядиться жизнью жены, которая почему-либо ему надоѣла, что сплошь и рядомъ встрѣчается до сихъ поръ въ крестьянскомъ быту, гдѣ мужъ нерѣдко загоняетъ въ гробъ жену жестокими истязаніями при полномъ равнодушіи, а иногда даже поощреніи своихъ сосѣдей—мужчинъ. Вся жизнь несчастной женщины въ низшихъ и среднихъ слояхъ русскаго общества съ незапамятныхъ временъ была и нерѣдко остается и теперь сплошнымъ

рядомъ всякихъ лишеній, мученій, истязаній, настоящимъ адомъ. Мужъ при малѣйшемъ сопротивленіи его волѣ „училъ“ жену плетью (дуракомъ), палками; стращалъ подозрѣваемую въ невѣрности жену адскими наказаніями, болѣе утонченными для женщинъ, нежели для мужчинъ. При такихъ условіяхъ семейной жизни бракъ былъ не высшимъ, нравственнымъ союзомъ, двухъ любящихъ другъ друга существъ, — мужчины и женщины, а лишь союзомъ господина съ рабой, которая боится и въ тоже время ненавидитъ своего мужа-деспота. Всѣ отношенія супруговъ были построены поэтому на недовѣріи, враждѣ другъ къ другу, лицемѣрномъ подчиненіи мужу со стороны жены, которая при первомъ же удобномъ случаѣ не задумывалась измѣнить своему законному супругу, повредить ему клеветой, доносомъ, волшебствомъ и чародѣйствомъ. Въ русскомъ обществѣ до Петра I царствовалъ страшный развратъ, который охватывалъ всѣ классы, не исключая духовенства и монашества, и наложилъ на цѣлые вѣка отпечатокъ на всѣ стороны общественной жизни (языкъ, нравы, воззрѣнія). Рабское, приниженное положеніе женщины въ обществѣ, состоявшемъ почти изъ однихъ мужчинъ, вызвало среди нихъ крайнюю грубость понятій и нравовъ. Во всѣхъ классахъ общества самыми любимыми удовольствіями были: страшное пьянство, травля дикихъ звѣрей, кулачные бои, кривлянья шутовъ и скомороховъ. Русское общество до Петра I не знало рыцарства съ его благороднымъ поклоненіемъ женщинѣ и взглядомъ на нее, какъ высшее, идеальное существо. Въ жизни общества господствовали одни матеріальные, чувственные интересы. Поэтому въ женщинѣ цѣнилась только одна физическая красота. На вкусъ нашихъ предковъ не трудно было угодить. Нужно было женщинѣ имѣть круглое и бѣлое лицо съ красными щеками, большія ноги и особенно солидную толщину, дородность. И теперь еще такой типъ женской красоты пользуется большой популярностью въ кресть-

янскомъ быту и особенно въ купечествѣ. Недостатокъ въ лицѣ румянца и бѣлизны вознаграждался искусственными румянами и бѣлилами, которыя были прежде вездѣ и остаются въ большомъ употребленіи и теперь во многихъ семействахъ не одного лишь крестьянскаго происхожденія. Съ такимъ типомъ женской красоты гармонировала и вся женская одежда русской женщины, которая одѣвалась въ пестрые и яркіе цвѣта и носила длинное до пятъ, просторное, безъ всякой таліи, платье. Такъ какъ для брака не требовалось согласія невѣсты, то браки въ допетровскомъ обществѣ и долго и послѣ Петра, нерѣдко и въ настоящее время устраивались *свахами*, при чемъ случалось, что вмѣсто одной дочери выдавали другую, которую родители потеряли надежду сбыть съ своихъ рукъ. Такъ женщина обращалась въ *вещь*, которою распоряжались произвольно сначала отецъ, а потомъ мужъ. Нерѣдко въ XVII стол. мужья закладывали женъ товарищамъ и даже продавали ихъ. Бывали случали, что выдавались замужъ за малолѣтнихъ взрослыя дѣвушки, которыя должны были до совершеннолѣтія своего мужа подчиняться грубому, необузданному произволу его отца. Не спрашивая о согласіи невѣсты, устраивалъ браки въ допетровскомъ обществѣ всякій домовладыка даже среди своихъ прислугъ. Великіе князья, цари выдавали замужъ придворныхъ дѣвицъ; тоже дѣлали вельможи и до отмѣны крѣпостнаго права всѣ русскіе помѣщики. Иногда само правительство устраивало гуртомъ браки „дѣвокъ и жонокъ“ въ видахъ умноженія народонаселенія. Такъ сложилась старинная пѣсня, гдѣ говорилось, что браки заключаются „по божьему велѣнію, по царскому уложенью, по господскому приказу, по мірскому приговору“. При всемъ деморализирующемъ вліяніи на положеніе женщины въ допетровской Руси патріархальныхъ и византійскихъ идей встрѣчались среди русскихъ женщинъ такія личности, которыя своимъ независимымъ и твердымъ, непреклоннымъ

характеромъ и энергичной защитой своихъ правъ напоминали давно минувшія, примитивныя времена процвѣтанія свободы женщины. Таковы были: знаменитая новгородская посадница, *Марѳа Борецкая*, долго и крѣпко державшая въ своихъ рукахъ власть въ Новгородѣ, *боярыня Морозова*, воплотившая въ своей жизни византійскій идеалъ инокини-постницы. При постоянной поддержкѣ извѣстнаго протопопа *Аввакума*,—представителя церковной обрядовой старины, отстаивавшаго упорно ее отъ новшествъ никоніанцевъ—Морозова стойко держалась своихъ вѣрованій и обычаевъ, освященныхъ вѣками. Ничто и никто не могли склонить ее измѣнить вѣрѣ предковъ, за которую она вытерпѣла всевозможныя бѣдствія отъ окружающихъ, не устрашилась царскаго гнѣва и до конца своей многострадальной жизни и мученической кончины не измѣнила своимъ убѣжденіямъ. Другой типъ такой же женщины, воспитавшейся въ тѣхъ же патріархальныхъ, византійскихъ понятіяхъ, представляетъ собою дочь царя Алексѣя Михайловича и сестра Петра I, *царевна Софья*. Воспользовавшись болѣзнью одного брата (Іоанна) и малолѣтствомъ другого (Петра), Софья занимаетъ самовольно русскій престолъ по примѣру, извѣстной изъ исторіи Византіи, благочестивой царевны Пульхеріи, правившей съ успѣхомъ государствомъ въ малолѣтство брата (Ѳеодосія). Софья постепенно выступаетъ изъ терема на волю, искусно устраиваетъ признаніе ея правительницей и задумываетъ и совсѣмъ сдѣлаться русской царицей, устранить съ своего пути брата Петра. Извѣстны событія, разрушившія честолюбивые замыслы Софьи, которая должна была, по настоянію Петра, отказаться отъ міра и уйти въ монастырь. Софья жила на рубежѣ стараго, допетровскаго и новаго періода (послѣ Петра I) въ исторіи женщины и всего русскаго общества, которое теперь вступило на новый путь реформы какъ въ положеніи женщины, такъ и всего состоянія своей культуры.

Къ концу XVII в. теремная жизнь русской женщины дошла до крайняго своего развитія. Начинаются попытки къ освобожденію изъ подъ опеки терема въ средѣ самихъ женщинъ, которымъ помогъ въ этомъ случаѣ Петръ Великій своей реформой всего патріархально-монастырскаго склада семейной жизни. Петръ вывелъ женщину изъ терема, охраняя самъ бережно первые, робкіе ея шаги въ общественной жизни. Дѣло эмансипаціи женщины началось съ устройства среди бояръ *ассамблей*, на которыхъ она явилась не какъ случайная гостья терема по милости ея мужа, а какъ свободный, самостоятельный членъ общественнаго собранія, какъ дама, царица бала, къ которой всѣ мужчины должны относиться съ уваженіемъ, выслушивая почтительно ея приказанія. Прежнее, азіатское, длинное платье оказалось теперь неудобнымъ для новыхъ, европейскихъ танцевъ, гдѣ требовалось отъ женщины умѣнье выказать всю свою грацію и изящество. Европейскій покрой платья и свободное обращеніе съ женщиной, а еще болѣе примѣръ самого Петра, посѣщавшаго часто ассамблеи, заставили русскую женщину забыть всѣ тяжести, а подчасъ и ужасы теремной жизни. Она привыкаетъ къ новому образу жизни въ обществѣ мужчинъ, которые и сами начинаютъ измѣняться къ лучшему подъ благодѣтельнымъ вліяніемъ новыхъ идей и постояннаго присутствія въ ихъ средѣ женщины. Исчезаютъ неуклюжія манеры, облагораживаются нравы, прекращаются грубыя потѣхи мужчинъ, которые теперь учатъ „Приклады, какъ говорить комплименты“ своимъ дамамъ. Но реформа Петра I не ограничилась устройствомъ ассамблей; онъ передѣлываетъ по европейскому образцу и отношенія мужа къ женѣ въ семьѣ, устанавливаетъ свободу соглашенія жениха и невѣсты на ихъ бракъ, которая сильно стѣснялась рядною записью. Вмѣсто нея былъ введенъ обычай обрученья желающихъ вступить въ бракъ за долгій до него срокъ, въ теченіе котораго кто-либо изъ нихъ

могъ и отказаться отъ брака. Родителямъ запрещено принуждать къ браку не только своихъ дѣтей, но даже и рабовъ. Не разъ бывало, что Петръ, замѣтивши въ комъ-либо изъ своихъ приближенныхъ людей склонность къ дочери того или другого боярина, самъ являлся сватомъ и устраивалъ шумную свадьбу при видѣ взаимной симпатіи съ обѣихъ сторонъ. Петръ уничтожилъ также запрещеніе браковъ русскихъ съ иновѣрцами, которые до него считались преступными. Облегченъ былъ разводъ при „дурномъ супружествѣ". Наконецъ было измѣнено къ лучшему положеніе женщинъ-преступницъ. Расширеніе гражданскихъ правъ женщинъ продолжается и послѣ Петра I, при его преемникахъ, особенно — женщинахъ. Такъ Екатерина II установила нѣсколько мѣръ, имѣющихъ своей цѣлью болѣе гуманное обращеніе съ женщинами-преступницами. Закрѣплено за русскими женщинами исконное ихъ право на владѣніе своимъ имуществомъ помимо воли мужей и сдѣланы были различныя измѣненія въ пользу расширенія правъ женщины въ области наслѣдственнаго права. Вліяніе всѣхъ этихъ реформъ Петра I и его преемниковъ въ положеніи женщины не замедлило сказаться въ измѣнившихся на нее взглядахъ и роли женщины въ обществѣ. *Посошковъ* даетъ совѣтъ своему сыну „не дѣлать ничего безъ вѣдома жены, которая дана для помощи мужу, а не для порабощенія и услуги". Другой, извѣстный писатель XVIII в., историкъ *Татищевъ* называетъ жену товарищемъ и помощницей мужу и предостерегаетъ своего сына, чтобы онъ не попалъ подъ власть жены. Значитъ, такъ далеко пошла эмансипація женщины въ это время, что явились опасенія за самостоятельность мужчины! На самомъ дѣлѣ первые шаги женщины на совершенно новомъ для нея пути часто кружили ей голову и сбивали ее съ толку, особенно благодаря воспитанію, получаемому русскими дѣвушками высшаго класса въ XVIII в. и всей послѣдующей ихъ семейной и общественной жизни.

Воспитаніе дѣвушекъ въ высшихъ слояхъ русскаго общества въ XVIII в. представляетъ собою какое-то смѣшеніе старинныхъ началъ русскаго патріархальнаго быта и новыхъ, преимущественно французскихъ идей и обычаевъ. Попрежнему супруги смущены, если у нихъ нѣтъ дѣтей, ѣздятъ на богомолье по монастырямъ и радуются чрезмѣрно, если у нихъ рождаются мальчики, а не дѣвочки. Какъ было и ранѣе, главное вниманіе родителей и воспитателей было обращено на то, чтобы дѣти ѣли, какъ можно больше и слаще. Думали, что „стоитъ только хорошо кормить дѣтей и все пойдетъ отлично“ (Новиковъ). Руководство надъ ними вручалось по завѣту старины кормилицамъ и нянькамъ, внушавшимъ ребенку любовь къ народной поэзіи и самому народу, но также и дѣлавшимъ ихъ суевѣрными. Часто случалось, что няня была гораздо ласковѣе, ближе къ дѣтямъ, нежели ихъ родная мать, забывавшая о дѣтяхъ въ шумномъ вихрѣ свѣтскихъ развлеченій. Няня защищала своихъ питомцевъ отъ капризовъ ихъ легкомысленныхъ матерей, иногда обращавшихся жестоко съ ними. Но встрѣчались и среди свѣтскихъ женщинъ любвеобильныя матери, какъ и чадолюбивые отцы, какъ, напр., самъ Петръ I, нѣжно любившій своихъ дочерей. Самое воспитаніе велось въ духѣ отчасти старыхъ, московскихъ взглядовъ на женщину, но еще болѣе сообразно новымъ, европейскимъ идеямъ. Западно-европейская культура дала намъ сначала одни внѣшніе образцы въ одеждѣ и образѣ жизни. На внѣшность же было направлено все воспитаніе и образованіе молодыхъ дѣвушекъ. Элегантныя манеры, французскій и другіе иностранные языки, танцы, музыка, пѣніе, искусство одѣваться—таковы были элементы воспитанія русской дѣвушки высшаго круга. Ея духовныя силы—умъ, сердце, воля—оставались незатронутыми, да онѣ и не были особенно нужны въ обществѣ, пропитанномъ понятіями и нравами французскаго высшаго общества. Его обычаи и образъ жизни

со всей его утонченностью вкусовъ и развитою чувственностью, скрывавшеюся подъ изящными манерами кавалеровъ и дамъ, были перенесены въ жизнь высшаго русскаго общества и дали здѣсь свои плоды. Совершенное отсутствіе въ Россіи образованныхъ учителей заставляло поневолѣ родителей ввѣрять образованіе своихъ дѣтей какому-либо иностранцу, чаще всего французу: до времени Екатерины II у насъ совсѣмъ не было школьнаго женскаго образованія, а было одно только домашнее. Екатерина первая попыталась создать „новую породу людей“ и съ этою цѣлью было открыто „Общество благородныхъ дѣвицъ“ (1763 г.), позднѣе знаменитый Смольный монастырь. Отсюда стали выходить дѣвушки, знакомыя съ языками, пѣніемъ, танцами, съ изящными манерами, но обыкновенно съ самыми элементарными научными свѣдѣніями. Съ такимъ небольшимъ ихъ запасомъ, но за то съ полной готовностью начать свою жизнь въ духѣ господствовавшихъ въ обществѣ нравовъ вступала въ него дѣвушка—нѣжная, роскошно одѣтая куколка, искренне наивное, сантиментальное, тщеславное и уже избалованное всеобщими похвалами созданіе. Всѣ ея желанія теперь сосредоточиваются на томъ, чтобы составить себѣ приличную партію въ большомъ свѣтѣ. Среди легкомысленныхъ русскихъ дѣвицъ XVIII стол. были и такія серьозныя, получавшія солидное европейское образованіе, какъ извѣстная княгиня *Дашкова*, усердная помощница Екатерины II въ ея образовательныхъ планахъ. Встрѣчались дѣвицы, вполнѣ освободившіяся отъ мужскаго вліянія и перенявшія отъ мужчинъ ихъ вкусы, привычки и даже костюмъ. Но за этими рѣдкими исключеніями, не всегда полезными для самихъ женщинъ, большинство русскихъ дѣвушекъ въ высшемъ обществѣ XVIII в. были пустыми, легкомысленными существами, неимѣющими никакого представленія о жизни и мечтающими лишь о любви. При недостаткѣ всякихъ серьезныхъ интересовъ въ жизни женщины этого

времени *любовь* являлась главнымъ и исключительнымъ ея идеаломъ. Она обыкновенно не заставляла себя долго ждать; окруженная кавалерами, разсыпавшимися предъ дѣвушкой въ изысканныхъ, но не всегда искреннихъ комплиментахъ, дѣвушка чувствовала себя въ полномъ упоеніи, изъ котораго её выводила лишь необходимость дать отвѣтъ одному изъ молодыхъ людей, просившихъ ея руки и сердца. Не всегда браки такъ легко устраивались въ то время. Иногда родители, вспоминая старину, заставляли свою дочь избрать въ мужья кого либо изъ понравившихся имъ молодыхъ людей. Бывало иногда, что, встрѣтивши со стороны родителей рѣшительный отпоръ своимъ желаніямъ, женихъ похищалъ изъ ихъ дома невѣсту, которая была въ восторгѣ отъ такого геройскаго подвига своего возлюбленнаго. Такой его поступокъ былъ совершенно въ духѣ царившаго тогда сантиментализма, который возвышалъ женщину въ глазахъ мужчины и ея собственныхъ, создавалъ къ ней уваженіе и помогалъ развитію ея сердца, благородныхъ чувствъ, такъ необходимыхъ въ предстоящей семейной жизни. Обыкновенно всѣ „дѣвическія грезы о раѣ съ милымъ въ шалашѣ“ разбивались при первомъ-же прикосновеніи ихъ съ грубой прозой *семейной жизни*, гдѣ молодой женѣ приходилось забыть ловкихъ и изящныхъ „петиметровъ“—бывшихъ ея кавалеровъ—и посвятить свое время дѣтской и скучнымъ хозяйственнымъ заботамъ. Особенно было тяжело нерѣдкое разочарованіе въ предметѣ своего прежняго увлеченія, который оказывался самымъ обыкновеннымъ существомъ съ грубыми и низменными вкусами, тщательно скрываемыми ранѣе подъ лоскомъ свѣтскаго обращенія съ дамами. Теперь мужъ уже не находилъ нужнымъ стѣсняться съ своей женой, такъ что нерѣдко наступалъ въ семьѣ полный разладъ. Жизнь жены была отравлена мелкими придирками, капризами самодура-мужа, иногда прибѣгавшаго къ такимъ жестокимъ пріемамъ въ обращеніи съ женой, которые напо-

минали собою порядки семейной жизни въ старо-московскомъ обществѣ. Гнѣвъ мужа на жену былъ во многихъ случаяхъ основателенъ, если-бы только онъ не выражался въ такихъ грубыхъ формахъ. Неподготовленная къ семейной жизни, женщина XVIII в. обыкновенно оказывалась плохой матерью своимъ дѣтямъ и еще болѣе невѣжественной хозяйкой, которую обманывали всѣ и каждый на каждомъ шагу. Между браками XVIII стол. попадались удачные и даже такіе счастливые, какъ бракъ княгини Натальи Долгорукой, которая раздѣлила съ своимъ несчастнымъ мужемъ, княземъ Иваномъ Алексѣевичемъ, близкимъ къ Петру II, его опалу и ссылку. Нѣкоторыя женщины мирились съ своей тяжелой долей, не смотря на жестокое обращеніе съ ними мужей и ихъ измѣны. Другія подпадали подъ вліяніе окружающей обстановки, превращались въ людей, живущихъ жалкими, ничтожными интересами и сплетнями. Были среди женъ въ высшемъ русскомъ обществѣ и такія, которыя не уступали своимъ мужьямъ въ привычкахъ къ легкомысленной и порочной жизни, нравственной распущенности, характеризующей жизнь высшаго класса въ XVIII в. Свѣтскія барыни не хотѣли въ такихъ случаяхъ отставать отъ требованій своего времени, когда измѣна мужу считалась признакомъ хорошаго тона, утонченнаго вкуса и высокой культурности. Обыкновенно такіе, несжившіеся другъ съ другомъ, супруги расходились, и каждый изъ нихъ чувствовалъ себя свободнымъ отъ семейныхъ обязанностей, предавался своимъ страстямъ безъ всякаго стѣсненія. Недаромъ князь *Щербатовъ*, неодобрявшій вообще, произведенныя Петромъ I, перемѣны въ положеніи русскихъ женщинъ, негодовалъ на то, что исчезла искренняя любовь между супругами, они хладнокровно сносятъ взаимныя измѣны, а нѣкоторые расторгаютъ бракъ „и не токмо стыдятся, но паче яко хвалятся своимъ поступкомъ“. На самомъ дѣлѣ такое „поврежденіе нравовъ“, на которое

жалуется Щербатовъ, было естественной реакціей противъ вѣковаго патріархальнаго, семейнаго режима. Рѣзкій переходъ отъ замкнутой, теремной жизни къ свободной, общественной засталъ русскую женщину совсѣмъ къ ней неподготовленной. Она еще не успѣла запастись умственными и нравственными силами, которыя могли-бы обезпечить ей извѣстную самостоятельность, необходимую стойкость среди окружающихъ ее всякихъ соблазновъ общественной жизни.

Сближеніе русскаго общества съ Западной Европой, вызвавшее собою широкое движеніе во всей области народной жизни, не осталось безъ вліянія на *образованіе* женщины и положило начало и ея общественной дѣятельности. Положимъ, въ теченіе всего вѣка русская женщина даже высшихъ классовъ общества, не говоря о среднихъ или низшихъ, была также невѣжественна, какъ и московская ея предшественница. Весь лоскъ блестящей, свѣтской обстановки не могъ скрыть бѣдности умственной жизни, полнаго невѣжества въ такой по внѣшнему виду культурной, европейской женщинѣ, какою была русская женщина въ высшемъ русскомъ обществѣ. Взгляды Простаковой на то, что образованіе излишне такимъ людямъ съ положеніемъ и средствами, какъ всѣ дворяне, процвѣтали въ средѣ общества. Но въ, заведенныхъ по образцу Смольнаго института, женскихъ учебныхъ заведеніяхъ женщины могли, по крайней мѣрѣ, получать элементарныя научныя свѣдѣнія. Тогда-то было положено основаніе особой наукѣ, преподаваемой лишь дѣвушкамъ по сокращенной программѣ: изъ нея тщательно выбрасывалось все, что могло затруднить нѣжныя и слабыя созданія и особенно затронуть ея скромность и стыдливость. Такъ образовался типъ институтки—хрупкаго, сантиментальнаго и наивнаго созданія, продолжавшій развиваться и въ XIX в. подъ вліяніемъ сантиментальнаго и романтическаго направленія въ русской литературѣ и жизни. Крайностей того и другого изъ нихъ

была совершенно чужда знаменитая женщина XIX в.—Императрица *Екатерина II.* Русская исторія знаетъ, что женщины были на русскомъ престолѣ еще въ первой половинѣ XVIII в.: Екатерина I, Анна Леопольдовна, Анна Ивановна и Елизавета Петровна. Уже одинъ этотъ фактъ, неслыханный до Петра I, показываетъ, что въ исторіи женщины съ его времени совершается коренной поворотъ въ сторону признанія ея способности даже къ такому высокому общественному дѣлу, какъ управленіе государствомъ. Ни одна изъ сейчасъ названныхъ русскихъ императрицъ не могла сравняться съ Екатериной II по высотѣ умственнаго развитія и геніальнымъ способностямъ къ управленію государствомъ. Что сдѣлала Екатерина II для русскаго народа, это, я увѣренъ, хорошо извѣстно каждому читателю: не такъ давно праздновался столѣтній юбилей со дня ея смерти и въ цѣломъ рядѣ празднествъ, совершенныхъ въ этотъ день, были возобновлены въ сознаніи общества безсмертныя заслуги Великой Екатерины дѣлу просвѣщенія русскаго народа и упроченію самостоятельнаго положенія женщины въ его средѣ, куда вывелъ ее изъ терема Петръ Великій. Не измѣнилъ онъ только исконнаго типа *женщины-помѣщицы*, образцами которой была богата московская Русь. Не оскудѣла ими и Россія XVIII вѣка. Помѣщичій бытъ развился съ своими характерными особенностями въ XVIII в. вполнѣ, а вмѣстѣ съ нимъ и хозяйственныя наклонности помѣщицъ, поощряемыя ранѣе щедро „Домостроемъ“, а теперь ставшія необходимымъ источникомъ и условіемъ развитія помѣщичьяго благосостоянія. Русскія царицы и царевны (Прасковья Ѳеодоровна съ дочерьми) и императрицы—Анна Ивановна и Елизавета Петровна были настоящими русскими помѣщицами, которыя распоряжались своими крестьянами съ простотой старинныхъ, патріархальныхъ порядковъ. Такими же хозяйками-помѣщицами маленькаго хозяйства чувствовали и вели

себя и объ Екатерины — императрицы. Но и въ обыкновенной жизни типъ попечительной и заботливой, энергичной, а иногда и гуманной хозяйки-помѣщицы былъ распространеннымъ въ XVIII в. Такими помѣщицами были, напр., княгиня Дашкова и графиня Румянцева. Помѣщицѣ много было хлопотъ въ ея хозяйствѣ: она собирала запасы, распоряжалась дворней, обыкновенно женской ея половиной, наблюдала за обычнымъ продовольствіемъ и устройствомъ стола въ торжественныхъ случаяхъ. Въ числѣ русскихъ помѣщицъ встрѣчаются барыни въ родѣ знаменитой Салтычихи, жестоко мучившей и издѣвавшейся надъ своими крѣпостными крестьянами. Но за то были и такія, которыя обращались съ ними не хуже отца родного. Не такъ было богато русское общество XVIII в. учеными и *писательницами* женщинами, которыхъ почти не было и не могло быть много въ московской Руси, благодаря затворнической жизни женщины и ея патріархальному міровоззрѣнію. Тогда лишь Ксенія Годунова отличалась жаждой къ просвѣщенію, да еще царевна Софья, жившая на порогѣ XVIII вѣка и интересовавшаяся книгами въ то время, какъ ея сестра, Наталья Алексѣевна любила устраивать во дворцѣ спектакли. Въ XVIII ст. при недостаточности всякаго серьезнаго образованія и воспитанія дѣвушки въ духѣ требованій свѣтскаго общества трудно было ожидать, чтобы женщина посвятила себя спеціально научному или литературному труду, который въ то время удостоивался одного лишь снисхожденія и рѣдко настоящаго признанія даже по отношенію къ мужчинамъ. Во главѣ русскихъ женщинъ-писательницъ въ XVIII в. стоитъ все таже Екатерина Великая, вѣрная послѣдовательница своего великаго предка во всѣхъ его реформаторскихъ планахъ. Она сама трудилась много, хотя и не всегда самостоятельно, надъ литературными произведеніями, покровительствовала и современнымъ ей, знаменитымъ писателямъ и поэтамъ, видѣвшимъ въ ней мудрую

„Фелицу“ и „музу“. Такими-же „музами“ были въ XVIII в. многія знатныя женщины, изъ которыхъ княгиня *Дашкова* была еще и самостоятельной первой дѣятельницей въ области науки. Достаточно замѣтить для оцѣнки всего важнаго значенія этого факта въ исторіи русской женщины, что Дашкова управляла со славой русской академіей наукъ, президентомъ которой она была назначена, сама способствовала много основанію россійской академіи и ея дальнѣйшему процвѣтанію.

Въ обществѣ, гдѣ духовный трудъ вообще не пользовался высокимъ значеніемъ, и дѣятельность женщины въ области сценическаго воспроизведенія литературныхъ типовъ не могла встрѣтить одобренія. *Женщина-артистка* была терпима въ русскомъ обществѣ XVIII в. скорѣе, какъ забава, нежели истинная труженица въ области искусства. Салону великосвѣтской женщины былъ болѣе приличенъ балетъ, въ которомъ можно было-бы участвовать и показать всю свою грацію хозяйкѣ и ея гостямъ. На самомъ дѣлѣ балетъ былъ любимымъ развлеченіемъ праздныхъ любителей часто изъ среды самого-же высшаго общества. Балетное искусство процвѣтало также на помѣщичьихъ театрахъ, гдѣ жрицами Терпсихоры были крѣпостныя дѣвушки помѣщика, иногда поотечески расправляющагося съ неугодившими ему, неумѣлыми артистками. Были, впрочемъ, въ это время и настоящія профессіональныя артистки, выступавшія на придворныхъ театрахъ и пріобрѣтавшія своею дѣятельностью деньги, славу и всеобщее уваженіе (сестры Семеновы, Каратыгина и др.), но не всегда только избѣгавшія преслѣдованій со стороны театральнаго начальства или знатныхъ покровителей (Лиза Сандунова).

Наша галлерея типовъ русскихъ женщинъ въ XVIII в. была-бы неполна, если-бы мы забыли охарактеризовать типъ женщины *благотворительницы* и *отшельницы*. Въ московской Руси и та и другая занимаютъ главное мѣсто въ об-

ществѣ. Благотворительность была обязанностью женщины, внушаемой ей „Домостроемъ“, и она находила въ милосердіи къ несчастнымъ и щедрой имъ помощи нравственное удовлетвореніе за тяготу, муку затворничества, на которую обрекалъ ее теремъ. Изъ него былъ для женщины выходъ— только въ монастырь, гдѣ скрывались обездоленныя дѣвицы, одинокія вдовы и куда также заключали своихъ постылыхъ женъ жестокіе ихъ мужья. Въ XVIII в. женщина высшаго общества попрежнему занимается филантропіей, но эти ея занятія начинаютъ уже систематизироваться, становиться изъ частнаго дѣла личности, обладающей добрымъ, отзывчивымъ сердцемъ, общеполезнымъ учрежденіемъ. Молодой свѣтской женщинѣ было некогда думать о благотворительности, остававшейся на долю пожилыхъ барынь. Императрицѣ Екатеринѣ II принадлежитъ великая заслуга организаціи общественной благотворительности въ Россіи. Ея дѣтище—воспитательный домъ далъ пріютъ тысячамъ несчастныхъ младенцевъ, судьба которыхъ иначе была поставлена въ зависимость отъ милости случайныхъ благодѣтелей. Не менѣе Екатерины Великой благотворительной дѣятельностью прославилась другая русская Императрица, Марія Ѳеодоровна, которая появляется на рубежѣ XIX в., въ немъ живетъ долго и посвящаетъ всю свою жизнь дѣламъ милосердія, заслуживая удивленіе современниковъ и благодарность признательнаго потомства. На сколько велика и благотворна была дѣятельность Маріи Ѳеодоровны, на это указываетъ, между прочимъ, цѣлая, основанная ею, система женскаго образованія, извѣстная подъ именемъ „Учрежденій Императрицы Маріи и сиротскихъ домовъ“. Послѣднее мѣсто въ ряду русскихъ женщинъ занимаетъ *отшельница*, которая поступаетъ въ монастырь теперь не насильно или вслѣдствіе безвыходнаго своего положенія, а чаще по призванію. Впрочемъ, теперь женщину уже не тянетъ въ монастырь: ей съ новымъ поворотомъ въ жизни русскаго об-

щества, собственной судьбѣ ея открылись новые пути и широкія перспективы не одного только свѣтскаго и семейнаго самостоятельнаго образа жизни, но и разныхъ общественныхъ дѣлъ. Въ XVIII в. въ Россіи иногда слышатся, особенно въ его началѣ, отголоски еще XVI—XVII в. Самъ Петръ заплатилъ дань старымъ преданіямъ, заперевши въ монастырь свою жену (Евдокію Феодоровну) и сестру (Софью). По слѣдамъ Петра шли и нѣкоторые изъ ближайшихъ его вельможъ (Ягужинскій). Въ монастыряхъ скрывались женщины, которыя шли туда по внутреннему влеченію сердца, жаждущаго одиночества и удаленія отъ всего мірского. XVIII в. сохранилъ трогательные образы графини Головкиной, жены М. Г. Головкина, сына извѣстнаго канцлера при Петрѣ II, и Натальи Борисовны Долгорукой. Головкина раздѣлила съ мужемъ его ссылку, была тамъ для него настоящимъ ангеломъ хранителемъ, а послѣ его смерти возвратилась въ Москву и повела здѣсь истинно монашескій образъ жизни. Таже участь постигла и кн. Долгорукую, которая по смерти мужа прямо поступила въ монастырь.

V.

Еще въ концѣ XVIII в. начинается усиленный наплывъ въ Россію вмѣстѣ съ иностранцами и западно-европейскихъ идей, подъ вліяніемъ которыхъ воспитались великіе князья, внуки Екатерины II. Изъ нихъ особенно Александръ Павловичъ былъ блестящимъ представителемъ въ Европѣ государя, поставившаго себѣ главною задачей сдѣлать изъ своей власти и всѣхъ государственныхъ учрежденій надежную гарантію противъ развитія произвола въ управленіи. Благородные планы монарха раздѣлялись и многими его приближенными. Но осуществленію этихъ плановъ помѣшали особыя событія въ жизни Европы и Россіи. Нападеніе Наполеона на Россію вызвало наружу всѣ скрытыя, долго дремавшія, нравственныя силы русскаго народа. Настала тяжкая година 12 го года, въ теченіе которой русская женщина выказала много героическаго самоотверженія, разставаясь съ любимыми: отцомъ, братьями, женихомъ, и проводя дни, мѣсяцы, годы въ томительной неизвѣстности объ ихъ участи. Приходилось ей видѣть и самихъ жертвъ войны, присутствовать съ ужасомъ при смерти дорогихъ раненыхъ и испытывать всѣ муки безнадежнаго отчаянія при мысли о невозможности спасти ихъ (Наташа Ростовцева при смерти кн. Волхонскаго въ „Войнѣ и мирѣ“ гр. Л. Н. Толстого). Всѣ страшныя бѣдствія войны ложились тяжелымъ гнетомъ на душу женщины, которая отказывалась отъ личнаго счастья въ моментъ, когда рѣшалась судьба дорогого ей отечества. Затѣмъ пришло время (по возвращеніи русскихъ войскъ изъ за границы), когда жизнь вошла въ свою обычную колею, исчезъ необыкновенный подъемъ духовныхъ силъ парода и русской женщинѣ

высшаго класса пришлось вести жизнь сообразно съ своимъ *воспитаніемъ* и общественными отношеніями. Къ сантиментальному его направленію, сообщавшему искусственную, притворную чувствительность, присоединилась романтическая примѣсь настоящихъ рыцарскихъ чувствъ мужчины къ женщинѣ облагораживающихъ ихъ взаимныя отношенія. Дѣвушка высшаго класса общества получала воспитаніе въ институтахъ, вліяніе которыхъ шло далеко во всей жизни общества. Если институтка, съ одной стороны, и была типомъ незнакомаго совсѣмъ съ жизнью существа, безпомощнаго созданія, обреченнаго заранѣе на подчиненіе всякаго рода житейскимъ отношеніямъ и мелочамъ, то, съ другой стороны, самыя эти отношенія значительно смягчались внесеніемъ въ нихъ, незнакомыхъ грубымъ нравамъ, восторженныхъ и благородныхъ чувствъ и идей. Институтка-мать передавала ихъ своимъ дѣтямъ и часто вліяла и на своего мужа—чиновника взяточника, кутилу-помѣщика, командира,—жестокаго начальника солдатъ. Много драмъ совершалось въ супружеской жизни, которая приносила женамъ-институткамъ горькія разочарованій и, унижающія ихъ личность, впечатлѣнія. Но отъ этихъ драмъ общество выигрывало въ томъ отношеніи, что онѣ получали характеръ, хотя и безмолвнаго и пассивнаго, протеста противъ грубыхъ нравовъ, вкусовъ и всего склада жизни русскаго общества въ первой половинѣ XIX стол. Институтская „чувствительность“ была противоположностью грубой, неприглядной дѣйствительности. Произведеніями Карамзина и Жуковскаго зачитывалась вся молодежь и немало изъ нея горевало объ участи „бѣдной Лизы“, вызывавшей нерѣдко подражанія ея судьбѣ въ самой жизни. Конечно, эта жизнь съ ея мелочными, пошлыми интересами иногда засасывала женщину, какъ и мужчину, въ тинѣ и грязи пустыхъ, безсодержательныхъ житейскихъ отношеній. Но уже въ 20-хъ годахъ появляется свѣтлый лучъ въ жизни русской женщины (въ

лицѣ Софьи Грибоѣдова), сознавшей всю низость и ничтожество окружающихъ ее мужчинъ. Прискорбныя декабрьскія событія тѣхъ-же лѣтъ выдвинули типъ героинь изъ среды высшаго русскаго общества. Княгиня Трубецкая бросаетъ домъ отца, ѣдетъ тысячи верстъ среди самыхъ ужасныхъ условій, лишенная привычныхъ ей удобствъ, испытывая массу всевозможныхъ препятствій. Когда одинъ изъ сибирскихъ губернаторовъ хочетъ отговорить княгиню, сравнявъ ее съ жалкой рабой своего мужа-преступника, она отвѣчаетъ:

Нѣтъ, я не жалкая раба,
Я женщина, жена!
Пускай горька моя судьба—
Я буду ей вѣрна.

Послѣ другихъ, также напрасныхъ попытокъ, тронутый непреклонной рѣшимостью Трубецкой, губернаторъ приказываетъ заложить возокъ и доставить ее къ мѣсту путешествія, какъ можно скорѣе. По слѣдамъ Трубецкой отправилась ея сестра по несчастной судьбѣ мужа и своей собственной, княгиня Волконская. И ей пришлось испытать угрозы отца и тѣже примитивныя условія сибирскаго пути, ѣхать мѣсяцы, терзаться разными сомнѣніями, разочарованіями, пока, наконецъ, она не нашла своего любимаго мужа, услышала его голосъ и

Душѣ ея милаго голоса звукъ
Мгновенно послалъ обновленье,
Отраду, надежду, забвеніе мукъ,
Отцовской угрозы забвенье!

Увидѣвъ скорбное, испитое лицо мужа, княгиня

Вполнѣ поняла его муки
И силу его.... и готовность страдать!

Встрѣча супруговъ взволновала окружающихъ.

И тихаго ангела Богъ ниспослалъ
Въ подземныя копи,—въ мгновенье
И говоръ, и грохотъ работъ замолчалъ
И замерло словно движенье.
Святая, святая была тишина!
Какой-то высокой печали,
Какой-то торжественной думы полна....
(*Некрасовъ*).

Въ 30-хъ годахъ въ Россію проникли произведенія Жоржъ Зандъ.—защитницы идеи свободы женщины въ близкой, родной ей области любви. Ж. Зандъ увлекала женщинъ идеализаціей любви, благотворно дѣйствовавшей на семейную и общественную жизнь, вызывавшей въ женщинѣ свободное проявленіе ея чувствъ и облагораживающей „чувства мужчины". Женскіе типы у Тургенева [1]) проникнуты этими идеями Ж. Зандъ; его женщины ищутъ въ своей жизни высшаго смысла, отвѣта на запросы своего сердца. Лиза Калитина (въ „Дворянскомъ гнѣздѣ") была вся проникнута чувствомъ долга, любила всѣхъ и никого въ особенности, одного Бога любила она восторженно, робко, нѣжно. Полюбивъ женатаго человѣка (Лаврецкаго), Лиза находитъ единственный исходъ своему чувству—уйти въ монастырь. Не такъ скромны и преданы долгу Ирина въ „Дымѣ" и Зина въ „Первой любви". Обѣ красавицы, онѣ не останавливаются ни предъ какими препятствіями для удовлетворенія своей страсти. Ея бурныхъ проявленій не удерживаютъ ни высокое общественное положеніе мужа (Ирины), ни мирная и, повидимому, счастливая жизнь любимаго (Зиной) человѣка и покой всей его семьи. Но Зина не такъ тщеславна, какъ Ирина, которая, любя студента Литвинова,

[1]) Примѣчаніе. У Тургенева положительные женскіе типы преобладаютъ надъ отрицательными, которыхъ очень немного (Полозова въ „Вешнихъ водахъ", Сипягина въ „Нови"—обѣ типы пустыхъ, свѣтскихъ барынь и нѣкотор. др.).

выходитъ замужъ за знатнаго генерала и не рѣшается пожертвовать свѣтскими связями и успѣхами ради любимаго человѣка, когда она убѣждается при встрѣчѣ съ нимъ, что любима попрежнему и сама его любитъ. Зина готова идти съ любимымъ человѣкомъ противъ всего міра и выноситъ съ радостью даже оскорбленія отъ человѣка, которому она предана беззавѣтно и на всю жизнь. Въ „Кларѣ Миличъ“ и Сусаннѣ („Несчастная“) воплощены Тургеневымъ типы женщинъ, страдающихъ подъ гнетомъ тяжелыхъ жизненныхъ условій и таящихъ въ себѣ вмѣстѣ съ силою неизвѣданнаго чувства предчувствіе, ожидавшей ихъ, трагической судьбы. И Клара Миличъ, и Сусанна покончили съ собою, первая потому, что не хотѣла ждать для себя избавленія отвнѣ, вторая оттого, что убѣдилась въ безъисходности своего положенія. Вѣра въ „Фаустѣ“ погибла жертвою искуственнаго воспитанія вдали отъ всякихъ житейскихъ заботъ. Мать Вѣры (Ельцова) сама испытала въ жизни много страданій и рѣшилась предохранить свою дочь отъ горя и всѣхъ ошибокъ, возможныхъ въ жизни, цѣною полнаго ея невѣдѣнія. Вѣра вышла замужъ по волѣ матери за нелюбимаго ею человѣка. Чужой для нея, мужчина открываетъ Вѣрѣ новые, неизвѣстные ей въ теченіе десяти лѣтъ замужней жизни, горизонты изъ міра сильныхъ ощущеній и страстныхъ волненій. Мраморная Галатея ожила подъ бурнымъ дуновеніемъ любви, но нѣжная, впечатлительная натура не выдержала внезапнаго потрясенія и Вѣра умираетъ въ цвѣтѣ силъ и здоровья.

Въ „Асѣ“ выразилось все обаяніе непосредственной, живой натуры, пытливо всматривающейся въ окружающую природу и людей. Асю тревожитъ мысль о будущемъ и безсиліи человѣка предъ надвигающейся бѣдой. Ее томитъ жажда труднаго подвига и сознаніе безплодной траты своихъ молодыхъ силъ. Съ любимымъ человѣкомъ она готова идти на

край свѣта, повиноваться ему безпрекословно. Но когда Ася, отдавшаяся охватившему ее чувству, готова забыть весь міръ въ объятіяхъ любимаго человѣка [1]), послѣдній — сухой и эгоистичный человѣкъ — не захотѣлъ связать свою судьбу съ взбаломошной дѣвушкой неизвѣстнаго рода. Такъ-же мелочны, пусты, ничтожны герои въ произведеніяхъ Тургенева: „Переписка“, „Затишье“, „Вешнія воды“. Марья Петровна (въ „Перепискѣ“) готова была полюбить Алексѣя, если-бы его внезапно не увлекла балетная танцовщица. Веретьевъ (въ „Затишьи“) погубилъ Машу своимъ необузданнымъ нравомъ и какою-то безшабашною удалью. Санинъ (въ „Вешнихъ водахъ“) оказался въ состояніи забыть ради каприза взбаломошной барыни, Полозовой о страсти любимой имъ дѣвушки только на другой день послѣ того, какъ убѣдился въ ея взаимной, горячей любви, промѣнялъ, не колеблясь, дѣвушку съ возвышенною, чистою и прекрасною душой на пустую, властолюбивую женщину съ самыми низменными инстинктами.

Особенно ярки, рельефны и привлекательны у Тургенева типы Натальи (въ „Рудинѣ“), Елены (въ „Наканунѣ“) и Маріанны (въ „Нови“). Всѣ эти женскіе типы связаны одной общей идеей, стремленіемъ къ дѣлу, жизненной дѣятельности, женской самостоятельности и независимости. Наталья полна порывами къ живому дѣлу вопреки, полученному ею, мертвящему умъ и сердце, воспитанію. Рудинъ ввелъ ее въ міръ дивныхъ образовъ, новыхъ, свѣтлыхъ мыслей, указалъ ей на великія задачи въ жизни. Наталья готова жертвовать собою ради великой цѣли и не ея вина, если любимый ею человѣкъ отказался малодушно связать свою судьбу съ ея собственной. Елена съ самаго дѣтства отличалась жаждой дѣятельнаго добра, чуткостью къ страданіямъ не только людей, но и животныхъ. Ея сердце болѣло по всѣмъ угнетен-

---

[1]) У Аси выросли „крылья“, на которыхъ она хотѣла „подняться отъ земли“.

нымъ, больнымъ, нищимъ. Она мечтала о глубокой привязанности, которой не удовлетворяли окружающіе ее люди, искала выдающагося, замѣчательнаго человѣка, котораго она, наконецъ, и нашла въ болгаринѣ Инсаровѣ. Путь былъ найденъ, участь Елены рѣшена. Ее увлекаетъ высокая, благородная идея освобожденія Болгаріи. Елена бросаетъ свой домъ, родныхъ и уѣзжаетъ вмѣстѣ съ Инсаровымъ на его родину, гдѣ и хоронитъ Инсарова. Маріанна только и думаетъ о томъ, чтобы вырваться на волю изъ душнаго, полнаго условныхъ, свѣтскихъ приличій дома Сипягиныхъ, и посвятить всѣ свои кипучія силы на полезную дѣятельность. Она одушевляется идеей Нежданова о томъ, что для пользы народа нужно жить его жизнью, усвоить его привычки, міровоззрѣніе. Ни минуты не колеблясь, Маріанна „готова сложить свою голову за всѣхъ притѣсненныхъ, бѣдныхъ, жалкихъ на Руси“ и дѣлать все, что нужно для реформаторскихъ плановъ Нежданова. Она искренне увѣрена, что ихъ дѣятельность будетъ полезна народу, что они найдутъ въ ней свое счастье. И даже когда Неждановъ разочаровывается въ своихъ планахъ, убѣждается въ ихъ безполезности, Маріанна продолжаетъ вѣрить дѣлу, и выражаетъ непреклонную рѣшимость посвятить ему всю свою жизнь, но уже подъ руку съ болѣе сильнымъ и положительнымъ Соломинымъ. Стремленія женщины къ общественной дѣятельности, увлекавшія Елену и Маріанну, были въ русскомъ обществѣ 40—50 г.г. большею рѣдкостью. Тогда обыкновенно встрѣчался типъ, такъ прекрасно обрисованный *Бѣлинскимъ* [1]), типъ не европейской женщины, равной съ мужчиной, который „гордъ и счастливъ ея вниманіемъ“, между тѣмъ какъ въ Россіи оно оказывается женщинамъ только „изъ вѣжливости, милости“. Тогда у насъ еще не понимали, что такое женщина. „Прекрасный полъ“ существовалъ лишь въ

[1]) Сочиненія В. Г. Бѣлинскаго. Изданіе Павленкова. 1896 г., I т., 611 стр. и слѣд.

романахъ, повѣстяхъ, драмахъ, элегіяхъ, а на самомъ дѣлѣ онъ, главнымъ образомъ, состоялъ изъ дѣвицъ, которыя должны выйдти замужъ, и замужнихъ, которыя уже замужемъ. Русская дѣвушка того времени была не человѣкъ, а *невѣста*. Съ раннихъ лѣтъ до поздней молодости, а иногда и до глубокой старости всѣ мечты, думы и стремленія русской дѣвушки изъ помѣщичьяго быта и всѣхъ ея родныхъ были сосредоточены на замужествѣ, на томъ, какъ-бы поискуснѣе поймать жениха. Только въ виду этой завѣтной цѣли родители учили свою дочь хорошимъ манерамъ, кокетству, притворству, обманамъ. И какъ быстро перемѣнялись декораціи, если дѣвушкѣ удавалось выйти замужъ за приличнаго и выгоднаго жениха, въ котораго она, уже подготовленная постоянными мечтами о бракѣ, влюбляется по заказу. Теперь куколка развертывается, и дочь начинаетъ во всемъ копировать свою мать, изъ барышни превращается въ молодую даму, которая пользуется полной свободой выѣзжать, куда угодно, принимать, кто ей нравится, капризничать и мучить мужа, дѣтей, прислугу. Вся ея забота — держать свой домъ прилично, богато. Она постоянно окружена гостями, душа ихъ сплетней и безконечныхъ разговоровъ о нарядахъ. Дѣти, если они есть, занимаютъ мало мѣста въ жизни своей матери: они живутъ въ дѣтскихъ, среди невѣжественныхъ мамокъ и нянекъ, въ атмосферѣ грубыхъ вкусовъ, суевѣрныхъ разсказовъ, безнравственныхъ привычекъ.

Таково было положеніе замужней женщины въ богатомъ кругу, но если дѣвушка вышла замужъ за бѣднаго, тогда все идетъ кругомъ въ дому: она никогда не знала, что такое порядокъ, хозяйство, была воспитана только для барской, праздной жизни. Да, и сами мужчины обыкновенно видѣли въ женщинѣ лишь выгодныхъ невѣстъ, разсчитывали найти въ нихъ „капиталъ съ процентами, деревню, домъ съ доходомъ“. Если же изъ типа обыкновенныхъ женщинъ въ половинѣ

текущаго столѣтія и бывали исключенія, то послѣднія являлись, по словамъ Бѣлинскаго, какими-то „болѣзненными наростами на тѣлѣ общества". Это были—такъ называемыя „идеальныя дѣвы" —страстныя любительницы чтенія, особенно фантастическихъ романовъ (Марлинскаго и др.), мечтательныхъ прогулокъ при лунѣ. „Идеальныя дѣвы" живутъ въ какомъ-то волшебномъ, ими самими созданномъ, мірѣ искусственныхъ чувствъ и идей; онѣ презираютъ толпу, ненавидятъ все матеріальное, признаютъ только любовь чистую, платоническую, избѣгаютъ брака, а если и выходятъ замужъ, то или быстро превращаются въ самыхъ простыхъ, пошлыхъ бабъ, или же дѣлаются настоящимъ мученіемъ для своихъ мужей и всей семьи. Среди этихъ нравственныхъ уродовъ были въ русскомъ обществѣ 30-хъ годовъ и свѣтлыя, отрадныя исключенія, образецъ которыхъ далъ *А. С. Пушкинъ* въ своей *Татьянѣ*, которая родилась въ помѣщичьей семьѣ Ларинныхъ. Мать Татьяны была изъ числа обыкновенныхъ, мечтательныхъ дѣвушекъ, выдана замужъ родителями помимо ея воли. Въ деревнѣ мужа сначала было все ей постыло, но скоро она привыкла и даже стала довольна своимъ положеніемъ:

Она ѣзжала по работамъ,
Солила на зиму грибы,
Вела расходы, брила лбы,
Ходила въ баню по субботамъ,
Служанокъ била, осердясь,
Все это мужа не спросясь.

Ольга, сестра Татьяны, принадлежала къ простымъ, непосредственнымъ натурамъ, чуждымъ какимъ-либо запросамъ ума. Ольга по смерти Ленскаго, котораго она искренне любила, быстро утѣшилась, вышла за улана и сдѣлалась обыкновенной, дюжинной русской барыней. Совсѣмъ другого рода существомъ была Татьяна, которая съ дѣтства была

Дика, печальна, молчалива,
Какъ лань лѣсная боязлива,

Она въ семьѣ своей родной
Казалась дѣвочкой чужой.
Дитя сама, въ толпѣ дѣтей
Играть и прыгать не хотѣла
И часто цѣлый день одна
Сидѣла молча у окна.

Дѣтскія игры и шалости не занимали Татьяну, которая скоро пристрастилась къ чтенію романовъ зимой, а лѣтомъ предавалась мечтательности. Въ Татьянѣ уживались рядомъ грубые предразсудки и любовь къ французскимъ книжкамъ.

Татьяна вѣрила преданьямъ
Простонародной старины,
И снамъ, и карточнымъ гаданьямъ,
И предсказаніямъ луны.
Ее тревожили примѣты:
Таинственно ей всѣ предметы
Провозглашали что-нибудь,
Предчувствія тѣснили грудь.

Среди круга людей, занятыхъ самыми обыкновенными, житейскими интересами, сплетнями и злословіемъ, умъ Татьяны спалъ. Она не знала, что нуженъ постоянный и энергичный трудъ на пользу другихъ. Весь внутренній міръ ея заключался въ мечтахъ и жаждѣ любви.

Давно ея воображенье,
Сгорая нѣгой и тоской,
Алкало пищи роковой.
Давно сердечное томленье
Тѣснило ей младую грудь:
Душа ждала.... кого-нибудь.
И дождалась. Открылись очи;
Она сказала: *это онъ.*

Онѣгинъ, котораго глубоко и страстно полюбила Татьяна, былъ аристократъ, глядѣвшій свысока на окружающую его толпу, съ печатью скуки, разочарованія на челѣ, равнодуш-

ный ко всему, что не происходило вокругъ него. Татьяна пишетъ Онѣгину письмо, гдѣ вылилось все ея молодое, искреннее чувство, смутившее ея покой и принесшее „горькія мученія“. Татьяна мечтаетъ, что встрѣтила своего героя, который помѣшалъ ей быть со временемъ заурядной, „вѣрной супругой и добродѣтельной матерью“. Въ концѣ письма Татьяна „вручаетъ“ Онѣгину „свою судьбу“ и умоляетъ его о защитѣ въ ея томительномъ одиночествѣ:

Вообрази: я здѣсь одна,
Никто меня не понимаетъ.
Разсудокъ мой изнемогаетъ
И молча гибнуть я должна.

Это откровенное, сердечное признаніе въ своемъ задушевномъ чувствѣ, такъ необычное для тогдашняго, чопорнаго и сухаго, высшаго общества, не нашло отзвука въ Онѣгинѣ, который далъ ей суровый, холодный „урокъ“. Разбиты были всѣ лучезарныя надежды дѣвушки на взаимное чувство и личное счастье. Потомъ, когда Татьяна принялась за чтеніе книгъ въ библіотекѣ Онѣгина, домъ котораго она посѣтила, проснулся и умъ Татьяны и

Ей открылся міръ иной.

Позже, когда Онѣгинъ встрѣтилъ Татьяну, она была уже опытной свѣтской дамой, которая дорожила мнѣніемъ о себѣ свѣта. Признаніе Онѣгина теперь только оскорбило ее: Татьяна видитъ въ „мелкомъ чувствѣ“ Онѣгина къ ней лишь „жажду соблазнительнаго скандала“. Татьяна попрежнему любитъ простую, деревенскую жизнь, презираетъ „пышность, постылой жизни мишуру“, свои „успѣхи въ свѣтѣ, модный домъ и вечера“. Безъ малѣйшаго сожалѣнія она готова отдать

Всю эту ветошь маскарада,
Весь этотъ блескъ, и шумъ, и чадъ

За полку книгъ, за дикій садъ,
За наше бѣдное жилище,
За тѣ мѣста, гдѣ въ первый разъ,
Онѣгинъ, видѣла я васъ.

Воспоминанья о прошломъ вызываютъ въ Татьянѣ мысль о томъ, что тогда

Счастье было такъ возможно,
Такъ близко.

Но теперь судьба ея уже рѣшена: уступая мольбамъ матери, Татьяна вышла за богатаго и знатнаго генерала. Татьяна въ заключеніе взываетъ къ чувству чести въ Онѣгинѣ и проситъ его оставить ее:

Я васъ люблю (къ чему лукавить),
Но я другому отдана,—
И буду вѣкъ ему вѣрна.

Въ этихъ словахъ выражена вся жизнь и судьба молодой дѣвушки въ высшемъ русскомъ обществѣ въ половинѣ XIX ст.: она могла любить одного, а должна была выходить за другого, избраннаго ея родителями. Жизнь сердца не совпадала съ представленіемъ о жизни въ бракѣ, который часто заключался по разсчету и налагалъ на жену тяжелую обязанность заглушать всю свою внутреннюю, сердечную жизнь, постоянно думать только о строгомъ исполненіи внѣшнихъ приличій. Типъ горячо любящей, самоотверженной женщины Пушкинъ далъ въ „Капитанской дочкѣ“ въ лицѣ Марьи Ивановны (Мироновой), неостановившейся ни предъ какими жертвами для оправданія своего жениха (Гринева).

Не меньше, если не больше, вынесли всякихъ мукъ и страданій героини произведенія *Лермонтова*: „Герой нашего времени“ отъ двойника Онѣгина—Печорина, еще болѣе холоднаго, сухаго, равнодушнаго и разочарованнаго въ жизни

человѣка. Печоринъ въ одно и тоже время продолжаетъ любить Вѣру, уже замужнюю женщину, и упорно ухаживаетъ за княжной Мери (Лиговской). Первая, разставшаяся было съ Печоринымъ, снова поддается „непобѣдимой власти и привлекательности“ Печорина, сознаетъ свою измѣну недальновидному мужу и, однако, не въ силахъ противиться влеченію своего сердца, приноситъ въ жертву свое доброе имя, честь свою и гибнетъ съ горячей надеждой вернуть къ себѣ снова любимаго человѣка. Княжна Мери, на которую обратилъ свое вниманіе скучающій Печоринъ, также не въ силахъ противостоять обаянію его личности, тяжело страдаетъ отъ напускного равнодушія къ ней Печорина, который отказывается жениться на ней въ моментъ, когда сама мать предлагаетъ ему руку несчастной своей дочери. Еще болѣе роковымъ образомъ гибнетъ Тамара (въ „Демонѣ“), которая не могла устоять противъ соблазнительныхъ, коварныхъ обѣщаній злаго духа, данныхъ имъ подъ страшными клятвами, отречься отъ „гордыхъ думъ, примириться съ небомъ, раскаяться, молиться, любить и вѣровать добру“. Тамара заплатила своею жизнью за то, что повѣрила несбыточнымъ, обольстительнымъ рѣчамъ демона, поддалась, охватившему её, порыву къ неизвѣданному ею волшебному міру любви и наслажденій. Женщины въ произведеніяхъ *Гоголя* не имѣютъ ничего общаго съ возвышеннымъ, романтическимъ направленіемъ русскаго общества и женщинъ въ первую половину текущаго столѣтія. Всѣ онѣ отрицательнаго характера, выражаютъ или пустую сантиментальность институтки и безсодержательность ея жизни (Манилова), или еще чаще всю мелочность интересовъ и пошлость среды, въ которой живутъ героини Гоголя. Таковы: Пульхерія Ивановна (въ „Старосвѣтскихъ помѣщикахъ“), помѣщица Коробочка, дама просто пріятная и пріятная во всѣхъ отношеніяхъ, („Мертвыя души“), жена и дочь городничаго (въ „Ревизорѣ“).

У Гоголя есть только одинъ положительный, но довольно неопредѣленный типъ дочери генерала, *Улиньки*, натуры порывистой, сострадательной, отзывчивой и доступной общенію со всякимъ. Болѣе опредѣленный, положительный женскій типъ даетъ *Гончаровъ* въ Ольгѣ Сергѣевнѣ Ильинской,—женщинѣ съ большими природными задатками къ самостоятельной духовной жизни. Ольга увлекается Обломовымъ, задается цѣлью вдохнуть въ него жизнь, но апатичная и пассивная натура Обломова отталкиваетъ отъ него энергичную дѣвушку, которая предпочитаетъ Обломову Штольца,—типъ настоящаго европейца съ опредѣленными убѣжденіями и твердой волей, дѣятельнаго и практическаго человѣка. Всю силу практическихъ, житейскихъ соображеній и разсчетовъ, охлаждающихъ самыя пылкія чувства, испытываютъ на себѣ женщины въ „Обыкновенной исторіи“. А въ „Обрывѣ“ Марфинька прямо выставлена образцомъ дѣвушки, живущей всѣми своими мыслями и чувствами въ одной области домашней жизни съ ея мелкими, повседневными заботами, парализующими сплошь и рядомъ всякія духовныя стремленія. Только Вѣра въ томъ-же „Обрывѣ“—типъ женщины, неудовлетворяющейся обыденными интересами и готовой, хотя-бы путемъ эксцентричныхъ поступковъ, порвать съ, окружающей её, пошлой средой, пустыми и ничтожными людьми. Подъ ихъ тяжелымъ гнетомъ гибнутъ женщины въ произведеніяхъ *Писемскаго* („Тысячѣ душъ“, „Тюфякѣ“, „Богатомъ женихѣ“ и друг.), въ глазахъ котораго причина этой гибели и униженія женщинъ—мужчины, лишенные высшихъ духовныхъ интересовъ, или же предпочитающіе ихъ (Калиновичъ въ „Тысячѣ душъ“) практическимъ выгодамъ, карьерѣ. Графъ Л. Н. Толстой далъ намъ нѣсколько типовъ женщинъ съ цѣлостными, здоровыми натурами, способныхъ стать вѣрными женами и самоотверженными матерями. Таковы Наташа Ростовцева и княжна Марія Болхонская. Въ „Аннѣ Карениной“ Толстой обрисо-

ваетъ близкіе, современные намъ типы женщинъ высшаго русскаго общества: въ лицѣ Долли Облонской воплощена идея обязанности женщины быть вѣрною женою и матерью, всегда готовой жертвовать своимъ покоемъ и здоровьемъ своимъ дѣтямъ. Анна Каренина—типъ женщины, посвятившей всю свою жизнь личному чувству, которое дало ей много жгучихъ наслажденій и чарующихъ мгновеній, но затѣмъ разбило ея жизнь, заставивши забыть священныя обязанности жены и матери.

Бѣдны идейнымъ содержаніемъ типы русской женщины высшаго и еще болѣе средняго класса въ XIX стол., какъ небогата высшими интересами и ея личная и общественная жизнь, особенно въ первой половинѣ текущаго столѣтія. Общественное движеніе 60-хъ годовъ не осталось безъ вліянія на измѣненіе воззрѣній и на женщину и ея общественное положеніе. Шестидесятые годы были славною, незабвенною эпохой въ жизни русскаго общества, которое въ то время стряхнуло съ себя позорное иго рабства (съ освобожденіемъ крестьянъ въ 1861 г.) и возродилось, благодаря плодотворнымъ реформамъ Царя-Освободителя, къ новой, живой и энергичной, дѣятельности во всѣхъ областяхъ народной жизни. Тогда русское общество, по словамъ одного изъ видныхъ представителей 60-хъ годовъ, Писарева, „почувствовало неотразимую потребность отвернуться отъ прошедшаго и съ любовью устремить взоры въ далекое, манящее, неизвѣстное будущее, сосредоточить все вниманіе на томъ, въ чемъ видна свѣжесть и протестующая энергія, вырабатываются и зрѣютъ задатки новой жизни“. Въ этомъ ожидаемомъ, новомъ порядкѣ общественной русской жизни должно быть отведено мѣсто и женщинѣ, въ непочатыхъ душевныхъ силахъ, избыткѣ любви которой заключаются задатки богатаго будущаго развитія и широкой, разносторонней дѣя-

тельности наравнѣ съ мужчиной [1]). Освободительное движеніе, выразившееся въ измѣненіи взглядовъ на роль женщины въ обществѣ во всей русской литературѣ послѣ Гоголя, оказало непосредственное вліяніе и на положеніе русской женщины. Съ освобожденіемъ крестьянъ изъ подъ крѣпостной зависимости, положившемъ начало и большимъ измѣненіямъ въ русскомъ экономическомъ и всемъ общественномъ быту, женщинѣ пришлось подумать о томъ, чтобы самой своимъ трудомъ добыть себѣ кусокъ хлѣба и обезпечить отъ всякихъ случайностей свое существованіе. Сначала это движеніе женщины къ самостоятельной жизни выражалось въ комическихъ формахъ, какъ это бывало и съ западной ея сосѣдкой, которая при первыхъ признакахъ облегченія ея участи спѣшила начать свою самостоятельную жизнь съ слѣпого подражанія готовому образцу—мужчинѣ. И у насъ такъ называемыя „нигилистки“ старались подражать костюму, манерамъ и образу жизни мужчины и понимали самостоятельность женщины, главнымъ образомъ, въ ея освобожденіи отъ всякихъ правилъ, принятыхъ въ обществѣ, приличій, а иногда и здраваго смысла. Вся уродливость подобныхъ попытокъ эмансипированной женщины 60-хъ годовъ копировать во всемъ мужчину была изображена Тургеневымъ въ типѣ барыни *Евдокеи Кукшиной* (въ „Отцахъ и дѣтяхъ“), которая пускала пыль въ глаза своимъ знакомствомъ съ наукой, рѣшительными приговорами о всѣхъ вопросахъ и черезчуръ развязнымъ обращеніемъ съ мужчинами. Подобные же типы „эмансипированныхъ“ женщинъ вывели въ своихъ произведеніяхъ *Достоевскій* („Бѣсы“), *Лѣсковъ* („На ножахъ“, „Некуда“) и др. Въ настоящее время жгучій періодъ, такъ странно понимаемаго, женскаго вопроса уже миновалъ въ Россіи и теперь настала пора серьезнаго его разрѣшенія въ томъ же духѣ и направленіи, въ какомъ оно совершается на Западѣ Европы.

---

[1]) Сочиненія Писарева. СПБ. 1894, I т., 488 стр. и др.

Въ то время, когда русская женщина въ высшемъ классѣ русскаго общества, хотя и медленно, но, все-таки, постепенно выходитъ изъ своего вѣковаго заточенія, женщина среднихъ, а особенно низшихъ его слоевъ, русская крестьянка не знала ранѣе, не знаетъ и теперь даже тѣни самостоятельности. Среда, вся жизнь русскаго купечества съ незапамятныхъ временъ была „міромъ тюремнаго, гробоваго безмолвія, гдѣ не было ни свѣта, ни тепла, ни простора и куда не проникалъ съ вольнаго воздуха ни одинъ свѣтлый лучъ". Въ средѣ узниковъ этой страшной тюрьмы, гдѣ все живое замираетъ подъ давящимъ гнётомъ „самодуровъ" (Большовыхъ, Брусковыхъ, Торцовыхъ и др.), жила давно и женщина безъ всякой мысли о возможности какого-либо выхода на свѣтъ бѣлый, пріобрѣтеніи какой-либо самостоятельности въ безпросвѣтной кабалѣ самодурства, забвенія правъ человѣка разными „Титъ Титычами". Теперь и въ это „темное царство" проникаютъ понемногу „свѣтлые лучи" образованія [1]), которыхъ еще слишкомъ мало въ крестьянскомъ быту, гдѣ женщина страдаетъ, какъ нигдѣ въ другихъ классахъ русскаго общества. Вся ея вѣковая исторія заключается въ слѣдующихъ прекрасныхъ словахъ поэта (Некрасова):

Три тяжкія доли имѣла судьба;
И первая доля—съ рабомъ повѣнчаться,
Вторая—быть матерью сына—раба,
А третья—до гроба рабу покланяться;

И вотъ эти грозныя доли легли
На женщину русской земли.

Вѣка протекали—все къ счастью стремилось,
Все въ мірѣ по нѣсколько разъ измѣнилось;
Одну только Богъ измѣнить забывалъ
Суровую долю крестьянки.
И всѣ мы согласны, что тинъ измельчалъ
Красивой и мощной славянки.

[1]) Сочиненія Добролюбова. СПБ. 1896. Изданіе (второе) О. Поповой, III т., 23—24 стр. и слѣд., и 456 стр. и слѣд.

Случайная жертва судьбы!
Ты глухо, незримо страдала
Ты свѣту кровавой борьбы
И жалобъ своихъ не ввѣряла,—

Но мнѣ ты ихъ скажешь, мой другъ!
Ты съ дѣтства со мною знакома.
Ты вся—воплощенный испугъ,
Ты вся—вѣковая истома.

Поэтъ прибавляетъ, что

Тотъ сердца въ груди не носилъ,
Кто слезъ надъ тобой не лилъ.

Поэтъ изображаетъ тяжелую долю русской крестьянки, которая внушаетъ ему такое горячее сочувствіе къ ней [1]). Онъ говоритъ о томъ, какъ крестьянка терпитъ отъ всѣхъ въ семьѣ и какъ въ ней

Отъ работы и черной, и трудной

замретъ душа и она

Погрузится въ сонъ непробудный
Будетъ няньчить, работать и ѣсть.

Поэтъ указываетъ неизбѣжный, печальный конецъ такой, чисто животной жизни русской крестьянки:

И въ лицѣ твоемъ, полномъ движенья,
Полномъ жизни,—появится вдругъ—
Выраженье тупого терпѣнья
И безсмысленный, вѣчный испугъ.

---

[1]) Примѣчаніе. Такими же симпатіями Некрасова пользуются русскія женщины изъ среднихъ классовъ общества, обязанныя своимъ несчастнымъ положеніемъ безвыходному складу жизненныхъ условій, которыя нерѣдко заставляютъ женщину жертвовать своею честью....

И схоронятъ въ сырую могилу,
Какъ пройдешь ты тяжелый свой путь,
Безполезно угасшую силу
И ничѣмъ не согрѣтую грудь.

Поэтъ знаетъ и положительный типъ русской крестьянки, величавой красавицы, строгой, проникнутой сознаньемъ необходимости труда для благосостоянія крестьянской семьи [1]). Но женская доля здѣсь такъ обыкновенно печальна, ея положеніе въ патріархальной семьѣ, мало измѣнившейся въ Россіи въ теченіе ряда вѣковъ, такъ тяжело, что крестьянкѣ невольно приходитъ на умъ, что

«Ключи отъ счастья женскаго,
Отъ нашей вольной волюшки
Заброшены, потеряны
У Бога самого.
Отцы-пустыножители,
И жены непорочныя,
И книжники-начетчики
Ихъ ищутъ—не найдутъ.
Пропали, думать надобно,
Сглонула рыба ихъ....

Эта миѳическая рыба — невѣжество, поддерживающее крѣпко тѣ вѣковые устои крестьянскаго, патріархальнаго быта, который и на Западѣ Европы долго тормозилъ развитіе женской самостоятельности. Оно пошло здѣсь быстрыми шагами съ *начала XIX столѣтія*. Освободившись отъ крайностей, преувеличеній въ рѣшеніи женскаго вопроса сенъ-симонистами и фурьеристами, движеніе въ защиту женской равноправно-

---

[1]) Примѣчаніе. Типы крестьянки – трудолюбивой, заботливой о семьѣ изображаетъ еще поэтъ *Кольцовъ*, у котораго находятся много стихотвореній, гдѣ слышатся жалобы крестьянской женщины на ея тяжелую долю, на родителей, которые не даютъ простора ея живому, глубокому чувству, выдаютъ ее за немилаго и обрекаютъ на горькую жизнь съ постылымъ мужемъ.

сти особенно оживилось подъ благодѣтельнымъ вліяніемъ идей *Ж. Зандъ*, которыя посредствомъ романовъ перешли въ сознаніе европейскаго общества. Съ 30-хъ годовъ требованіе равноправности женщины съ мужчиной въ семьѣ и обществѣ становится лозунгомъ постепенно разростающагося движенія во Франціи и другихъ западно-европейскихъ странахъ. Но съ половины текущаго столѣтія эмансипаціонное женское движеніе начинаетъ, отчасти тормозиться, обнимающимъ всю современную общественную жизнь Запада, *экономическимъ движеніемъ*, задачей котораго является обезпеченіе благосостоянія народныхъ массъ. Женскій трудъ, къ которому европейская женщина обратилась, какъ къ средству обезпеченія своего, матеріальнаго и духовнаго, самостоятельнаго положенія, подпалъ подъ вліяніе закона предложенія и спроса, который оставилъ женщину съ ея физическою слабостью и плохой профессіональной подготовкой далеко позади ея соперника—мужчины. Наблюдаемый всюду въ Европѣ, численный перевѣсъ количества женщинъ надъ мужчинами лишаетъ женщину возможности прибѣгать къ помощи брака, долгое время оставававшагося для женщинъ единственнымъ способомъ обезпеченія ей хотя какого-либо сноснаго положенія женщины въ обществѣ. Справедливо замѣчаютъ (Брандтъ, Луи Франкъ и др.), что при настоящихъ условіяхъ общественной жизни рѣчь о призваніи женщины къ семьѣ и воспитанію дѣтей, какъ исключительному ея дѣлу, звучитъ злою насмѣшкой надъ нею и ея безвыходнымъ положеніемъ. Шансы на бракъ день отъ дня становятся все меньше и меньше для большинства, милліоновъ европейскихъ женщинъ, особенно изъ рабочихъ классовъ, гдѣ женщина видитъ себя вынужденной прибѣгать къ личному, физическому, промышленному труду, который для нея—дѣло экономической и моральной необходимости. Женщина рабочаго класса должна поневолѣ оставить свой домашній очагъ, въ которомъ нужда гаситъ огонь, и предлагать свои

услуги на міровомъ рынкѣ труда, гдѣ она встрѣчаетъ неблагосклонный пріемъ со стороны своихъ соперниковъ—мужчинъ—рабочихъ. Теперь женщины работаютъ повсюду на всевозможныхъ фабрикахъ и заводахъ при самыхъ тяжелыхъ условіяхъ и получаютъ вознагражденіе, наполовину меньшее сравнительно съ мужчиной за одно и тоже количество времени работы, но только гораздо большее напряженіе всѣхъ своихъ слабыхъ силъ, непривыкшихъ къ почти непрерывающемуся, механическому, фабричному труду. А между тѣмъ рабочая женщина также хочетъ ѣсть и пить, какъ и мужчина, также нуждается въ одеждѣ, квартирѣ, не говоря уже о другихъ, хотябы скромныхъ потребностяхъ въ украшеніи себя и своего дома и развлеченіяхъ, отдыхѣ отъ работы. Недостатокъ средствъ даже для самаго простого, незатѣйливаго образа жизни заставляетъ европейскую рабочую женщину прибѣгать къ позорной продажѣ собственнаго тѣла—*проституціи*,—этомъ страшномъ бичѣ, наболѣвшей язвѣ европейской цивилизаціи, незамѣтно подтачивающей здоровые, жизненные соки общественнаго организма и деморализирующей на ряду съ женщиной и гораздо болѣе ея мужчину не однихъ только рабочихъ, но и среднихъ и даже высшихъ классовъ европейскаго общества [1]). Европейская рабочая женщина, кромѣ медленной голодной смерти, ослабленія физическихъ силъ, разрушенія здоровья и нравственнаго паденія отъ проституціи, обречена еще на третье, не менѣе ужасное бѣдствіе—прогрессивное увеличеніе въ средѣ женщинъ преступности (особенно дѣтоубійства), самоубійство и съумашествіе, развивающіяся среди незамужнихъ женщинъ въ гораздо большей степени, чѣмъ въ средѣ замужнихъ.

---

[1]) Примѣчаніе. Проституція была извѣстна всѣмъ временамъ и народамъ, развивалась долго на почвѣ религіозныхъ воззрѣній (въ примитивномъ обществѣ и на Востокѣ, какъ и въ античномъ мірѣ) и особенно сильно поддерживалась всегда экономическими порядками общества, благодаря которымъ обыкновенно женщинѣ приходилось быть въ зависимости отъ мужчины и подчиняться его грубымъ вкусамъ, капризамъ, насилію и произволу.

Причина такого печальнаго положенія женщины въ рабочихъ классахъ европейскаго общества лежитъ, очевидно, помимо историческихъ условій, въ недостаткѣ правильнаго *воспитанія и образованія*, благодаря которому женщина не имѣетъ никакихъ знаній, профессіональныхъ и общихъ, и поэтому обречена на одинъ мускульный, физическій трудъ, ремесленный и фабричный. Для женщинъ оказались недоступными всѣ тѣ отрасли промышленнаго труда, которыя требуютъ продолжительной подготовки и спеціальнаго обученія (ювелирное дѣло, фотографія и др.). Здѣсь недостаетъ совсѣмъ женскихъ рукъ, между тѣмъ какъ на фабрикахъ замѣчается переполненіе ихъ работницами. Но, кромѣ рабочихъ женщинъ, въ Западной Европѣ къ труду стремится и женщина среднихъ и высшихъ классовъ съ цѣлью не столько матеріальнаго обезпеченія, сколько для того, чтобы удовлетворить сознанной потребности своей человѣческой личности въ всестороннемъ развитіи всѣхъ своихъ силъ и достиженіи высшихъ цѣлей жизни человѣка. Такимъ образомъ, сама жизнь указала дорогу, по которой должно было идти женское движеніе: это — путь, съ одной стороны, экономическаго обезпеченія женщины, а съ другой и улучшенія всѣхъ другихъ условій ея жизни въ обществѣ. Женщина должна была получить доступъ не только ко всѣмъ занятіямъ, дающимъ ей средство для существованія, но и къ свободнымъ профессіямъ, которыя могутъ дать ей, кромѣ обезпеченія, еще и удовлетвореніе запросамъ ея ума и сердца, волнующимъ современную женщину наравнѣ съ мужчиной. Слѣдовательно, она должна была проникнуть не только въ экономическую жизнь общества, заниматься здѣсь торговлей и разными отраслями промышленнаго труда, но также ее должны интересовать, не съ одной только выгодной стороны, наука, искусство, литература, педагогика, медицина, юриспруденція, общественная и государственная служба. Кромѣ этого, нужно

было позаботиться и объ участи, сдѣлавшихся несчастными по какой-либо причинѣ, женщинъ путемъ организаціи разнаго рода общественныхъ учрежденій, гдѣ онѣ находили-бы поддержку и защиту отъ случайныхъ бѣдъ или же постоянной эксплуатаціи женщинъ со стороны разнаго рода предпринимателей. Въ такомъ именно направленіи экономическаго обезпеченія и разширенія духовной и общественной самостоятельности женщинъ и помощи несчастнымъ изъ ихъ числа и совершается женское движеніе въ различныхъ странахъ Западной Европы. Здѣсь теперь періодически собираются международные женскіе конгрессы, существуетъ особая пресса по женскому вопросу, предпринимаются разнообразныя мѣры въ пользу расширенія и удовлетворенія матеріальныхъ и духовныхъ интересовъ женщины со стороны государства и общества.

Во *Франціи* въ 1878 г. состоялся первый конгрессъ въ защиту правъ женщинъ, въ которомъ приняли участіе представители разныхъ странъ и въ томъ числѣ Россіи и Америки. Но еще ранѣе этого конгресса, разсматривавшаго женскій вопросъ со всѣхъ сторонъ, женщины были допущены въ университетъ, въ который, однако, стало поступать больше женщинъ изъ другихъ странъ, нежели изъ самой Франціи. Причина этого факта кроется въ томъ обстоятельствѣ, что здѣсь до 1880 г. недоставало среднихъ школъ для женщинъ, которыя довольствовались элементарной школой. Въ 80—90 г.г. открыты во Франціи разныя общества съ цѣлью улучшить положеніе женщинъ. Женское движеніе въ *Англіи* сначала сосредоточилось (въ 60-хъ годахъ) на предоставленіи избирательныхъ правъ женщинамъ въ общинахъ и парламентахъ. Во главѣ этого движенія сталъ знаменитый *Д. С. Миллъ* [1]).

[1]) Примѣчаніе. Кромѣ цитированной нами книги Милля („Подчиненность женщины"), онъ высказывается за полное равноправіе женщинъ съ мужчинами и въ другихъ своихъ сочиненіяхъ: „Основаніяхъ политической экономіи", „Освободѣ" и „Размышленіяхъ о представительномъ правленіи". Въ послѣднемъ сочиненіи

Англійскія женщины упорно добивались этого права съ 1867 г., пока имъ не было предоставлено (въ 1869 и 1881 г.г.) участіе въ общинныхъ выборахъ, право избранія въ училищные совѣты (1890 г.) и участія въ выборахъ въ графствахъ. На островѣ Мэнѣ въ англійскихъ владѣніяхъ женщины (съ 1881 г.) уже пользуются избирательными правами, въ самой Англіи—эти права—дѣло недалекаго будущаго. Много и долго боролась здѣсь женщина за право получать высшее, спеціальное образованіе, особенно же медицинское. Женщины натолкнулись здѣсь на сопротивленіе со стороны самихъ университетовъ, гдѣ профессора и студенты долго тормозили общія усилія наиболѣе энергичныхъ англичанокъ завоевать себѣ право на образованіе. Особенно много всякихъ огорченій и неудачъ пришлось вынести одной изъ первыхъ женщинъ-врачей въ Англіи и всей Европѣ—*Елизаветѣ Блэквелль*. Постепенно университеты стали сдаваться подъ напоромъ дружной и энергичной дѣятельности первыхъ піонерокъ женскаго, особенно медицинскаго образованія и теперь женщины могутъ учиться и получать ученыя степени и дипломы во всѣхъ англійскихъ университетахъ.

Англійскія женщины-врачи скоро сравнялись съ своими товарищами—мужчинами, занимаютъ въ обществѣ такое же почетное и выгодное въ матеріальномъ отношеніи положеніе, какъ и мужчины. Въ Англіи есть также и разныя общества, заботящіяся о бѣдныхъ и несчастныхъ женщинахъ, спеціальные курсы для обученія женщинъ рисованію, живописи и пр. Между прочимъ, въ Англіи есть нѣсколько обществъ, добивающихся права голоса и выборовъ для женщинъ (Свободная женская

Милль утверждаетъ, что женщины должны имѣть право голоса и выборовъ даже при своемъ настоящемъ подчиненіи мужчинамъ, чтобы оградить себя противъ возможныхъ злоупотребленій съ ихъ стороны. Милль увѣренъ, что женщины будутъ подавать свои голоса не менѣе самостоятельно, и какъ мужчины, и съ тою же несомнѣнною пользою для страны.

лига, Центральное національное и просто Національное общество для пріобрѣтенія женщинами права голоса). Въ *Германіи* женское движеніе имѣетъ болѣе практическій характеръ, обращено на удовлетвореніе практическихъ нуждъ женщинъ. Среднее образованіе женщинъ широко распространено въ Германіи, но тамъ нѣтъ ни одного высшаго женскаго учебнаго учрежденія. Лицей Викторіи и Академія Гумбольдта въ Берлинѣ не заслуживаютъ имени такого учрежденія: занятія въ нихъ не имѣютъ опредѣленнаго плана и не даютъ никакихъ правъ женщинамъ, которыя въ нихъ учатся. Изъ многочисленныхъ провинціальныхъ германскихъ университетовъ только Гейдельберскій, Страсбургскій и Лейпцигскій допустили, и то не на всѣ факультеты, скрѣпя сердце, женщинъ. За то болѣе широко разрослись въ Германіи учрежденія, имѣющія своей задачей распространеніе профессіональнаго образованія женщинъ, открытіе новыхъ сферъ для женскаго труда. Таковы особенно два ферейна: общество для поощренія промышленной способности для женщинъ и всеобщій союзъ германскихъ женщинъ. Послѣдній преслѣдуетъ цѣли женскаго образованія, первый болѣе близкія задачи улучшенія матеріальнаго положенія женщинъ. Изъ остальныхъ европейскихъ странъ женщины давно уже допущены въ университеты въ *Швейцаріи*, гдѣ въ числѣ студентокъ Цюрихскаго и Женевскаго университета всегда немало было и русскихъ женщинъ. Въ *Венгріи* существуютъ общества для распространенія высшаго женскаго образованія, въ *Вѣнѣ*—женскій промышленный ферейнъ. Въ *Австріи* женщины допускаются также въ университеты, хотя и при особыхъ, исключительныхъ обстоятельствахъ. Идеи высшаго женскаго образованія и самостоятельности находятъ сочувствіе въ *Италіи* и особенно въ *Швеціи*. Съ холоднаго сѣвера Европы раздалося (въ 80-хъ годахъ) строгое, безапелляціонное требованіе равноправности женщинъ съ мужчинами въ области чувства

(Бьёрнсонъ). Извѣстный норвежскій поэтъ *Ибсенъ* далъ цѣлый рядъ произведеній, въ которыхъ изображается, какъ скандинавская женщина ищетъ новаго пути среди вѣковѣчныхъ, уже неудовлетворяющихъ ее, условій семейной жизни (Нора, Идда Габлеръ и др.). Шведская писательница Эдгренъ-Лефлеръ боролась до своей внезапной смерти за идею равноправія и независимости женщины. Скандинавскія женщины добиваются права участія въ управленіи, судѣ, равенства гражданскихъ правъ съ мужчинами. Двери шведскихъ университетовъ и коллегій растворены уже для женщинъ. Упсальскій, лундскій и стокгольмскій уриверситеты допустили въ свои стѣны студентокъ изо всѣхъ сословій. Женщинамъ дозволена медицинская практика наравнѣ съ мужчинами. Женщины принимаютъ въ Швеціи видное участіе въ распространеніи средняго и низшаго образованія. Въ стокгольмскомъ университетѣ женщина допущена къ преподаванію (Софья Ковалевская). Женщины допускаются въ университеты также въ Бельгіи, Испаніи, Румыніи, Даніи, Голландіи (за исключеніемъ богословскаго факультета). Женское движеніе начинаетъ проникать даже въ восточныя страны—*Индію*, которая имѣетъ уже нѣсколько ученыхъ, самоотверженныхъ женщинъ, получившихъ медицинское образованіе въ европейскихъ университетахъ и потомъ вернувшихся на родину для практики. Въ Каирѣ основано вице-королемъ Египта женское училище.

На ряду съ этимъ всеобщимъ въ западной и сѣверной Европѣ допущеніемъ женщинъ къ высшему образованію (въ среднемъ и низшемъ онѣ давно уже участвуютъ наравнѣ съ мужчинами), женщины не пользуются въ настоящее время нигдѣ правами государственной службы въ высшихъ правительственныхъ учрежденіяхъ. Онѣ могутъ отправлять лишь служебныя обязанности низшаго рода (въ почтовыхъ и телеграфныхъ учрежденіяхъ, тюрьмахъ, библіотекахъ, въ преподаваніи въ среднихъ

и низшихъ учебныхъ учрежденіяхъ и проч.). Женщины въ Европѣ не могутъ нигдѣ быть прокурорами и адвокатами [1]). Затѣмъ въ законодательствахъ различныхъ европейскихъ странъ устанавливаются различныя ограниченія въ области *частныхъ правъ*. Женщина незамужняя или вдова пользуется вездѣ полною независимостью въ имущественныхъ правахъ, но жена остается зависимою въ этомъ отношеніи отъ мужа, голосъ котораго является рѣшающимъ при управленіи общимъ имуществомъ. Въ случаѣ злоупотребленій властью со стороны мужа законъ устанавливаетъ: раздѣлъ имущества, временное прекращеніе супружеской власти мужа и разводъ. Только въ Англіи въ 1882 г. проведенъ законъ, въ силу котораго жена владѣетъ своимъ имуществомъ, какъ-бы она его не получила, совершенно независимо отъ мужа. Она сама можетъ подавать искъ въ судъ и отвѣчать по заявленному на нее иску, чего нѣтъ въ другихъ европейскихъ странахъ. При вступленіи въ бракъ, который на Западѣ Европы имѣетъ характеръ свободнаго, гражданскаго договора, супруги могутъ включать въ свадебные контракты или общность имуществъ, или раздѣльное владѣніе имъ, или неприкосновенность приданаго. Каждая изъ этихъ системъ существуетъ въ разныхъ частяхъ Европы [2]) Наконецъ, въ отношеніи *наслѣдственныхъ правъ* женщины сравнены съ мужчинами во всѣхъ западно-европейскихъ государствахъ, за исключеніемъ Англіи, гдѣ дочери устраняются отъ наслѣдованія при наличности сыновей только въ недвижимомъ имуществѣ. Особенное мѣсто относительно *семейнаго права* занимаетъ Фран-

---

[1]) Примѣчаніе Починъ въ этомъ дѣлѣ сдѣланъ, какъ мы знаемъ, во Франціи, гдѣ парижскій судъ допустилъ м-ІІе Жанну Шовенъ къ адвокатской дѣятельности.

[2]) Общность имущества существуетъ въ Германіи и на сѣверѣ Франціи, раздѣленіе имущества въ остальной части Западной Европы, кромѣ Италіи и южной Франціи, гдѣ признана неприкосновенность приданаго.

ція, гдѣ вся тяжесть нарушенія супружеской вѣрности возлагается на одну жену и запрещается матери незаконныхъ дѣтей отыскивать ихъ отца, свободнаго отъ всякихъ обязанностей къ своей случайной семьѣ.

Нашъ очеркъ о современномъ положеніи и правахъ женщины былъ-бы не полонъ, если-бы мы въ заключеніе не разсмотрѣли судьбу женскаго вопроса въ его Эльдорадѣ—*Америкѣ*. Сравнительно съ европейской женщиной американка—существо, вполнѣ самостоятельное, свободное, какъ и мужчина. Вмѣстѣ съ нимъ она когда-то въ небольшомъ числѣ явилась въ Америку завоевать себѣ счастье; также энергично, какъ и онъ, боролась съ природой, дикими звѣрями и людьми при основаніи первоначальныхъ поселеній съ церковью и школой. Рано женщина пріобрѣла равныя права съ мужчинами въ различныхъ американскихъ сектахъ (у пресвитеріанъ, баптистовъ и др.). На сѣверѣ Америки поселились эмигранты изъ Англіи, откуда они ушли отъ преслѣдованія Стюартовъ. На югъ направилась другая партія англійскихъ эмигрантовъ, притѣсняемыхъ за преданность имъ республиканцами при О. Кромвелѣ. На сѣверѣ поэтому общественная жизнь получила съ самаго начала демократическій характеръ; на югѣ Америки, наоборотъ, поселились аристократы, которые внесли свои взгляды и нравы во весь образъ жизни. Но затѣмъ оба эти элемента постепенно соединились и составили, благодаря духу независимости, свойственному имъ обоимъ, могучее американское государство. Когда началась борьба съ Англіей за независимость, женщина приняла въ ней дѣятельное участіе. Французскія философскія идеи нашли благопріятную почву въ Америкѣ, гдѣ уже въ началѣ XIX стол. былъ поднятъ вопросъ о полномъ уравненіи женщинъ въ правахъ съ мужчинами. Въ 1848 г. появилась въ этомъ духѣ „Декларація правъ женщины“. Американской женщинѣ обязано своимъ уничтоженіемъ рабство негровъ: во время осво-

бодительной войны между сѣверными и южными штатами она открыто стала на сторонѣ ихъ защитниковъ (аболиціонистовъ) во имя гуманности. Знаменитый романъ *Бичеръ-Стоу*: „Хижина дяди Тома“ своимъ типичнымъ изображеніемъ жестокаго обращенія рабовладѣльцевъ съ неграми сдѣлалъ для ихъ освобожденія гораздо болѣе, чѣмъ всѣ рѣчи, произносимыя въ защиту негровъ въ разныхъ собраніяхъ. Такъ, благодаря историческимъ условіямъ, женщина въ Америкѣ завоевала себѣ независимость и съ тѣхъ поръ сохраняетъ ее даже въ большей степени сравнительно съ мужчиной, обреченнымъ господствующей въ Америкѣ конкуренціей во всѣхъ областяхъ труда на большую затрату своихъ силъ, чего не нужно дѣлать тамъ женщинѣ. Она пользуется здѣсь глубокимъ поклоненіемъ всюду, гдѣ только не появляется, нерѣдко злоупотребляя уваженіемъ къ ней мужчины, который видитъ въ женщинѣ совершенно равное себѣ существо. Этотъ взглядъ выражается въ томъ, что *браки* въ Америкѣ заключаются по доброй волѣ мужчины и женщины, которая сама отыскиваетъ и выбираетъ себѣ мужа изъ, окружающихъ ее, молодыхъ людей. Американскій бракъ основывается на взаимной симпатіи и не имѣетъ никакого отношенія къ приданому, безъ котораго европейскій бракъ обыкновенно не мыслимъ. Молодая дѣвушка безъ всякаго стѣсненія *флиртуетъ* съ молодыми людьми, сама поощряетъ ихъ ухаживанія, пока не выберетъ себѣ человѣка по сердцу. Никто изъ этихъ молодыхъ людей даже и не подумаетъ объ ея оскорбленіи при такомъ свободномъ съ ними обращеніи. Общественное мнѣніе и судъ строго накажутъ такого дерзкаго нарушителя принятаго уваженія къ женщинѣ. Только въ Америкѣ никто не удивляется молодой дамѣ, которая одна путешествуетъ повсюду, свободно безъ провожатаго разъѣзжаетъ по желѣзнымъ дорогамъ, участвуетъ въ увеселительныхъ поѣздкахъ съ молодыми людьми. Тоже чувство уваженія проникаетъ и

отношенія супруговъ; законъ всегда станетъ на сторонѣ замужней женщины, испытавшей деспотическое обращеніе съ нею мужа, и дозволитъ уйти отъ него. Мужъ даже долженъ въ этомъ случаѣ обезпечить свою жену. Замужнія женщины въ Америкѣ пользуются полной самостоятельностью въ распоряженіи своимъ имуществомъ и правами родительской власти надъ дѣтьми. Вредитъ только женщинѣ разнообразіе законовъ о бракѣ и разводѣ въ разныхъ штатахъ Америки. Женщина здѣсь не избѣжала вліянія законовъ экономической жизни общества, какъ и въ Европѣ. Какъ только стала развиваться въ Америкѣ *промышленность*, въ этомъ дѣлѣ извѣстную часть взяла на себя и женщина, когда нуждались въ ея трудѣ при недостаткѣ рабочихъ рукъ. То было золотое время для рабочихъ женщинъ, получающихъ солидную плату за свой трудъ. Но затѣмъ съ переполненіемъ рабочаго рынка мужчинами, преимущественно эмигрантами, особенно же изобрѣтеніемъ швейной машины положеніе рабочей женщины значительно ухудшилось. Тогда на помощь женщинѣ пришли разныя общества, значительное количество которыхъ обезпечиваетъ женщинѣ профессіональное образованіе и даетъ ей защиту отъ злоупотребленій предпринимателей и всякихъ случайныхъ несчастій. Подобныя общества обыкновенно основываются самими-же женщинами, которыя сами заботятся о себѣ или же энергично помогаютъ своимъ сестрамъ-бѣднымъ труженицамъ. Много помогаетъ въ этомъ случаѣ широкая доступность образованія во всѣхъ его видахъ женщинѣ, которая учится вмѣстѣ съ мужчиной, не вызывая никакихъ на себя нареканій отъ такого совмѣстнаго съ нимъ обученія, обычныхъ въ Европѣ. Общество охотно всегда шло на встрѣчу требованіямъ въ *образованіи* со стороны женщинъ, которыя учатся вмѣстѣ съ мужчинами во всѣхъ колледжахъ и американскихъ университетахъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ есть и спеціальные женскіе колледжи, которые не болѣе, какъ от-

дѣленія мужскихъ колледжей или университетовъ. Не только въ женскихъ, но и въ мужскихъ колледжахъ и университетахъ учителя и профессора и нерѣдко и ректора тоже изъ среды женщинъ, которыя съ честью поддерживаютъ званіе и мѣсто, ими занимаемое. Американскимъ женщинамъ много пришлось, подобно европейскимъ сестрамъ, вынести препятствій при завоеваніи себѣ права быть врачами и юристами наравнѣ съ мужчинами. Но въ концѣ концовъ энергія и мужество первыхъ піонерокъ увѣнчали ихъ усилія и теперь женщинамъ въ Америкѣ предоставлено полное право обучаться въ университетахъ медицинѣ и заниматься врачебной практикой на ряду съ мужчинами. Женщина здѣсь можетъ быть и адвокатомъ, нотаріусомъ и занимать разныя административныя должности. Наконецъ, американская женщина пользуется въ нѣкоторыхъ штатахъ избирательными правами въ общинѣ, а въ территоріи Уйомингѣ она сравнена съ мужчиной въ политическихъ правахъ. И такое полное равенство правъ женщины и мужчины не только не отнимаетъ у первой всѣхъ привлекательныхъ сторонъ ея пола, а наоборотъ сообщаетъ имъ особую прелесть при постоянной, совмѣстной жизни женщины съ мужчиной. Духъ свободы одинаково проникаетъ воспитаніе, семейныя и общественныя отношенія, гдѣ вліяніе женщины смягчаетъ нравы, увеличиваетъ мѣру общаго благосостоянія въ странѣ и помогаетъ широкому развитію всѣхъ сторонъ американской цивилизаціи. Поэтому Брайсъ правъ, когда онъ замѣчаетъ, что положеніе женщинъ въ государствѣ служитъ лучшимъ мѣриломъ цивилизаціи въ странѣ: американская цивилизація достигла до такой высокой степени развитія, какая неизвѣстна въ Европѣ. До какихъ размѣровъ дошло въ настоящее время въ С.-А. С. Штатахъ движеніе въ пользу обезпеченія матеріальнаго существованія женщинъ и ихъ участія въ общественной жизни, объ этомъ можно судить по данныхъ, сообщаемымъ докладомъ 2-й всенародной переписи

1890 г. Изъ этого доклада мы видимъ, что число женщинъ по всѣмъ рѣшительно родамъ занятій увеличилось въ теченіе 10 (1880—1890) лѣтъ самымъ поразительнымъ образомъ. Въ этомъ послѣднемъ году оно составляло уже цѣлую $^1/_3$ работниковъ по всѣмъ профессіямъ—66, 99% мужчинъ и 33, 01% женщинъ. Тогда какъ общее число работниковъ мужчинъ увеличилось за десятилѣтіе всего на 27, 64%—почти тоже, что и при ростѣ всего населенія страны,—число женщинъ увеличилось на 47, 88%. Въ профессіяхъ процентъ увеличенія числа мужчинъ былъ 48, 53, женщинъ 75, 84; въ мануфактурномъ и механическомъ дѣлахъ мужчинъ 64, 01, женщинъ 62, 82, въ ремеслахъ и путяхъ сообщенія мужчинъ 71, 85, женщинъ 263, 43, т.-е., относительно занимавшихся этими дѣлами въ 1880 г. мужчинъ и женщинъ число послѣднихъ возросло въ 1890 г. въ 4 почти раза больше, чѣмъ число первыхъ. Переходя затѣмъ къ ототдѣльнымъ родамъ занятій, которыхъ перечислено всего 181, видимъ, что тогда какъ въ 1880 г. въ 40 изъ нихъ не было ни одной женщины, въ 1890 г. ихъ не было только въ 2-хъ родахъ—офицеровъ и нижнихъ чиновъ арміи и флота. Въ профессіяхъ оказались: 22 женщины-архитектора, 124 гражданскихъ инженера, 208 адвокатовъ, 337 дантистовъ, 888 журналистовъ, 1143 священника, 4557 докторовъ и даже 2 ветеринара и 4875 правительственныхъ чиновниковъ.... 47 управляли паровыми машинами, 221 были кучерами, 279 служили полицейскими, 1—лоцманомъ, 17 матросами, 25,480 вели самостоятельныя торговыя дѣла, 168,808 служили бухгалтерами и клэрками, 611 комми-вояжёрами. Въ ремеслахъ 10 были подрядчиками-строителями, 15 штукатурами, 47 чугунолитейщиками, 56 кузнецами, 58 каменотесами, 117—мясниками, 134 машинистами. По всѣмъ этимъ ремесламъ не далѣе, какъ въ 1880 году, ихъ не было ни одной [1]). Та-

[1]) Вѣстникъ Европы, 6 кн., 1898 г. (ст. Тверскаго: „Женскій трудъ въ Америкѣ“).

кимъ образомъ, нѣтъ почти ни одного рода занятій, не исключая даже и грубыхъ, къ которымъ женщины въ Америкѣ не выказали способность и не соперничали съ видимымъ, быстро возрастающимъ успѣхомъ съ своими соперниками—мужчинами. Лучшій отвѣтъ на всѣ возраженія противъ способностей женщинъ дѣлать при благопріятныхъ условіяхъ все то, что дѣлаютъ въ обществѣ и мужчины, и вытекающаго отсюда права первыхъ пользоваться и одинаковыми съ ними преимуществами во всѣхъ отношеніяхъ!

Остается сказать нѣсколько словъ о положеніи женщинъ во второй половинѣ XIX стол. въ *Россіи*, чтобы вполнѣ закончить все изложеніе женскаго вопроса. Послѣдніе фазисы его развитія совершались на нашихъ глазахъ. Я говорю объ основаніи разными русскими университетами (въ 80 хъ годахъ) высшихъ женскихъ курсовъ, отъ которыхъ теперь остались курсы въ обѣихъ столицахъ, и открытіи въ прошломъ году въ Петербургѣ женскаго медицинскаго института, который оказывается очень тѣснымъ для желающихъ поступить въ него. Есть у насъ давно и немало извѣстныхъ врачей-женщинъ (Суслова, Кашеварова и др.), число которыхъ теперь будетъ увеличиваться съ каждымъ годомъ. Дѣятельность уже наличныхъ врачей-женщинъ зарекомендовала ихъ всюду съ лучшей стороны. Русскія женщины занимаютъ профессорскія кафедры въ иностранныхъ университетахъ (Софія Ковалевская—въ Стокгольмскомъ, Лидія Рабиновичъ—Филадельфійскомъ). Но если русская женщина не можетъ еще сравняться въ дѣлѣ высшаго образованія не только съ американской, но даже и съ своей сосѣдкой—западно-европейской женщиной, то за то по сравненію съ послѣдней она пользуется большими правами въ области *частнаго* и, отчасти, *публичнаго права*. Нашъ законъ признаетъ начало полной независимости жены отъ мужа въ личныхъ и имущественныхъ отношеніяхъ. Приданое жены

находится въ полномъ ея распоряженіи. Личныя отношенія между мужемъ и женой опредѣляются началами взаимной любви и уваженія, практическія отступленія отъ которыхъ сопровождаются для мужа разными неблагопріятными послѣдствіями. Имущественныя права мужа и жены одинаковы: каждый изъ нихъ свободно распоряжается своею собственностью, что противорѣчитъ началу полнаго единенія супруговъ въ бракѣ, но за то обезпечиваетъ женѣ ея независимость отъ произвола мужа. Лишь въ наслѣдственномъ правѣ лица мужскаго пола пользуются значительными привиллегіями, возникновеніе которыхъ объясняется исторически. Жена слѣдуетъ состоянію мужа, не теряя, однако, своихъ правъ, пріобрѣтенныхъ рожденіемъ или заслугами перваго мужа, когда рѣчь идетъ о вдовѣ. Жена пользуется правами родительской власти наравнѣ съ отцомъ и можетъ быть опекуншей своихъ дѣтей, экспертомъ въ судѣ и третейскимъ судьей.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Предъ нами весь долгій, крайне утомительный путь, которымъ шла женщина въ теченіе цѣлаго ряда вѣковъ подъ, непреодолимымъ для нея, гнетомъ всякихъ жизненныхъ условій, тормозящихъ ея задушевныя стремленія къ завѣтной ихъ цѣли. Не баловала ее судьба въ исторіи: много пришлось женщинѣ перенести тяжелыхъ испытаній, мучительныхъ страданій и всякаго горя, изсушавшихъ ея умъ и сердце и долго отнимавшихъ надежду на возможность улучшенія ея участи въ далекомъ будущемъ. Много женщина утратила силъ, физическихъ и духовныхъ, въ неравной, безсильной и безплодной борьбѣ съ роковыми для нея, разнообразными, историческими обстоятельствами, сложившимися далеко не въ ея пользу. Исторія застаетъ женщину во многихъ мѣстахъ также независимой и самостоятельной, какъ и мужчина, и даже нерѣдко заставляющей его признать свое главенство въ семьѣ. Во всѣхъ частяхъ свѣта есть, однако, много дикихъ племенъ, у которыхъ женщина была и остается и теперь вполнѣ зависимой отъ мужчины, его безотвѣтной рабой. Первый же шагъ исторіи у разныхъ народовъ Востока положилъ конецъ всякой примитивной женской свободѣ, равенству обоихъ половъ. Суровыя матеріальныя условія, среди которыхъ жили восточные народы, выдвинули на первый планъ физическую силу мужчины, закаленную въ безпрерывныхъ воинственныхъ столкновеніяхъ между народами, обычныхъ на Востокѣ. Мужчины распоряжались всѣми дѣлами въ государствѣ и семьѣ, гдѣ женщинѣ была отведена второстепенная роль—покорной жены, заботливой

о дѣтяхъ своего мужа и рачительной хозяйки. Религія и нравы освящали такое зависимое положеніе женщины въ восточной, патріархальной семьѣ, которая еще болѣе развилась и укрѣпилась у древнихъ грековъ и римлянъ. Начало освобожденія человѣческой личности въ античномъ мірѣ изъ подъ зависимости отъ внѣшней природы, ознаменовавшееся возникновеніемъ и развитіемъ науки, искусства и широкой политической свободой, почти не коснулось женщины, которая, какъ и ранѣе на Востокѣ, живетъ въ сторонѣ отъ кипучаго движенія среди мужчинъ въ области разнообразныхъ духовныхъ интересовъ и политической борьбы партій. Изъ своего гинекея, помѣщеннаго въ задней части дома, женщины могли только издали слѣдить за оживленною и разнообразною жизнью своихъ отцовъ, мужей, братьевъ на форумахъ, гдѣ рѣшались всякія общественныя и государственныя дѣла. До нихъ только изрѣдка могли доноситься отголоски философскихъ бесѣдъ мужчинъ о важныхъ, міровыхъ вопросахъ. Лишь по временамъ въ своихъ нечастыхъ прогулкахъ по городу гречанка или римлянка могла видѣть, что создалъ мужчина для украшенія величественныхъ храмовъ и общественныхъ зданій и какъ много онъ привезъ разныхъ товаровъ на корабляхъ, наполнявшихъ всѣ гавани приморскихъ городовъ Греціи и Рима. Впрочемъ, античная женщина не была такой безмолвной и безотвѣтной рабой мужчины, какъ это было на Востокѣ, не служила для него гаремной игрушкой въ праздные часы отдыха отъ военныхъ упражненій и походовъ, не забавляла своего грознаго повелителя всякаго рода утомительными и нерѣдко опасными для жизни, соблазнительными играми и плясками, которыя могли доставить ей снисходительную благосклонность пресыщеннаго владыки. Въ глазахъ грека и римлянина его домъ былъ мѣстомъ, гдѣ пребывали священныя души его предковъ; въ кругу своей семьи, у домашняго очага онъ отдыхалъ отъ бурныхъ споровъ на форумѣ, тяжелыхъ походовъ и всякихъ трудовъ.

Грекъ и римлянинъ видѣлъ въ своей женѣ неразлучную подругу въ его тихой, семейной жизни, куда не проникалъ нескромный взоръ посторонняго; онъ любилъ мать своихъ дѣтей, воспитаніе которыхъ было ея первымъ дѣломъ, и только не могъ выносить ея вмѣшательства въ свои дѣла внѣ дома. Сама женщина въ древней Греціи и Римѣ не всегда раздѣляла эти, принижающіе ее, вкусы и взгляды на нее мужчины. Освободительныя идеи античной цивилизаціи мимоходомъ оказали извѣстное вліяніе и на судьбу женщины, позволяли хоть немного облегчать для нея тяжелый гнетъ патріархальнаго режима, ослаблять его суровые порядки, связывавшіе ее по рукамъ и ногамъ. Женщина теперь, послѣ многовѣковаго періода восточнаго рабства, начинаетъ мечтать о возможной въ ея положеніи свободѣ, нѣкоторой самостоятельности въ своей жизни. На первый разъ эти мечты облекаются въ формы, чуждыя античному, семейному и общественному, быту. Женщина—гетера была желанной гостьей, а часто и хозяйкой въ кругу мужчинъ—философовъ и государственныхъ людей, которые находили отраду и удовольствіе въ ея веселой и остроумной бесѣдѣ. Но тотъ-же грекъ и римлянинъ, который нарочно искалъ общества гетеры, предпочиталъ проводить свободное время у нея въ домѣ, а не въ своей семьѣ, не около жены съ ея обыденными, скучными, домашними интересами, не могъ даже и представить себѣ, чтобы гетера стала его женой, ревниво оберегалъ свой семейный очагъ отъ вторженія въ него эмансипаціонныхъ идей и свободныхъ нравовъ.

Насталъ, однако, роковой моментъ въ жизни античнаго общества, когда никакія преграды не могли оградить тишину семейной жизни и соблюсти невозмутимую чистоту въ ней нравовъ. Античная семья, какъ и все общество, не были въ состояніи противостоять разлагающему вліянію на нихъ моральныхъ и религіозныхъ воззрѣній античнаго міра, какъ и всего общественнаго и политическаго его строя, проникнутаго рабовладѣль-

ческими инстинктами, нескрываемымъ презрѣніемъ сильныхъ къ болѣе слабымъ. Свѣтлую, живую струю внесло въ одряхлѣвшее античное общество христіанство, которое возродило къ новой, свѣтлой жизни женщину одинаково съ мужчиной. Женщина призывалась наравнѣ съ нимъ къ рѣшенію глубокихъ, жизненныхъ задачъ. Изъ круга ограниченныхъ семейныхъ интересовъ она вышла на широкій просторъ общественной жизни, гдѣ и принялась съ любовью и неустанной энергіей за утѣшеніе несчастныхъ всякаго рода вѣры и званія, проявила, неслыханную до сихъ поръ, неусыпную заботу и дѣятельную помощь больнымъ, бѣднымъ и обездоленнымъ. Подъ оживляющимъ, благодатнымъ дуновеніемъ искренней и горячей вѣры быстро, пышнымъ цвѣтомъ развернулись духовныя, нравственныя силы женщины, которая должна была занять въ христіанской семьѣ одинаковое съ мужчиной мѣсто, если бы снова не наступили историческія обстоятельства, которыя парализовали дальнѣйшее развитіе идеи о равенствѣ обоихъ половъ въ новомъ, христіанскомъ обществѣ. Въ этомъ обществѣ пустили сильные ростки феодальныя начала, обезпечивавшія свободу однимъ сильнымъ—мужчинамъ и то только высшихъ, владѣльческихъ сословій. Въ жертву семейнымъ и политическимъ интересамъ приносится теперь вмѣстѣ съ слабыми мужчинами низшихъ сословій и свобода женщины, вся ея личность. Ея закабаленію, приниженію и полной зависимости отъ мужчины въ семьѣ и обществѣ помогли, съ одной стороны, античныя, патріархальныя преданія, особенно же идея римскаго права о ничѣмъ неограниченной власти мужа надъ женой, отца надъ всѣми дѣтьми. Къ той же цѣли, съ другой стороны, были направлены и аскетическія воззрѣнія католичества, видѣвшаго въ женщинѣ источникъ всякаго зла и несчастія въ жизни мужчины. Мы знаемъ, къ какимъ ужаснымъ послѣдствіямъ приводили подобныя отношенія католичества къ женщинѣ, осужденной выносить ужаснѣйшія пытки

и горѣть на кострахъ „святой инквизиціи“ во имя ничѣмъ неоправдываемаго, суевѣрнаго, невѣжественнаго убѣжденія въ возможныхъ сношеніяхъ женщинъ съ сатаною. Нѣкоторую отраду въ средніе вѣка для женщинъ, и то только высшаго класса, доставляли возвышенныя представленія рыцарства о женщинѣ, какъ олицетвореніи чего-то свѣтлаго, идеальнаго, божественнаго. Рыцари не ограничивались тѣмъ, что имѣли такія благородныя воззрѣнія на женщинъ: изъ уваженія, благоговѣнія и любви къ дамѣ своего сердца рыцарь не отступалъ ни предъ какими опасностями и рисковалъ даже своею жизнью, чтобы защитить отъ оскорбленія честь своей дамы, или же спасти ее саму отъ оскорбленій или нападеній, такъ обычныхъ въ ту пору господства „кулачнаго права“. Женщина высшихъ классовъ средневѣковаго общества находила утѣшеніе въ своихъ несчастіяхъ и горѣ также и въ культѣ, поклоненіи Св. Дѣвы Маріи, обожаніи Ея, какъ олицетвореніи божественной, всепрощающей любви къ людямъ, лучшихъ, возвышенныхъ чертъ въ природѣ женщины. Если женщина жила въ семьѣ при условіяхъ, дѣлавшихъ невозможнымъ какое-либо сносное существованіе, ей былъ единственный исходъ — уйти изъ міра въ монастырь, гдѣ она могла, по крайней мѣрѣ, не испытывать всѣхъ мучительныхъ, нравственныхъ страданій и оскорбленій отъ членовъ своей семьи и нерѣдко проводить свободное время въ средѣ болѣе симпатичныхъ ей людей. Но подобный путь къ сравнительно лучшей жизненной обстановкѣ былъ доступенъ также лишь одной женщинѣ высшаго класса, но не средняго, а тѣмъ болѣе низшихъ классовъ средневѣковаго общества. Послѣдніе составляли крѣпостную, зависимую часть населенія въ владѣніяхъ феодаловъ, которые совершенно произвольно распоряжались силами, временемъ и нерѣдко и жизнью подвластныхъ имъ крестьянъ—мужчинъ, не говоря объ ихъ женахъ и дочеряхъ. По отношенію къ нимъ средневѣковые обычаи и право уза-

коняли даже такіе возмутительные поступки феодаловъ, которые въ европейскомъ обществѣ XIX стол. считаются высшимъ оскорбленіемъ чести женщины. Въ положеніи женщины изъ низшихъ классовъ была одна лишь та общая черта съ бытомъ женщины средняго и высшаго класса, что всѣ онѣ одинаково томились подъ гнетомъ патріархальныхъ порядковъ средневѣковой семьи, явившихся неизбѣжнымъ послѣдствіемъ римскихъ преданій, феодальнаго и римскаго права и взгляда на женщину католичества, также облеченныхъ въ нормы права—каноническаго. Такъ женщина изъ подъ суровой власти римскаго главы семьи попала прямо въ еще болѣе тяжелыя условія патріархальнаго, средневѣковаго режима, изъ подъ господства котораго она могла освободиться только при нѣкоторыхъ исключительныхъ, обстоятельствахъ.

Въ новое время въ душную, семейную тюрьму проникъ свѣтлый лучъ. Средневѣковое, аскетическое міровоззрѣніе поколебалось при свѣтѣ гуманистическаго движенія. За женщиной было признано право принять участіе въ томъ всестороннемъ развитіи личности, которое составляло основной девизъ всей дѣятельности гуманистовъ. Но этотъ отдыхъ отъ, мертвящей умъ и сердце, жизненной обстановки средневѣковаго быта былъ непродолжителенъ. Реформація, начавшись въ области религіозной жизни западно-европейскихъ народовъ, не только не принесла освобожденія женщинѣ отъ вѣковыхъ ея стѣсненій въ семьѣ и обществѣ, но еще болѣе усилила ея зависимость, обезличила женщину въ патріархальной семьѣ во имя библейскихъ началъ. Патріархальный бытъ семейной жизни мало былъ поколебленъ французской и англійской просвѣтительной философіей, какъ и нѣмецкой школой естественнаго права, возставшими противъ всего средневѣковаго, феодальнаго быта во имя идеи равной и свободной личности. Феодальное общество и государства пали, уступили мѣсто новому общественному порядку, въ основу

котораго легло признаніе одинаковаго для мужчины и женщины права на свободное развитіе всѣхъ своихъ природныхъ силъ и способностей и по возможности полное удовлетвореніе всѣхъ ихъ потребностей. Но патріархальная семья осталась въ Европѣ XIX ст. вмѣстѣ съ характеризующими ее чертами, лишь немного смягченными съ начала новаго періода въ исторіи. Можно сказать, что патріархальный режимъ, появившійся вмѣстѣ съ началомъ общественной жизни людей, съ каждымъ шагомъ впередъ въ исторіи человѣчества безпрерывно росъ, крѣпчалъ и неудержимо развивался подъ вліяніемъ самыхъ разнообразныхъ условій жизни древнихъ и новыхъ народовъ. Различіе между тѣми и другими въ этомъ отношеніи было лишь въ томъ, что во всей древности (на Востокѣ и у древнихъ грековъ и римлянъ) въ семьѣ и обществѣ царила власть ея главы (патріарха), крѣпко поддерживаемая всѣми устоями общественнаго строя. У новыхъ-же народовъ вмѣстѣ съ измѣненіемъ основаній общественнаго устройства (религіозныхъ воззрѣній, экономическаго порядка и др.) ослабѣла эта могущественная, ничѣмъ ранѣе неограниченная власть мужчины надъ женщиной въ семьѣ и обществѣ, но далеко не исчезла. Зависимость женщины отъ мужчины продолжаетъ существовать и въ новое время у наиболѣе цивилизованныхъ, европейскихъ народовъ, не говоря уже объ азіатскихъ народахъ или африканскихъ и австралійскихъ племенахъ съ патріархальнымъ бытомъ. Европейская женщина пріобрѣла нѣкоторыя частныя права, мечтаетъ и о политическихъ. Но во всемъ обществѣ господствуетъ, сложившійся вслѣдствіе многовѣковаго патріархальнаго режима и ставшій, повидимому, незыблемымъ и безспорнымъ взглядъ на „природное назначеніе“ женщины жить и дѣйствовать исключительно въ *семьѣ*, интересоваться одними лишь семейными дѣлами, но не какими-либо общественными вопросами и занятіями.

Женщина, говорятъ защитники, установившагося съ не-

запамятныхъ временъ, порядка, должна быть доброю и *вѣрною* женой своему мужу, воспитывать его дѣтей и заботиться о хозяйственныхъ дѣлахъ, быть экономкой мужа. Послѣднему одному принадлежитъ право имѣть, кромѣ семейной жизни, еще общественные интересы, руководить обществомъ, работать надъ его благосостояніемъ, развитіемъ всѣхъ сторонъ общественной жизни, всѣхъ общественныхъ учрежденій. Только для мужчины существуютъ всѣ сокровища знанія и искусства, мелкія крохи которыхъ достаются женщинѣ, лишь онъ можетъ думать о высшихъ задачахъ міровой и соціальной жизни и стремиться къ разрѣшенію міровыхъ вопросовъ и удовлетворенію нуждъ и интересовъ текущей общественной жизни. На немъ одномъ лежитъ забота о прогрессѣ человѣчества, онъ—его орудіе, необходимый факторъ и цѣль. Усталый отъ тяжелыхъ, безпрерывныхъ трудовъ при исполненіи своихъ нелегкихъ общественныхъ обязанностей, мужчина находитъ необходимый ослабѣвшимъ его силамъ отдыхъ въ *своей* семьѣ, гдѣ *его* жена, *его* дѣти отвлекаютъ утомившееся вниманіе своего главы отъ глубокихъ думъ, недоступныхъ никому изъ его близкихъ, кромѣ него самого. Мужчина всегда чувствуетъ себя одинокимъ въ обществѣ не только легкомысленныхъ, но и серьезныхъ женщинъ, неспособныхъ его понять; онъ только снисходительно относится къ разсужденіямъ женщины о высокихъ предметахъ, если она рискнетъ забыть свои семейныя дѣла и возвысить робкій голосъ при глубокомысленныхъ бесѣдахъ мужчинъ. Бѣда также женщинѣ, если она вздумаетъ примѣнять къ себѣ тѣже правила морали, какими руководится въ своемъ поведеніи мужчина! Для него кажется страннымъ, дикимъ, если женщина рѣшается идти тѣмъ-же, обычнымъ для него, путемъ въ своей жизни, твердо и настойчиво выбивается на широкую дорогу общественной дѣятельности цѣною всякаго рода непріятностей, лишеній, а подчасъ и оскорбительныхъ для ея достоинства отношеній со стороны

товарищей (мужчинъ) по дѣлу. Почти на нашихъ глазахъ въ Россіи раздавались такіе недоумѣвающіе, полные негодованія, голоса противниковъ женскаго образованія, особенно медицинскаго. Русская женщина высшихъ классовъ, жившая все почти время своей исторіи (до XVIII в.) въ строгихъ границахъ суроваго, патріархальнаго режима, могла вздохнуть немного съ эпохи Петра I и Екатерины II и подумать о возможности пріобрѣсти себѣ нѣкоторую самостоятельность лишь послѣ реформъ Александра II Освободителя. Женщины же въ среднемъ сословіи (купечествѣ), особенно же въ крестьянскомъ быту продолжаютъ жить въ томъ-же роковомъ кругу невѣжественныхъ, унизительныхъ для нея понятій, суевѣрныхъ взглядовъ и невыносимыхъ жизненныхъ условій, среди которыхъ изнывала и мучилась цѣлые вѣка вообще женщина московскаго періода русской исторіи и довольно долго и въ прошломъ и настоящемъ столѣтіи. Намъ трудно даже представить себѣ, сколько мученій, тяжелой борьбы съ родными и окружающими, полными предразсудковъ, пришлось вынести первымъ русскимъ піонеркамъ женскаго общественнаго труда и самостоятельности, отказывавшимся отъ тихой, спокойной жизни въ семейномъ кругу и препебрегавшимъ выгодными „партіями“ ради непонятныхъ для окружающихъ долгихъ поѣздокъ въ невѣдомыя страны (иностранные университеты)! Со всѣхъ сторонъ раздавались зловѣщія предсказанія, слышались даже изъ среды ученыхъ, университетскихъ профессоровъ „научныя“ соображенія (анатомическія, физіологическія, этическія, государственныя) о неисчислимомъ вредѣ для семьи, государства и самихъ „новаторокъ“ ихъ, повидимому, неожиданныхъ и невѣроятныхъ стремленій. Русскія женщины, получившія высшее образованіе за границей, вышли со славой изъ перваго испытанія и движеніе въ пользу женскаго медицинскаго и вообще высшаго женскаго образованія нашло вскорѣ прочную почву въ симпатіяхъ со стороны лучшей части

русскаго общества, повело къ созданію сначала женскихъ врачебныхъ, а затѣмъ и высшихъ женскихъ курсовъ и, наконецъ, образованію женскаго медицинскаго института. Мы уже видѣли, какъ широко разрослось женское движеніе въ западно-европейскихъ странахъ, не говоря о Сѣверной Америкѣ, гдѣ недостаетъ только нѣсколькихъ усилій для того, чтобы женщина совсѣмъ сравнялась съ мужчиной въ своихъ правахъ и обязанностяхъ. Не смотря, однако, на такіе быстрые, поразительные успѣхи женскаго движенія въ тѣхъ же, наиболѣе цивилизованныхъ западно-европейскихъ странахъ, откуда давно идутъ настойчивыя требованія женской равноправности съ мужчинами, не прекращаются протесты противъ этихъ требованій и, притомъ, нерѣдко со стороны извѣстныхъ ученыхъ и публицистовъ. Попытаемся разобраться въ мнѣніяхъ и доводахъ противниковъ женскаго движенія въ современномъ обществѣ, разсмотрѣть, на сколько ихъ возраженія оправдываются историческими фактами также какъ и данными, установленными въ наукѣ, и въ чемъ правы защитники женской равноправности, число которыхъ увеличивается съ каждымъ днемъ въ европейскомъ обществѣ.

При внимательномъ изученіи всѣхъ взглядовъ противниковъ женской равноправности становится очевиднымъ тотъ фактъ, что всѣ они не болѣе, какъ оправданіе, освященіе, существовавшихъ цѣлые десятки вѣковъ, отношеній между полами, при которыхъ мужчина былъ господиномъ, а женщина находилась въ хронической отъ него зависимости, обречена была на одну семейную жизнь съ ея однообразными, узкими интересами. Развившіяся при такого рода раздѣленіи труда между полами, выгодномъ лишь для мужчинъ, естественная слабость женщинъ въ физическомъ и умственномъ отношеніи и особыя, полезныя въ семейныхъ интересахъ, нравственныя качества женскаго характера, были объявлены закономъ

женской природы [1]). Семья объявлена единственной сферой, гдѣ женщина можетъ выполнять назначеніе своего пола [2]). Присвоили женщинѣ даже одно спеціальное назначеніе для цѣлей рода [3]), или ограничили всю ея жизнь преслѣдованіемъ интересовъ вида [4]). Наконецъ, зависимость женщины отъ мужчины, ея подчиненность мужчинѣ въ семейной и общественной жизни возвели даже въ законъ природы [5]). Сила историческихъ условій жизни оказалась непреодолимою даже для такихъ выдающихся представительницъ и первыхъ піонерокъ женской эмансипаціи, какъ Сталь и Ж. Зандъ: страстно защищая свободу чувства для женщинъ, обѣ онѣ мирились съ ея зависимостью въ семьѣ, на которую ее осудили „законы природы“. И на самомъ дѣлѣ трудно было противиться, установившемуся вѣками, порядку вещей, не видѣть въ немъ неизбѣжный результатъ извѣстнымъ образомъ сложившихся историческихъ условій, оказавшихся роковыми для положенія женщины въ семьѣ и обществѣ. Нужны были огромныя усилія со стороны передовыхъ умовъ новаго времени, чтобы пробить первую брешь въ, повидимому, непроницаемой бронѣ вѣковыхъ устоевъ общественнаго устройства и, основанныхъ на нихъ, предразсудковъ и предубѣжденій противъ возможности для женщины выйти изъ привычнаго для нея, тѣснаго круга семейной жизни на широкій просторъ общественной жизни и дѣятельности. Въ ту пору, когда тысячелѣтнее зданіе феодализма рухнуло подъ напоромъ новыхъ теченій, въ области мысли и экономической жизни на Западѣ Европы, должно было начаться измѣненіе въ положеніи женщины въ семьѣ и обществѣ, услышанъ наряду съ другими и ея голосъ объ освобожденіи изъ подъ угнетающихъ, невыносимыхъ, унизительныхъ для ея человѣческаго достоинства, обезличивающихъ формъ

---

[1]) Такъ думаетъ О. Контъ, [2]) Таково мнѣніе Феллина, Маргольмъ, Толстого, Нитцше, [3]) Шопенгауэръ, Прудонъ, [4]) Максъ Нордау, [5]) Рибль.

суроваго, патріархальнаго режима. До сихъ поръ женщина могла заявлять о своихъ правахъ на личную жизнь и счастье не въ одной только области семейной жизни лишь въ особыя, критическія эпохи исторіи, когда съ паденіемъ старыхъ порядковъ и нарожденіемъ новыхъ, казалось, открывалась надежда на лучшую жизнь и для цѣлой половины человѣческаго рода. Но проходило время необычнаго подъема привычнаго склада воззрѣній, нравовъ и всего быта, жизнь входила въ свою колею и снова женщина подпадала неотвратимому давленію патріархальныхъ порядковъ, каждый разъ только еще болѣе развивавшихся и усиливающихся подъ вліяніемъ разныхъ благопріятныхъ историческихъ обстоятельствъ. Въ необычной живучести, крѣпости патріархальнаго быта и можно видѣть главную причину того факта, что выдающіеся научные успѣхи замѣчательныхъ женщинъ въ средніе вѣка и новое время (эпоху возрожденія наукъ и искусствъ и въ XVII—XVIII стол.), какъ и проявленія способностей отдѣльныхъ женщинъ къ управленію не оказали какого-либо замѣтнаго, ощутительнаго вліянія на измѣненіе воззрѣній и общихъ основаній положенія женщины въ семьѣ и обществѣ. Лишь въ тотъ моментъ исторіи, когда идея человѣческой личности, ставшая въ новое время лозунгомъ разнообразныхъ теченій въ нравственной, умственной, экономической и всей общественной жизни, была положена въ основаніе новаго общественнаго зданія, начинавшаго слагаться на развалинахъ феодальнаго быта, занялась свѣтлая заря свободы и для женщины. Теперь, наконецъ, послѣ средневѣковыхъ сомнѣній въ томъ, человѣкъ ли женщина, было провозглашено торжественно устами Кондорсе, что женщина такая же человѣческая личность, какъ и мужчина, что женщинѣ присущи одинаковыя съ нимъ духовныя качества и что поэтому она должна имѣть и всѣ одинаковыя съ мужчиной права и обязанности и, прежде всего, одинаковое съ нимъ образованіе. За провозглашеніемъ

свободы женщины въ области чувства (Сталь, Ж. Зандъ) послѣдовали опыты выясненія причинъ униженнаго положенія женщины въ семьѣ и обществѣ, различія въ частныхъ правахъ и совершеннаго недопущенія женщины къ занятіямъ, имѣющимъ публичный характеръ, общественнымъ профессіямъ и политическимъ дѣламъ.

Въ классическомъ сочиненіи Д. С. Милля были выражены сильно, краснорѣчиво и убѣдительно всѣ доводы въ пользу равноправности женщинъ съ мужчинами. Точка зрѣнія Милля на причины, препятствовавшія въ далекомъ прошломъ, какъ и въ текущемъ столѣтіи признанію этого принципа, и его взгляды на сущность женскаго вопроса и способы его разрѣшенія сдѣлались основаніемъ изученія и обсужденія этого вопроса для всѣхъ дальнѣйшихъ изслѣдователей,—единомышленниковъ Милля. Труды всѣхъ этихъ защитниковъ идеи женской равноправности выяснили хорошо всю искусственность обычнаго, составленнаго мужчинами, взгляда на „природу женщинъ“; низшую сравнительно съ природой мужчинъ. То, что приписываютъ женщинамъ, какъ свойственныя только имъ въ отличіе отъ мужчинъ, нравственныя и умственныя качества, въ дѣйствительности результатъ особеннаго, „женскаго“ воспитанія, прививки женщинамъ съ самаго малолѣтства многихъ чертъ характера, полезныхъ мужчинамъ. „Уже одно рожденіе—мальчикомъ или дѣвочкой обыкновенно предрѣшаетъ положеніе человѣка на всю его жизнь и отрѣзываетъ дѣвочкѣ путь ко всякому возвышенному, самостоятельному, общественному положенію и почти всѣмъ почетнымъ званіямъ“ [1]) Указывая на этотъ неоспоримый фактъ, Д. С. Милль считаетъ недостаткомъ женскаго воспитанія внушеніе женщинамъ вѣры въ необходимость жить для другихъ, питать привязанности къ близкимъ-

[1]) Д. С. Милль: „Подчиненность женщины“, 36—37 и 45 стр.

мужчинамъ и своимъ дѣтямъ [1]) Это мнѣніе Милля, вытекающее изъ его желанія обезпечить женщинѣ личную свободу и самостоятельность, грѣшитъ нѣкоторою односторонностью. Развитіе альтруистическихъ стремленій, составляющее задачу нравственнаго воспитанія, одинаково необходимо мужчинѣ, какъ и женщинѣ, и должно идти рука объ руку съ развитіемъ въ человѣкѣ свободной и самостоятельной личности и поэтому не можетъ препятствовать женщинѣ быть равной мужчинѣ. Она даже превосходитъ его своимъ часто стойкимъ, выдержаннымъ характеромъ, моральной чистотой, возвышенными, благородными чувствами. Женщины болѣе мужчинъ способны къ самоотверженію при всякаго рода несчастіяхъ, личномъ горѣ, которыя онѣ и выносятъ лучше, нежели мужчины. Быть можетъ, эта выносливость, замѣчаемая какъ при нравственныхъ огорченіяхъ, такъ и физической боли у женщинъ, выработалась у нихъ, благодаря ихъ подчиненному положенію въ семьѣ и обществѣ, какъ думаетъ Гэвлокъ Эллисъ. Но во всякомъ случаѣ указанная способность, полезная для сохраненія и развитія личныхъ силъ женщины, драгоцѣнна и для всего общества, въ которомъ альтруистическіе чувства и поступки являются надежнымъ залогомъ для всего дальнѣйшаго его существованія и развитія. Кому неизвѣстно, какой неистощимый запасъ состраданія, милосердія, терпѣнія и героическаго самопожертвованія выказываютъ женщины въ тяжелыя минуты семейной или общественной жизни: при болѣзни или смерти дѣтей, мужа, какомъ-либо другомъ семейномъ несчастіи, въ годину народныхъ бѣдствій и войнъ? Кто не знаетъ, насколько незамѣнимы во всѣхъ этихъ случаяхъ безкорыстныя услуги матери, жены, дни и ночи проводящей у постели больного, женщины врача, сестры милосердія, забывающей о пищѣ, снѣ и своемъ здоровьи въ больницахъ, госпиталяхъ?

---

[1]) Ibidem.

Конечно, женщина не образецъ моральнаго совершенства: въ литературѣ и жизни ей приписываютъ немало всякихъ нравственныхъ недостатковъ, значительная часть которыхъ нажита женщиной все въ тѣхъ же рамкахъ патріархальнаго режима, пріучившаго ее къ хитрости, скрытности, коварству и особенно ко всевозможнымъ пріемамъ кокетства, привлеченію вниманія мужчинъ къ своей красивой фигурѣ модными костюмами, изящными манерами. Большая доля вины лежитъ на мужчинахъ въ погибели массы женщинъ, падающихъ жертвами *проституціи*: эта соціальная язва есть, съ одной стороны, послѣдствіе низкаго уровня моральныхъ понятій мужчинъ, а съ другой неизбѣжный результатъ безвыходнаго положенія, въ которомъ находится далеко не всегда безнравственная женщина въ обществѣ, гдѣ ей закрыты почти всѣ пути къ добыванію средствъ посредствомъ такихъ же формъ труда, разныхъ профессій, какія въ употребленіи у мужчинъ.

Для женщины въ тѣхъ условіяхъ общественной жизни, въ коихъ она живетъ уже цѣлые вѣка, *бракъ* — главнѣйшій способъ матеріальнаго обезпеченія и необходимое условіе извѣстнаго положенія женщины въ обществѣ, обыкновенно зависящаго отъ профессіи ея мужа. Къ этой завѣтной цѣли направлено почти все воспитаніе большинства дѣвушекъ, которыя прежде всего „невѣсты“, а потомъ уже могутъ имѣть взгляды и вкусы, свойственные людямъ, хотя-бы съ общимъ образованіемъ. Таковъ, по крайней мѣрѣ, жребій дѣвушекъ въ высшемъ и среднемъ классахъ современнаго общества, особенно русскаго: въ низшихъ классахъ нашего населенія женщина всегда была и теперь предназначена къ семейной жизни, ея удѣлъ быть женой и хозяйкой своему мужу и матерью и нянькой его дѣтей. Никто не будетъ спорить, что природѣ женщины, помимо разныхъ ея качествъ, физическихъ и духовныхъ, искусственно привитыхъ въ долгіе года ея зависимости, подчиненнаго положенія, свойственно

выполнять назначеніе своего пола—быть представительницей вида и служить цѣлямъ сохраненія человѣческаго рода. Поэтому для женщины семейная жизнь всегда была и останется главнымъ ея призваніемъ, выполненіе котораго женщиной въ союзѣ съ мужчиной тѣсно связано съ важнѣйшими интересами человѣчества. Поэтому-то, между прочимъ, такъ тяжела судьба „дѣвушекъ", лишенныхъ семейныхъ привязанностей, заботъ и радостей и осужденныхъ на печальную, одинокую жизнь какого-то особаго „третьяго пола" среди насмѣшекъ окружающихъ, которыя вызываются странными привычками „старыхъ дѣвъ". Наоборотъ, замужнія женщины пользуются знаками уваженія всего общества. Вся судьба молодаго поколѣнія въ рукахъ матерей, отъ которыхъ, главнымъ образомъ, зависитъ сохранить и дать то или иное направленіе природнымъ силамъ дѣтей какъ физическимъ, такъ и духовнымъ. Только мать можетъ внушить имъ добрыя привычки, воспитать въ духѣ религіозно-нравственныхъ понятій, развить альтруистическую наклонность человѣческой природы и сдержать въ извѣстныхъ границахъ ея эгоистическіе порывы, излишекъ которыхъ сильно вредитъ людямъ въ годы ихъ юности и тормозитъ послѣдующую ихъ дѣятельность, полезную для всего общества. Послѣднее хорошо сознаетъ всю великую задачу воспитанія, которое обыкновенно выноситъ на своихъ плечахъ почти одна женщина, и потому такъ высоко ставитъ заслуги матерей, посвящающихъ большую половину своей жизни въ высшей степени трудному и благородному дѣлу воспитанія молодаго поколѣнія. Но женщина въ семьѣ не только мать-воспитательница своихъ дѣтей. Она вступаетъ въ тѣсный, жизненный союзъ съ мужчиной, который долженъ быть залогомъ взаимнаго, личнаго счастья для обѣихъ сторонъ. Такъ бываетъ и на самомъ дѣлѣ, если только бракъ сообщество между равными, равенство супруговъ [1]), основанъ на добро-

[1]) Д. С. Милль, назв. сочиненіе, 106 стр.

вольномъ согласіи и обоюдныхъ симпатіяхъ, взаимномъ уваженіи и любви, заключается при возможно равномъ уровнѣ умственнаго и нравственнаго развитія мужа и жены и ихъ одинаковыхъ вкусахъ и привычкахъ. Въ такихъ бракахъ не можетъ быть рѣчи о превосходствѣ, преобладаніи одного супруга надъ другимъ, *власти* мужа надъ женой, ея *повиновеніи* ему. Распоряженіе домашними дѣлами происходило-бы здѣсь такимъ образомъ, что каждый изъ супруговъ „пользовался неограниченной исполнительной властью по своей части и для всякой перемѣны системы или принципа требовалось согласіе обоихъ“ [1]). При этомъ естественно, что умственное превосходство и рѣшительность характера дадутъ перевѣсъ въ семейной жизни тому изъ супруговъ, который обладаетъ однимъ изъ этихъ качествъ, а тѣмъ болѣе обоими. Несомнѣнно также, что при современныхъ условіяхъ общественной жизни мужъ, на обязанности котораго лежитъ добываніе средствъ къ жизни личнымъ трудомъ, той или другой частной или общественной профессіей, имѣетъ болѣе рѣшающій голосъ въ семьѣ, нежели жена, которой остается вести домашніе расходы. Д. С. Милль, который даетъ такой образецъ нормальнаго брака, возможнаго и теперь при настоящей организаціи общества, совершенно справедливо возражаетъ противъ стремленій женъ ради обезпеченія своей самостоятельности въ глазахъ мужа „увеличивать своими трудами семейный доходъ“ [2]). На долю жены, которая обречена на всѣ физическія страданія дѣторожденія, нерѣдко опаснаго для ея жизни, несетъ тяжелую отвѣтственность за воспитаніе дѣтей, и занимается еще и нелегкимъ распредѣленіемъ заработковъ мужа на всѣ потребности семьи, выпадаетъ неменьшая, если только не большая половина общаго труда супруговъ въ ихъ совмѣстной жизни. При занятіяхъ жены внѣ дома дѣти ростутъ безъ

---

[1]) Ibidem, 97—98 стр. и слѣд., [2]) 118—119 стр. и слѣд.

бдительнаго надзора матери, хозяйство идетъ кое-какъ и только для мужа представляется лишній соблазнъ заставить работать жену за себя, а самому проводить время праздно [1]). Все это можетъ быть въ семьѣ, построенной только не на идеальномъ началѣ „равенства между супругами“ во всѣхъ отношеніяхъ, а скорѣе полнаго ихъ разногласія: тогда, конечно, жена не захочетъ и подумать объ увеличеніи благосостоянія своей семьи путемъ личнаго заработка, хотя-бы она имѣла къ тому силы и возможность. Мужъ же всегда будетъ готовъ употребить для своихъ прихотей лишнія деньги, выработанныя женой въ часы, свободные отъ домашнихъ дѣлъ. Можно сказать, что вопросъ о томъ, каковы должны быть нормальныя отношенія между мужемъ и женой—одна изъ самыхъ трудныхъ задачъ, разрѣшаемыхъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ посвоему, сообразно съ личными особенностями каждаго изъ супруговъ. Достаточно замѣтить, что для личнаго ихъ счастья необходимы взаимное уваженіе и любовь, на почвѣ которыхъ рано или поздно сгладятся всѣ шероховатости въ отношеніяхъ, проистекающія изъ неизбѣжной въ жизни разницы характеровъ, симпатій, взглядовъ и вкусовъ супруговъ, и установится семейный порядокъ, одинаково полезный какъ для счастья обоихъ супруговъ, такъ и всего ихъ потомства. При своихъ разсужденіяхъ о нормальномъ типѣ семейныхъ отношеній Милль правъ, когда онъ указываетъ на семейныя обязанности женщины, какъ на особый родъ занятій, которому она посвящаетъ лучшее время своей жизни, а иногда и всю жизнь въ то время, какъ мужъ избираетъ какую-либо общественную службу или частную профессію съ цѣлью обезпеченія благосостоянія семьи [2]). *Имѣть возмож-*

[1]) Ibidem.

[2]) Примѣчаніе. Спенсеръ также замѣчаетъ, что „выполненіе домашнихъ и материнскихъ обязанностей женою обыкновенно должно считаться надлежащимъ вознагражденіемъ за заработокъ мужа“. („Справедливость“. Спб 1898, 139 стр.).

ность зарабатывать деньги для женщины является необходимымъ условіемъ сохраненія ея достоинства, если только у ней нѣтъ своего состоянія [1]). Но еще болѣе важнымъ и нужнымъ условіемъ для семейнаго счастья представляется нравственная чистота въ взаимныхъ отношеніяхъ супруговъ, на которой такъ энергично настаиваетъ графъ Л. Н. Толстой. Послѣдній внушаетъ мужчинамъ взглядъ, что они, прежде всего, должны видѣть въ женщинахъ людей, такихъ же разумныхъ и свободныхъ существъ, какими они считаютъ самихъ себя. Признаніе личнаго достоинства и искренняя любовь другъ къ другу, положенныя въ основу взаимныхъ отношеній супруговъ, предохранятъ ихъ отъ увлеченій на почвѣ чувственности, нерѣдкихъ теперь особенно со стороны мужа [2]). Супружеская вѣрность, нарушеніе которой не только не считается большимъ проступкомъ, но и вмѣняется обыкновенно „молодцу не въ укоръ“, а въ славу, въ равной мѣрѣ обязательна какъ для мужа, такъ и для жены, если только обѣ стороны видятъ въ бракѣ высшій, нравственный союзъ, а не случайное соединеніе мужчины и женщины изъ за коммерческихъ разсчетовъ или удовлетворенія грубыхъ порывовъ чувственности. Къ какимъ послѣдствіямъ приводятъ браки, основанные на такихъ, унижающихъ обѣ стороны, мотивахъ, на это указываетъ „Крейцерова соната“ гр. Толстого, который здѣсь съ художественной силой и яркостью изобразилъ полный разладъ и настоящій адъ въ семейной жизни Позднышевыхъ, лишенной всякихъ моральныхъ основъ [3]). Многочисленность подобныхъ браковъ въ современномъ обществѣ и даетъ поводъ, между прочимъ, многимъ новѣйшимъ писателямъ (Шопенгауэру, Прудону, Нитцше, Максу Нордау и др.) смотрѣть на женщину, какъ только на самку, представительницу вида.

---

[1]) Ibidem, 120 стр., [2]) См. мою назв. книгу о гр. Толстомъ и Ф. Нитцше шестую главу.

[3]) Ibidem.

Эти писатели, за которыми охотно идетъ, послушная авторитету, толпа, забываютъ при этомъ, на сколько самъ мужчина виноватъ въ развитіи въ женщинѣ чувственности и поддержаніи на нее въ обществѣ взгляда, какъ на низшее существо, обреченное на одну семейную жизнь съ ея въ извѣстной степени узкими, ограниченными интересами.

Горячая проповѣдь о назначеніи женщины къ семейной лишь жизни, провозглашаемая разными научными авторитетами и усердно поддерживаемая многочисленными и слѣпыми поклонниками вѣковыхъ преданій и обычаевъ, звучитъ саркастической насмѣшкой по отношенію къ милліонамъ европейскихъ женщинъ, которыя не имѣютъ никакой возможности выйти замужъ, хотя-бы и желали этого. Всей этой массѣ юныхъ женщинъ въ полномъ цвѣтѣ силъ, здоровья и охотой, если не въ бракѣ, то хоть въ какихъ-либо занятіяхъ, полезныхъ для другихъ, найти обезпеченіе и разумную цѣль въ жизни, остается прозябать въ домѣ родителей въ напрасномъ ожиданіи „приличной партіи“ съ неизбѣжной перспективой, въ случаѣ неудачи въ ея отысканіи, превратиться въ старыхъ дѣвъ и испытывать съ ничѣмъ незаслуженною горечью на душѣ пренебрежительное и насмѣшливое отношеніе къ себѣ родныхъ и знакомыхъ. Хорошо еще, если молодая дѣвушка получила извѣстное, доступное женщинамъ, школьное образованіе. Тогда она можетъ, по крайней мѣрѣ, помогать своимъ роднымъ, учащимся братьямъ и сестрамъ при ихъ занятіяхъ, а при извѣстныхъ условіяхъ и продолжать сама работать на курсахъ, въ университетахъ, институтахъ или дома подъ руководствомъ опытныхъ, знающихъ лицъ надъ своимъ самообразованіемъ, и учить дѣтей или заниматься другимъ частнымъ дѣломъ или общественной профессіей и на сторонѣ. Иначе дѣвушкѣ, которой не удалось выйти замужъ, предстоитъ выборъ между разнаго рода „женскими“ занятіями, обыкновенно дающими ничтожный зара-

ботокъ при большой массѣ труда. Къ тѣмъ же занятіямъ должны обратиться и женщины-вдовы иногда съ большимъ количествомъ дѣтей, необходимость воспитанія которыхъ заставляетъ ихъ мать согласиться на самыя невыгодныя условія работы. Но, помимо нужды въ кускѣ не одного только насущнаго хлѣба для молодыхъ, незамужнихъ дѣвушекъ и бѣдныхъ вдовъ съ дѣтьми, какой интересъ въ жизни для замужнихъ, достаточныхъ женщинъ зрѣлыхъ лѣтъ, выполнившихъ „назначеніе своего пола“ и осужденныхъ доживать свой вѣкъ съ мучительнымъ сознаніемъ своей безполезности для окружающей семьи? Многіе изъ современныхъ писателей (Милль, Брандтъ, Луи Франкъ, Дюрингъ и др.) обращаютъ особенное вниманіе на безвыходное положеніе массы женщинъ, которымъ не приходится достигать матеріальнаго обезпеченія и нѣкоторой общественной самостоятельности путемъ брака, до сихъ поръ бывшаго почти единственнымъ къ тому способомъ. Всѣ эти писатели ставятъ требованіе, чтобы для всѣхъ женщинъ безъ различія былъ открытъ доступъ ко всѣмъ тѣмъ профессіямъ и общественнымъ должностямъ, которыя занимаютъ и мужчины. Женщины, говоритъ Д. С. Милль, способны дѣлать все безъ исключенія, что дѣлаютъ мужчины, и дѣлать это съ успѣхомъ и честью для себя. Вопіющая несправедливость, если женщинамъ отказываютъ въ равномъ съ мужчинами, нравственномъ правѣ выбирать себѣ занятіе на собственный рискъ и по собственному вкусу, конкурировать съ мужчинами и получать слѣдующую имъ долю почестей и отличій [1]). Также и Спенсеръ утверждаетъ, что „безъ нарушенія справедливости нельзя создавать никакихъ ограниченій для женщинъ по отношенію къ занятіямъ, профессіямъ или другимъ дѣятельностямъ, какими онѣ вздумали-бы заняться“ [2]). Но про-

[1]) Д. С. Милль, назв. сочиненіе, 125—128 стр.

[2]) Спенсеръ, ibidem, 138 стр.

Противъ этихъ требованій полнаго равенства женщинъ съ мужчинами во всѣхъ формахъ труда раздаются многочисленные и рѣзкіе голоса со стороны многихъ ученыхъ, которые въ этомъ случаѣ облекаютъ въ научныя формулы обычные взгляды толпы, вѣковыя преданія и устарѣвшіе предразсудки. Неумолимые противники женщинъ призываютъ въ доказательство своихъ воззрѣній, повидимому, неоспоримыя данныя, ссылаются на разнообразные факты дѣйствительной жизни и выдвигаютъ грозный арсеналъ историческихъ аргументовъ съ цѣлью показать, очевидную для всѣхъ, умственную незрѣлость женщинъ и ихъ неспособность къ занятіямъ мужчинъ. Утверждаютъ рѣшительно, что женщина всегда была и есть жена, мать-воспитательница своихъ дѣтей и хозяйка для своего мужа, и что въ выполненіи этихъ задачъ, согласныхъ съ природой женщинъ, и заключается единственное ихъ назначеніе. Говорятъ объ отсутствіи у женщинъ способности къ отвлеченнымъ обобщеніямъ, благодаря которому изъ ихъ среды не вышло ничего выдающагося въ области мысли, музыки, живописи, скульптуры, поэзіи. Подкрѣпляютъ, наконецъ, всѣ эти, повидимому, несомнѣнные факты указаніями на разныя физіологическія отправленія, физическую организацію женщины, предрасполагающую ее къ семейной лишь жизни, особенно на разницу въ строеніи мозга. Ссылки на исторію противниковъ женской равноправности объясняютъ многое изъ числа ихъ доводовъ. Несомнѣнно, что женщина съ незапамятныхъ временъ жила въ семьѣ, откуда для нея не было никакого выхода даже въ тѣхъ случаяхъ, когда представлялась возможность и крайняя необходимость для женщины войти въ общественную жизнь равноправнымъ съ мужчиной ея членомъ. Такъ была всегда велика сила вѣковѣчныхъ преданій и установившихся взглядовъ на „природу“ женщины! И какъ разнообразны были въ исторіи воззрѣнія

на эту „природу“! На Востокѣ женщинъ считаютъ сладострастными и поэтому ревниво оберегаютъ ихъ въ гаремахъ, гдѣ все направлено къ развитію въ женщинахъ той же чувственности и систематическаго удаленія ихъ отъ всякихъ высшихъ интересовъ. Въ античномъ мірѣ эти интересы были удѣломъ очень немногихъ женщинъ не изъ числа только дѣвицъ и замужнихъ—обитательницъ гинекея [1]). Систематическое удаленіе женщинъ отъ всякаго дѣла, которое носило на себѣ общественный характеръ, продолжается весь долгій періодъ среднихъ вѣковъ, не прерывается почти и въ новое время, за исключеніемъ тѣхъ краткихъ въ немъ моментовъ, когда историческія обстоятельства выдвигали женщину на общественную арену и позволяли ей принимать участіе и въ общественныхъ дѣлахъ. И послѣ такого безпрерывнаго, хропическаго развитія въ женщинѣ однихъ половыхъ инстинктовъ, многовѣковаго внушенія ей мужчинами неотвязной, поддерживаемой всѣмъ складомъ общественнаго устройства, мысли, что вся ея жизненная задача въ выполненіи назначенія своего пола, можно-ли было ожидать отъ мужчинъ какихъ-либо другихъ рѣчей о женщинахъ? Онѣ и не могли обладать какими-либо другими свойствами, какъ, воспитанной въ нихъ вѣками, неспособностью къ отвлеченному мышленію, издавна присвоенному себѣ мужчинами. Естественно, что женщины сдѣлались легкомысленными созданіями, занятыми болѣе мелкими, житейскими интересами, модными костюмами, чѣмъ какими-либо серьезными, общественными вопросами, въ рѣшеніи которыхъ мужчина упражнялся одинъ и во все время исторической жизни общества. Мудрено было ожидать, чтобы при такомъ раздѣленіи труда, очень выгодномъ для однихъ мужчинъ, женщины оказали какіе-либо выдающіеся успѣхи въ наукѣ, искусствѣ, политической и общественной

---

[1]) Въ Англіи женщинъ всегда считали холодными, во Франціи—легкомысленными. Милль, ibidem, 166—167 стр.

жизни, чтобы у нихъ проявились личныя способности, индивидуальность и была развита иниціатива въ дѣлахъ, чуждыхъ ихъ обыкновеннымъ, домашнимъ занятіямъ. И надобно еще удивляться, что при такихъ условіяхъ, парализирующихъ всякія общественныя стремленія у женщинъ, онѣ не разъ въ исторіи заявляли о себѣ сами съ выгодной стороны въ области общественной жизни (въ сферѣ государственнаго управленія, въ научныхъ занятіяхъ и общественныхъ реформахъ). Очевидно, что разница въ составѣ, размѣрахъ, вѣсѣ мозга у женщинъ сравнительно съ мужскимъ мозгомъ, которая въ глазахъ многихъ ученыхъ противниковъ женщинъ является роковымъ свойствомъ ихъ природы, это различіе, которое оказывается теперь по изслѣдованіямъ болѣе безпристрастныхъ изслѣдователей преувеличеннымъ, несущественнымъ, образовалось постепенно въ женскомъ организмѣ вслѣдствіе особеннаго, изолированнаго воспитанія женщинъ вдали отъ всякихъ напряженныхъ думъ о серьезныхъ предметахъ. Поэтому-то, какъ справедливо замѣчаетъ Милль, среди женщинъ такъ мало оригинальныхъ мыслителей. Когда женщины будутъ обладать такой-же подготовкой, какая нужна для самостоятельности въ мышленіи мужчинамъ, тогда только и можно судить о способности первыхъ къ оригинальному мышленію [1]). Но ни односторонность воспитанія женщинъ, ни пріобрѣтенная ими, вслѣдствіе изолированной жизни въ семьѣ, невыгодная разница въ организаціи мозга не помѣшали развитію у нихъ способности легко воспринимать внѣшнія впечатлѣнія и быстро и вѣрно понимать окружающіе факты. Благодаря этой способности, женщины чутко отзываются на происходящія событія, правильно судятъ о нихъ и находятъ выходъ при самыхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ, при которыхъ мужчины обыкновенно теряются. Именно этой спо-

---

[1]) Д. С. Милль, ibidem, 171 стр. и слѣд.

собности женщинъ вѣрно понимать характеры людей нужно приписать общеизвѣстный, историческій фактъ, что женщины-управительницы отличались умѣньемъ находить способныхъ себѣ помощниковъ по управленію государствомъ. Всѣ онѣ, кромѣ того, прославились благоразуміемъ, твердостью и энергіей въ управленіи. Блестящей представительницей всѣхъ этихъ качествъ была, напр., въ Россіи Великая Екатерина (II-я). Тяготѣніе женскаго ума къ существующимъ фактамъ, образовавшееся у женщинъ при постоянномъ соприкосновеніи съ дѣйствительностью въ ихъ практической жизни, выгодно отличаетъ женщинъ отъ мужчинъ, вращающихся болѣе въ области отвлеченнаго мышленія и пренебрегающихъ реальными фактами. Женщина возвращаетъ мужчину изъ фантастическаго міра отвлеченныхъ сужденій и понятій въ настоящую жизнь человѣческихъ, настоятельныхъ нуждъ и интересовъ и, такимъ образомъ, исправляетъ недостатки въ мышленіи и дѣятельности мужчины. Полезны также и не однѣмъ лишь женщинамъ подвижность ихъ ума, скорость въ сужденіяхъ и быстрота въ рѣшеніяхъ дѣйствовать, такъ важныя въ практической жизни. Недостающія иногда женщинамъ, правильность пониманія и вѣрность сужденій о предметахъ могутъ быть получены путемъ болѣе тщательнаго воспитанія. Есть и нѣкоторыя другія свойства женскаго ума, въ которыхъ мужчина можетъ позавидовать женщинѣ. Физическія и духовныя силы женщинъ при напряженномъ трудѣ скорѣе ослабѣваютъ, но за то онѣ скорѣе у нихъ и возстанавливаются, такъ что женщина въ состояніи производить продолжительныя работы, черпая источникъ энергіи, необходимой для успѣха ихъ дѣятельности, въ короткіе промежутки отдыха. Легкая возбудимость, быстрая воспріимчивость женскаго темперамента, обусловливающія возбужденное состояніе женщины въ теченіе долгаго времени, дѣлаютъ женщинъ чрезвычайно твердыми при всякихъ испытаніяхъ, способными достигать при помощи

неослабныхъ усилій значительныхъ успѣховъ при умственныхъ занятіяхъ и въ разныхъ другихъ профессіяхъ. И теперь въ беллетристикѣ, какъ и на сценѣ, женщины достигли во многихъ отношеніяхъ равенства съ мужчинами: при работѣ надъ беллетристическими произведеніями требуются особенная наблюдательность, воспріимчивость къ окружающимъ явленіямъ, точно также, какъ и при талантливомъ выполненіи на сценѣ драматическихъ и трагическихъ піэсъ. Указанныя особенности женской природы развились подъ вліяніемъ ихъ постоянныхъ, живыхъ отношеній съ окружающими. Безпрерывный надзоръ надъ дѣтьми, хозяйствомъ требуетъ отъ женщины неусыпной бдительности. Заботы о поддержаніи отношеній въ обществѣ съ неизбѣжными тревогами о томъ, чтобы быть со вкусомъ и прилично одѣтыми, также поглощаютъ у женщины высшаго и средняго сословій немало времени и способностей. Женскій трудъ не виденъ, не замѣтенъ: все, что женщины дѣлаютъ, онѣ дѣлаютъ *между дѣломъ* [1]). И тѣмъ не менѣе безъ этого женскаго труда, на который такъ презрительно смотрятъ многіе мужчины въ гордомъ сознаніи важности всѣхъ своихъ дѣлъ, невозможна, немыслима правильная жизнь всей семьи, всего общества! А, между тѣмъ, благодаря этому своему поистиннѣ сизифозу труду, женщины отстаютъ отъ мужчинъ, не въ состояніи заниматься всѣмъ тѣмъ, что они дѣлаютъ. Всѣмъ своимъ, мало подвижнымъ образомъ жизни женщины привязаны болѣе мужчинъ къ привычной обстановкѣ, въ которой онѣ проводятъ всю свою жизнь. Именно здѣсь, помимо нѣкоторыхъ половыхъ особенностей женской природы, влекущихъ ихъ къ семейной жизни, кроется, безъ сомнѣнія, объясненіе того факта, почему женщина дорожитъ обычными формами жизни, преданіями и издавна принятыми въ обществѣ взглядами. Но это

---

[1]) Милль, ibidem, 185—189 стр.

не значитъ, что женщина по природѣ болѣе консервативна, нежели мужчина, что она чужда мысли о прогрессѣ, врагъ его, какъ утверждаетъ Максъ Нордау. Та способность къ измѣняемости, которую Г. Эллисъ отмѣчаетъ, какъ особенную черту мужского организма, образовалась въ немъ естественнымъ путемъ, вслѣдствіе безпрерывнаго и самаго широкаго участія въ общественной жизни, умственномъ и нравственномъ прогрессѣ общества, общественныхъ реформахъ, нерѣдко, въ критическія эпохи исторіи рѣзко измѣняющихъ общественное устройство и весь дальнѣйшій ходъ жизни человѣчества. Что сдѣлала уже женщина для его блага въ прошедшемъ, мы объ этомъ знаемъ довольно изъ всемірной исторіи,—исторіи разныхъ народовъ въ различныя эпохи ихъ жизни. Что она сдѣлаетъ въ будущемъ, какую роль женщина будетъ играть въ обществѣ грядущаго XX столѣтія, на это указываютъ многіе факты изъ современной жизни европейскаго и американскаго общества. Какъ-бы ни были сильны и, повидимому, непреодолимы вѣковые предразсудки и предубѣжденія противъ идеи равноправности женщинъ, чтобы ни говорили ихъ неумолимые противники въ теоріи и самой жизни, остается несомнѣннымъ одинъ фактъ. Это—медленное, но поступательное, постепенное развитіе этой идеи, за проведеніе которой въ жизнь выступали въ удобные историческіе моменты сами же лучшія женщины эпохи, пока въ XVIII—XIX вѣкѣ движеніе въ пользу уравненія ея правъ съ мужчинами не сдѣлалось однимъ изъ важныхъ вопросовъ, потребовавшимъ настоятельнаго разрѣшенія въ виду интересовъ цѣлой половины человѣческаго рода. Сама женщина указала и единственный путь къ его разрѣшенію—*допущеніе ея къ равному съ мужчиной образованію, общему и профессіональному.* Съ самаго начала новой исторіи (XV в.) начинаются попытки передовыхъ женщинъ обезпечить себѣ путемъ одинаковаго образованія съ мужчинами извѣстную долю независимо-

сти въ обществѣ. Эти попытки, прославившія имена женщинъ-піонерокъ высшаго женскаго образованія, сталкивались съ долго господствовавшими въ обществѣ воззрѣніями и порядками, отводившими женщинѣ второстепенную въ немъ роль. Но эмансипаціонныя стремленія женщинъ не пропадали безслѣдно, нашли сильную поддержку въ лицѣ передовыхъ мужчинъ прошлаго и настоящаго столѣтія, признавшихъ за женщиной, какъ человѣческой личностью, право домогаться одинаковыхъ условій для развитія всѣхъ своихъ силъ и удовлетворенія потребностей такой-же человѣческой природы, какъ и у мужчины. Мы видѣли, какіе успѣхи оказало движеніе въ пользу уравненія правъ женщинъ въ европейскомъ обществѣ, гдѣ она начинаетъ учиться вмѣстѣ съ мужчиной въ однихъ и тѣхъ-же школахъ, среднихъ и высшихъ, и вмѣстѣ съ нимъ же и работать въ разныхъ отрасляхъ труда. Въ Америкѣ же женщина, благодаря особеннымъ историческимъ условіямъ, благопріятнымъ для пріобрѣтенія самостоятельности женщиной, она уже достигла полнаго равенства въ образованіи всѣхъ его видовъ, проникла во всевозможныя области человѣческой дѣятельности, добилась здѣсь права работать производительно, съ пользою для общества и пріобрѣтенія въ немъ независимаго положенія. Семья въ американскомъ обществѣ не исчезла отъ такого широкаго развитія въ немъ идеи женской равноправности: напротивъ, она сдѣлалась, по крайней мѣрѣ, въ высшихъ и среднихъ классахъ истинной, культурной семьей, высшимъ, нравственнымъ союзомъ мужчины и женщины, вступающихъ въ него по взаимному влеченію и дѣйствительному, добровольному соглашенію. Конечно, въ Америкѣ положеніе женщинъ въ рабочихъ классахъ представляется не менѣе тяжелымъ, какъ и въ западно-европейскихъ рабочихъ массахъ. Женщина, выступившая на всемірномъ рынкѣ труда, подпала всѣмъ условіямъ производства и должна была уступить первенство

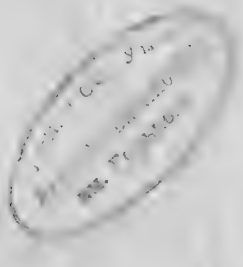
мужчинѣ, превосходившему ее и технической подготовкой, и крѣпостью своихъ силъ, и выносливостью въ работѣ. Но эта слабость, техническая и физическая, женскаго пола—наслѣдіе его многовѣковой замкнутости въ семьѣ—должна замѣниться со временемъ большимъ умѣньемъ и физическою возможностью взяться за дѣло и вести его съ успѣхомъ. Одинаковость труда и вознагражденія для обоихъ половъ сравняетъ и ихъ силы, какъ духовныя, такъ и физическія, хотя извѣстная доля физической слабости и нѣкоторыхъ особыхъ свойствъ женскаго организма и останется неразлучной спутницей женщинъ, посвятившихъ себя семейной жизни. Теперь типъ женщины слабой, изнѣженной, негодной къ продолжительному, напряженному труду становится сравнительно рѣдкимъ, замѣняется все болѣе и болѣе энергичной и дѣятельной женщиной, способной противостоять всякимъ жизненнымъ невзгодамъ и взять властною рукою свою долю счастья на жизненномъ пути. На этомъ пути для женщины XX ст. открываются самыя широкія, заманчивыя перспективы: женщинѣ, равной по своему образованію и правамъ мужчинѣ, предстоитъ принять самое дѣятельное участіе въ великой работѣ нравственнаго обновленія человѣчества, внесенія начала справедливости и гуманности въ общественныя отношенія, поднятія умственнаго уровня низшихъ, рабочихъ классовъ и развитія ихъ матеріальнаго благосостоянія. Женщина, сама такъ много испытавшая горя и страданій отъ произвола и насилій воинственнаго мужчины, будетъ вѣрною и неизмѣнною союзницей идеи мира между государствами, сознаніе необходимости котораго для благосостоянія общества теперь постепенно распространяется среди всего цивилизованнаго міра. Съ уменьшеніемъ войнъ увеличится возможность тихой, мирной и счастливой жизни мужчины съ женщиной въ семьѣ, основанной на взаимномъ уваженіи и любви другъ къ другу супруговъ, равныхъ по своимъ духовнымъ силамъ.

и поэтому одинаково живущихъ высшими, духовными интересами. Цѣлая половина человѣческаго рода, такъ долго лишенная доступа ко всѣмъ, особенно высшимъ благамъ цивилизаціи, получитъ неизмѣримое увеличеніе личнаго счастья вмѣстѣ съ возможностью самостоятельной, разумной и свободной, жизни въ обществѣ, гдѣ, наконецъ, восторжествуетъ идея человѣческой личности, какъ главное основаніе всего общественнаго устройства и залогъ его дальнѣйшаго развитія. Поэтъ Гёте умеръ съ знаменательными словами на устахъ: „свѣта, больше свѣта“! Женщина не менѣе, если только не болѣе мужчины нуждается въ свѣтѣ просвѣщенія, который долженъ озарить всѣ самые отдаленные уголки жизни женщины, помочь ей стать, равноправнымъ съ мужчиной, членомъ общества и внушить женщинѣ живой и неослабный интересъ къ высшимъ соціальнымъ задачамъ, намѣченнымъ всей исторіей человѣчества. Только путемъ совмѣстной, дружной работы, которую предпримутъ въ будущемъ рука объ руку мужчина съ женщиной во всѣхъ отрасляхъ частной и общественной дѣятельности, можетъ быть достигнуто предсмертное пожеланіе всѣмъ людямъ великаго Гладстона, чтобы „*вездѣ была доброта, доброта*“. Женщина много послужила этому высшему, нравственному идеалу человѣческой жизни, приближеніе къ которому необходимое условіе для счастья каждаго человѣка и всего общества. Своимъ постояннымъ участіемъ въ цивилизаціи общества женщина внесетъ въ нее, недостающіе ей, лучшіе элементы женской природы. Человѣчество несомнѣнно выиграетъ оттого, что увеличится, смягчающее и облагораживающее нравы, понятія и всѣ отношенія, вліяніе образованныхъ женщинъ на общество, въ которомъ ускорится при ихъ помощи и разрѣшеніе великаго, общеевропейскаго соціальнаго вопроса, облегчится тяжелое положеніе низшихъ классовъ населенія въ европейскихъ государствахъ. Велики и неисчислимы послѣдствія его предстоящаго, хотя быть

можетъ и нескораго, разрѣшенія для благосостоянія, счастья всего человѣчества! Но, помимо такого возможнаго въ немъ участія, женщина заслужила уже равную съ мужчинами долю счастья въ жизни своими безпрерывными трудами въ дѣлѣ воспитанія безчисленныхъ поколѣній и испытанными, вѣковѣчными страданіями подъ гнетомъ всякаго рода семейныхъ и общественныхъ предразсудковъ, которые неминуемо рано или поздно исчезнутъ, уступятъ мѣсто болѣе здравымъ, гуманнымъ, справедливымъ понятіямъ объ отношеніяхъ между мужчиной и женщиной въ семьѣ и обществѣ.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

Стр.	*Строка снизу,*	*сверху.*	*Напечатано:*	*Надо читать:*
3	—	13	послѣдніе	послѣднія
6	14	—	поздо	поздно
9	9	—	одномъ	въ одномъ
10	—	12	Вулетонкрафтъ	Вульстонкрафтъ
27	5	—	не	на
28	—	12	уравновѣшивающія	уравновѣшивающіе
29	—	1	установившееси	установившееся
35	12	—	колымъ	калымъ
40	9	—	собственные	собственныя
45	—	12	Элизинскіе	Элевзинскіе
50	—	12	тѣже	тѣ же
55	9	—	богослова	богословы
62	—	12	и католичества	католичества
78	17	—	не	на
143	7		тѣже	тѣ же
145	—	8	Не смотря	Несмотря
146	—	14	видѣть	не видѣть
149	12	—	альтруистическіе	альтруистическія



[3p –]